

Дыхание времени

№ 2 / 2021

Воскресенский историко-краеведческий альманах

НАШЕ СЛОВО

90 лет!

КОММУНИСТ

За телны

НАШИ ЮБИЛЕИ

85 лет со дня рождения!

Леонид Дудин,
писатель, ветеран
воздушно-космических сил,
Почетный гражданин
Воскресенского района

ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ВОСКРЕСЕНСКИЙ КРАЕВЕД»

Воскресенский историко-краеведческий альманах «Дыхание времени» № 2 / 2021

Творческое объединение «Воскресенский краевед»

Адрес:
140200, Московская область, г. Воскресенск, пл. Ленина, д. 1, Дворец культуры «Химик» им. Н.И. Докторова

Сайт:
http://dkdok.ru

E-mail:
dkximik@mail.ru

Руководитель проекта:
БЕЛОУС
Светлана Спартаковна

Главный редактор:
ЛЫСЕНКОВ
Виктор Иванович

Фото:
Владимир ДУБРОВИН, личные архивы авторов и интернет-ресурсы

Вёрстка:
Сергей КАЦЕ,
Татьяна ЧУБАРЕВА

На обложке:
фрагмент картины Ольги КАТАСОНОВОЙ «Храм Иоанна Златоуста в Новлянском». 1989. Акварель.

Издаётся при содействии Администрации городского округа Воскресенск Московской области

ISBN 978-5-6047641-0-7
Издательство:
ООО «ПК «Союзпечать»
г. Москва, ул. Верейская, д. 29, стр. 20А
Формат: 210x280 мм
Печать: офсетная
Бумага: 130 гр/м²
Гарнитура: рубленая
Объём: 168 п.
Тираж: 200 экз
Заказ № 22333
Подписано в печать: 21.12.2021

Отпечатано в типографии:
ООО “ПК “Союзпечать”

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке ссылка на Воскресенский историко-краеведческий альманах «Дыхание времени» обязательна.
© ТО «Воскресенский краевед», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение главы городского округа Воскресенск А.В. Болотникова 2
Светлана Белоус К СОВРЕМЕННИКАМ 3

Памяти Александра Анатольевича Суслова 4
Александр Суслов Главный архитектор Докторова 5
Михаил Сологуб Послесловие 18

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
Марина Норова Старая открытка 19

МИР УСАДЬБЫ
Илья Путятин Усадьба Быково: дворцы и их строители – путь к музею 26

ВОСКРЕСЕНСК ПРАВОСЛАВНЫЙ
Протоиерей Алексий Крылов Великая княгиня Софья Витовтовна - покровительница Марчуговской земли 38
Андрей Фролов Как спасали церковь Иоанна Златоуста в селе Новлянском 44

ВОСКРЕСЕНСК ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ
Андрей Фролов Один из тех, кто ковал великую Победу... 48

ХРАНИТЕЛИ ИСТОРИИ
Виктор Лысенков Журналист, исследователь, краевед Сергей Кристи 74

ВОСКРЕСЕНСК В КАРТИНАХ МЕСТНЫХ ХУДОЖНИКОВ
Светлана Белоус Школа творчества 82

СЛУЖУ ОТЕЧЕСТВУ
Андрей Фролов Генерал Василий Вяземский – герой войны 1812 года 88
Галина Васильчук Воскресенск в 1941 году 96
Виктор Неробеев «Я – лётчик-пограничник и горжусь этим званием» 104

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ
Евгений Соловьёв Имя на обелиске 108

РАБОТАЕМ В АРХИВЕ
Светлана Белоус Имена воинов-воскресенцев увековечены на плитах Мемориала 112
Марина Горидько Погибшим воинам-воскресенцам 117

ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ
Виктор Лысенков «Симай, Симай, Отчизны нашей сокол...» 118

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
Лариса Рыбальченко Переплетение прошлого, настоящего, будущего в школьном музее Фосфоритного 132

ВОСКРЕСЕНСК СПОРТИВНЫЙ
Сергей Киселёв Воскресенский вклад в мировое фигурное катание 140

ВОСКРЕСЕНСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ
Ольга Новикова Леонид Дудин. Космос. Поэзия 146

НАШИ СОВРЕМЕННИКИ
Сергей Лобанов Дороги самопознания 153

КУЛЬТУРНАЯ СТРАНИЧКА
Людмила Чебышева Живая нить поколений 158

ПРИРОДА ЗНАКОМАЯ И НЕЗНАКОМАЯ
Юрий Фокин В нашем парке краснокнижные птицы? 164

Артур БОЛОТНИКОВ
Глава городского округа
Воскресенск Московской
области

Уважаемые читатели альманаха!

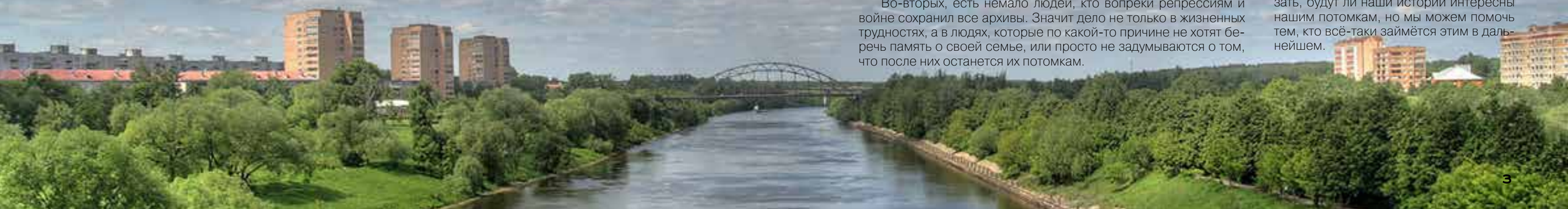
Малая родина в жизни каждого человека играет значительную роль. Но недостаточно просто говорить о любви к родному краю, надо знать его прошлое и настоящее, богатую духовную культуру, народные традиции, природу.

Книги по истории родного края всегда будут востребованы – они адресованы в будущее. Уверен, что таким интересом будет пользоваться и альманах «Дыхание времени», второй номер которого создан бескорыстным трудом наших замечательных краеведов и краелюбов, истинных патриотов.

Воскресенскому округу всего 92 года, городу Воскресенску – 83, но их историческое прошлое, представленное и на страницах альманаха, имеет гораздо глубокие корни.

Судьба Воскресенского края всегда была тесно связана с историей Московского региона и государства Российского. Славные страницы вписаны жителями края в летопись ратного и духовного служения, вековечного созидательного труда. Десятки исторических и архитектурных памятников хранят память о многовековой истории нашей земли, о выдающихся российских государственных деятелях и полководцах, талантливых организаторах производства, писателях, педагогах, артистах, спортсменах,

Славу Воскресенскому краю приносят его люди, которые трудятся на этой земле и приумножают её духовный и экономический потенциал. Убеждён, что и мы будем достойны великих ратных и трудовых подвигов предшествовавших поколений, если сохраним в своих душах живую связь времён, если передадим вступающему в жизнь юношеству эстафету добра и любви к малой родине, нашей древней и вечно юной земле.

К СОВРЕМЕННИКАМ

«Будущее, так же, как и Прошлое,
всегда живет в Настоящем»
Е. Блаватская,
философ, писатель

Светлана БЕЛОУС,
руководитель
творческого объединения
«Воскресенский краевед»
Дворца культуры «Химик»
им. Н.И. Докторова

В последнее время люди все больше стали интересоваться историей. Историей своей страны, биографиями знаменитых личностей, собственной родословной. Путешествуя по другим странам и континентам, мы на развалинах древних цивилизаций встречаем своих соотечественников, интересующихся бытом и образом жизни людей древнего мира. Сегодня мы собираем по крупицам сведения о своих далеких предках. Но задумываемся ли о том, что пройдет время, и то же самое будут делать наши потомки – только предметом их интереса станем уже мы сами. Вот так же они будут ходить по земле, изучать артефакты, смотреть картинки и гадать, какова была цивилизация предков в XXI веке? Были ли мы цивилизованными людьми или дикими народами?

На протяжении всей жизни мы заполняем бумаги и получаем различные документы: паспорт, студенческий и военный билеты, водительские права, пенсионное удостоверение... И в этом смысле сегодняшнее поколение мало чем отличается от предыдущих. Но есть один нюанс: многие документы сейчас заполняются и оформляются онлайн. А значит, и храниться они будут не в пыльных архивах, а на интернет-серверах – в эфемерном неосязаемом пространстве, которым мы не управляем, и нет никаких гарантий, что рано или поздно эта информация не будет удалена, или вообще станет недоступна по причине усовершенствования технологий. Поэтому: что там достанется на просмотр нашим потомкам – вопрос спорный.

Как мы сейчас изучаем биографии великих людей, да и не только великих? Например, из написанных от руки писем или воспоминаний. А что сегодня? Мало того, что рукописных текстов у нас практически уже нет, всё меньше остаётся образцов почерка, благодаря которым в дальнейшем кто-то смог бы понять наш характер.

Все чем мы сейчас гордимся, информационные технологии, блага цивилизации, может быть, не оставят после себя и следа. Возможно, остатки древности еще переживут и нашу цивилизацию, и наши потомки будут судить о далеком прошлом по рисункам на гигантских камнях, а вот о нашем существовании не будут даже и догадываться.

Давайте задумаемся: как часто мы сегодня распечатываем фотографии? За поколение 1990-х – мы ничего не распечатываем ВООБЩЕ. А зачем? Есть же Instagram, VK, Facebook.

И ещё один важный нюанс. В генеалогии многое, если не всё, держится на выстраивании цепочек (нашел ребенка – ищешь родителей). А теперь берем наших правнуков. Как им искать? В архиве ничего нет. И я не думаю, что наши потомки будут обладать лучшей памятью, чем мы.

Во-вторых, есть немало людей, кто вопреки репрессиям и войне сохранил все архивы. Значит дело не только в жизненных трудностях, а в людях, которые по какой-то причине не хотят беречь память о своей семье, или просто не задумываются о том, что после них останется их потомкам.

Краеведы, собирающие материалы по той или иной теме, понимают всю значимость своих архивов, поэтому стараются оставлять документальные свидетельства на бумажном носителе, как например краеведческие альманахи, книги, брошюры, журналы и т.д. И это очень важно именно для будущих поколений.

Я думаю, что каждый из нас должен нести ответственность за то, что мы оставим нашим потомкам. Поэтому, призываю всех: станьте хотя бы на чуточку хранителем Настоящего времени, распечатывайте и подписывайте свои фотографии (кто на них изображен, когда и где сделано фото); соберите и запишите всю возможную информацию о своих предках; напишите свою личную историю и тех, кто жив. Запишите и отложите, пусть будет! А еще подумайте, как сохранить эти материалы.

Да, сегодня мы не можем предсказать, будут ли наши истории интересны нашим потомкам, но мы можем помочь тем, кто всё-таки займётся этим в дальнейшем.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВИЧА СУСЛОВА

Когда уже готовился к печати этот номер альманаха, пришла трагическая весть: на 74-м году ушёл из жизни наш постоянный автор АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ СУСЛОВ – поэт, историк, химик, краевед, член Союза журналистов России, энциклопедически образованный, удивительный человек, истинный патриот, внёсший неоценимый вклад в сохранение истории нашего края.

Еще с середины 1980-х годов в местных газетах начали появляться интереснейшие статьи Александра Анатольевича, посвящённые вопросам краеведения и культуры. В доступной форме он рассказывал об истории сёл, деревень, храмов, открывал неизвестные страницы истории города, писал о людях, оставивших след в памяти поколений. Много публиковался в различных краеведческих изданиях Воскресенска, Коломны, Егорьевска и других городов Подмосковья.

В 2012 году в соавторстве с А.Н. Фроловым, при участии художника Н.И. Башмакова, им был создан масштабный краеведческий труд, результат многолетней исследовательской работы «Очерки истории Воскресенского края» – незаменимый учебник по истории нашей малой родины.

За значительный вклад в области историко-краеведческой деятельности, успехи на литературном и поэтическом поприще, многолетнюю просветительскую работу, Александру Анатольевичу Суслову в 2013 году было присвоено звание «Почётный гражданин Воскресенского района».

Он умел интересно жить, дружить, и был всегда окружён людьми, которые попали в орбиту его обаяния, интеллекта, распахнутой души. В его «ближний круг» входили люди различных профессий и возраста – и всем было с ним интересно, уютно, радостно. Ушёл целый мир и его невозможно заменить...

ГЛАВНЫЙ АРХИТЕКТОР ДОКТОРОВА

Александр Суслов,
краевед, член Союза журналистов России

ОДНАЖДЫ ВОЖДЬ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА В.И. ЛЕНИН ИЗРЕК МЫСЛЬ О ТОМ, ЧТО ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ ВАЖНЕЙШИМ ДЛЯ НАС ЯВЛЯЕТСЯ КИНО (ГОВОРЯТ, ОН ЕЩЕ ДОБАВИЛ «И ЦИРК»). ЭТА КРЫЛАТАЯ ФРАЗА, КРАСИВО ОФОРМЛЕННАЯ, КРАСОВАЛАСЬ ЗАТЕМ НА САМОМ ВИДНОМ МЕСТЕ ВО МНОГИХ СОВЕТСКИХ КИНОТЕАТРАХ.

Глубокомысленные рассуждения об архитектуре (вместо предисловия)

Но задумаемся: с кинематографом (искусством кино) человечество знакомо немногим более ста лет, а тем более во времена вождя ему (кино) насчитывалось от силы лет 20-25, и оно именовалось не иначе как «великий немой». Теперь вопрос: а является ли кино жизненно необходимым искусством, без которого невозможно существовать в этом бренном мире? Вопрос явно риторический. Как-то, худо-бедно, жили на протяжении многих веков и десятилетий, обходились. Зрелище, конечно человеку необходимо, «хлеба и зрелищ» – лозунг древнеримского плебса. Но на первом месте, заметим, стоит все-таки хлеб (пища, еда). На голодный желудок никакие зрелища не вдохновляют.

А вот реальным важнейшим искусством для человечества является архитектура, зодчество.

Улица Менделеева 1980-е г.г.

Как только «хомо сапиенс» слез с деревьев и вышел из пещер, он озаботился прежде всего обустройством своего места обитания, т.е. жилищем.

Оно должно защищать от непогоды, колебаний климата, там можно уединится со своей семьей и заниматься своими делами, готовить пищу, есть, спать, работать, отдыхать, запираться от врагов и недругов («мой дом – моя крепость»).

Все началось с примитивных землянок, обтянутых сверху вместо крыши шкурами мамонта (такие жилища людей каменного века обнаружены недалеко он нас, в городе Зарайске, близ Кремля).

Это начало. А вот конца (финала) у искусства архитектуры нет и не предвидится. Она развивается, меняется, совершенствуется (точно так же как нет конца и у музыки, живописи, поэзии), проходя различные этапы, эпохи, течения – готика, барокко, классицизм, модерн, конструктивизм...

Практически главной проблемой (и мечтой) любого взрослого жителя страны, помимо пропитания и добывания средств к существованию, является приобретение, владение, постройка собственного – отдельного и благоустроенного – жилища: квартиры, дома, дачи.

Широко известно изречение о том, что архитектура – это застывшая музыка. Если продолжить аналогию, то архитектор – композитор, пишущий (сочиняющий) эту музыку – на бумаге, в чертежах, планах, схемах и расчетах.

Тогда строители, воплощающие эти планы в жизнь, суть музыканты оркестра.

Лидия и Александр Пановы. 1940 год. Одесса

Но оркестром должен кто-то руководить, дирижировать, иначе прозвучит не «застывшая музыка», а какофония, кто в лес, кто по дрова. И вот, опять же придерживаясь нашей аналогии, дирижером «архитектурного оркестра» является никто иной, как главный архитектор города. В старые времена эту должность называли проще – градостроитель.

Сам главный архитектор редко занимается каким-то конкретным проектированием в свободное от работы время (как дирижер играет на любимой скрипке или на фортепьяно). Его основная задача следить за тем, чтобы «оркестр» не сфальшивил, играя по нотам, в нужном темпе. Здесь надо форте, а здесь – пиано... Выбрать место для будущего здания или мемориального комплекса, вписать его в окружающее пространство, чтобы оно не смотрелось «вставной челюстью», а гармонично входило в городской ландшафт, чтобы дома не затеняли друг друга, а получали достаточно света, предусмотреть все «мелочи» вроде подъездных путей, перил, пандусов, отсутствие которых порою так усложняет жизнь.

У каждого здания своя специфика и свое назначение. И эта архитектурная музыка звучит десятки, а то и сотни лет.

Начало жизнеописания нашего героя

Жизнеописание, будь то биография или автобиография, начинается с родителей, благодаря которым мы и появились в этом мире. Если есть сведения, то упоминаются и ближайшие предки – дедушки, бабушки, прадедушки...

Наш краткий очерк посвящен Виктору Александровичу Панову, проработавшему 17 лет (с 1965 по 1982 гг.) главным архитектором Воскресенска. Как раз в эти годы город интенсивно застраивался, на глазах менялся его облик, появлялись новые здания, улицы, кварталы. И ко всему этому имел непосредственное отношение, приложил, как говорится руку, а также знания и опыт Виктор Александрович Панов.

Родители

Отец – Александр Алексеевич Панов родился еще в царской России в далеком 1909 году в славном городе Вологде. Он вырос в высокого (2 метра 05 см) статного мужчину. Его детство и юность пришлись на бурные годы революции и гражданской войны. В 1932 году, в возрасте 23 лет, Александр Панов поступил в Школу военных лекарских помощников

РККА в Ленинграде и был выпущен в октябре 1933 года в звании «военного лекарского помощника». Войну встретил уже в звании «военфельдшера».

Мать – Лидия Константиновна Бурлова родилась 14 марта (старого стиля) 1912 года. Семья её жила в сельской местности в Вологодской губернии и была более менее состоятельной, даже имела собственную мельницу. Детей, как водилось в крестьянских семьях росло много, мал мала меньше, и Лида была старшей из них.

Детство у сельских ребятишек длилось не долго, с ранних лет они начинали работать на общее хозяйство, помогать по дому, присматривать за живностью. Каждый вносил посильную лепту в общее дело.

Всё бы хорошо, но вот наступил зловещий год «великого перелома». Вся мощь государства обрушилась на собственного кормильца – крестьянство. Началась насильственная коллективизация, создание колхозов и все сопутствующие этому «перегибы» – раскулачивание, высылки, репрессии, лагеря... Как следствие – голод, недоедание, болезни... Богатый «урожай» собирала только смерть.

Многочисленную семью Бурловых «раскулачили» и отправили по этапу в ссылку. Юная 18-летняя Лида смогла избежать этой участи только лишь потому, что согласилась выйти замуж за красноармейца Александра Панова. Любящий свою жену Александр взял на воспитание ее малолетнего брата Женю и такую же маленькую сестру Шуру. Вряд ли бы эти «враги народа» выдержали этап от Вологды до Печоры.

Лида воспитывала, «поднимала» своих брата с сестрой, а когда впоследствии появились собственные дети, они росли вместе, одной семьей.

Молодая семья Пановых переезжала с места на место из-за часто менявшегося места службы Александра Алексеевича. Он служил военфельдшером на кораблях то Черноморского, то Балтийского флота. Пока он находился на корабле или в плавании, семья проживала в ближайшем портовом городе.

Вот их первенец – Виктор родился в черноморском портовом городе Батуми, в то время столице Аджарской АССР. Это знаменательное событие произошло 11 августа 1935 года. Через два с небольшим года у Пановых родился и второй сын – Борис. Ныне Борис Александрович Панов, военный летчик, в отставке живет в Белоруссии.

Виктор Александрович Панов

Перед самой войной Александра Панова перевели на Балтийский флот. Прибалтийские республики тогда «добровольно» вошли в состав Советского Союза. Семья поселилась в Риге.

Война

... Война началась, как все знают, внезапно, хотя предчувствие её, что называется, носилось в воздухе. Победить коварного и сильного врага «малой кровью и на его территории» сразу не получилось. Крови и жертв было много и Великая Отечественная война длилась долгих почти 4 года.

Прибалтику немцы заняли очень быстро, за несколько дней. Моряки Балтфлота, среди которых был и Александр Панов, сошли на берег и пытались создать оборону, но силы были неравны. Гитлеровцы окружили и уничтожили почти всех. Выжить в этой бойне удалось немногим. Александр Алексеевич Панов погиб (официально – пропал без вести) на

третий день войны, т.е. 25 июня 1941 года. В семье существует легенда, что вдову Панова, Лидию Константиновну, навестил однажды сослуживец мужа, один из немногих уцелевших, и рассказал некоторые подробностей гибели Александра Панова. По его рассказу А. Панов стоял на подножке грузовика, перевозившего снаряды, и вот то ли в этот грузовик, то ли где-то рядом рванул вражеский снаряд, положивший многих. Так маленький Витя (ему еще не исполнилось и 6-ти лет) с братом остались без отца, а их мать (ей шел всего 30-й год) – без мужа, кормильца и защитника.

Александр Алексеевич Панов, по отзывам знавших его, был добрейшей души человек. Перед уходом на фронт он произнес традиционную фразу: «Береги детей».

И она сберегла. Впятером, вместе с сыновьями, братом и сестрой Лидия Константиновна успела попасть на последний эшелон, уходивший из окруженной немцами Риги.

Как это часто случалось в то безумное время, эшелон попал под бомбежку. Все, кто мог, высыпали из вагонов, рассыпались по кустам, прижались к земле. Но вот налет кончился, «юнкерсы» улетели, и состав медленно тронулся. Мать с младшим сыном на руках (у него была сломана нога), с братом и сестрой вскочили на подножку, а Витя замешкался, не успел добежать до состава... И вот представьте картину: эшелон медленно набирает скорость, маленький мальчик бежит в след за ним в отчаянной попытке догнать и с ужасом понимает, что уже не догонит... И тут из движущегося вагона спрыгивает на землю один из ехавших матросов, подбегает к

Витя Панов. Школьные годы

ребенку, хватает его и вместе с ним успевает вскочить на подножку...

Это ощущение смертельного ужаса, от возможности остаться брошенным и забытым, врезалось в детскую память на всю жизнь. Будучи уже взрослым, Виктор Александрович всегда начинал плакать, на глаза наворачивались невольные слезы, когда видел на экране ли или вживую моряка в форме.

Выбравшись из занятой немцами Риги, они добрались до Вологды. Некоторое время жили у родственников на холодной террасе, но потом им, как семье военнослужащего все-таки дали комнату в коммуналке. Семья мужа на протяжении всей жизни помогала Лидии Константиновне выжить и растить детей.

Строительство улицы Менделеева

Послевоенные годы

В Вологде они прожили всё военное лихолетье, и в 1947 году, уже 12-летним подростком, Виктор поступил в Вологодскую среднюю мужскую (сразу после войны ввели раздельное обучение мальчиков и девочек) школу № 9 им. В.М. Молотова (тогда был обычай присваивать школам, как и другим учебным, медицинским и иным учреждениям, производственным предприятиям, библиотекам и т.д. имена партийных и государственных деятелей, писателей, ученых). Школа была «семилеткой», 1954 году Виктор Панов её закончил, получив на руки «аттестат зрелости». Большими успехами в учебе он не блистал, основной оценкой являлись «удовлетворительно», разбавленные несколькими «хорошо» (по истории и географии), зато он любил и умел рисовать, заполнял рисунками тетради, блокноты, просто чистые листы и клочки бумаги. Вместо изучения или «зубрения» наук всю свою страсть направлял на рисование.

Рисунки В.А. Панова

Страсть к рисованию Панов сохранил на всю жизнь. После него остались многочисленные блокноты и листы, заполненные рисунками, набросками, узнаваемыми шаржами, разными «почеркушками», вроде широко известных рисунков Пушкина, которые тот небрежно набрасывал гусиным пером, обдумывая замысел поэмы или повести. Так же и Панов, присутствуя на всевозможных и многочисленных совещаниях и заседаниях, слушая длинные доклады, не отрывал авторучки или карандаша от блокнота.

Он был очень творческим человеком, у родных сохранились его большие работы – живопись, графика. Любил изображать пейзажи, старинные строения – монастыри, храмы (Соловецкий монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь, церковь Иоанна Златоуста в селе Новлянском и многие другие). В Воскресенске иногда устраивались выставки его работ. Бывало, что какие-то вещи с выставок пропадали, что явно свидетельствовало об их художественной ценности. Плохую, невзрачную картину никто красть не будет.

Итоговая запись в аттестате гласила: «Настоящий аттестат дает его владельцу право поступления в высшие учебные заведения Союза ССР».

Шел 1954 год. Наступало время, которое позднее назовут «оттепелью», послесталинской эпохой. Поступить сразу в вуз Панов не мог, так как надо было «отдать долг родине», послужив в её вооруженных силах. Виктор свой долг отдал, отслужив положенные 2 года. В армии случались и неприятные инциденты. Занимаясь в секции бокса, Панов, естественно, имел соответствующие навыки и мог при случае постоять за себя. И однажды пришлось применить свои боксерские знания на практике, накостыляв одному служащему, который всех «доставал». В армии

Служба в Советской армии

таких старослужащих называли «дедами», а само печальное явление окрестили «дедовщиной». В связи с этим случаем Виктор Панов имел некоторые неприятности по службе, выясняли кто прав, кто виноват.

Студенческие годы

И вот наконец армия позади. Надо думать о продолжении образования. Виктор, долго не раздумывая, выбрал Московский архитектурный институт (МАИ), позднее переименованный в МАрхИ, чтобы не путать с такой же аббревиатурой авиационного института.

Панов поступил туда в 1957 году молодым 22-летним юношей. Многие знают по опыту, что студенческое время, пожалуй, самое прекрасная в жизни пора (после школы) – здоровье, молодость, энергия, оптимизм и уверенность, общаги, вечеринки, знакомства, друзья и подруги...

Именно в студенческие годы Виктор и познакомился со своей будущей женой, с которой вместе прожил счастливо 30 лет. Его звали Виктор, её Викторина именно (Викторина, а не Виктория). Он учился в МАрхИ, а она в МИСИ (Московский инженерно-строительный институт), а общежитие у студентов этих институтов было совместное. Студенты МАрхИ были весьма продвинутыми, у них имелся свой джаз-клуб и они отмечали малоизвестный тогда у нас праздник День святого Валентина. И вот 14 февраля студенты и студентки обоих вузов собрались вместе на праздник. Там-то и состоялось знакомство Виктора и Викторины. Вскоре Виктор сделал своей девушке предложение, от которого она не смогла отказаться.

После окончания института молодую специалистку распределили в маленький городок Тверской (а тогда Калининской) области. Виктор съездил туда и добился, чтобы её перевели в родной для неё город Воскресенск, где она жила у родителей. Работала она главным инженером-строителем в Управлении сельского строительства. Кстати сказать, по сельскому строительству Воскресенский район занимал тогда первое место в области.

... Шесть лет учебы в МАрхИ пролетели быстро. Во время летних каникул студенты (а особенно строители и архитекторы) собирались в студенческие отряды и где-нибудь в сельской глубинке возводили коровники, свинофермы и тому подобные сельскохозяйственные объекты, внося посильный вклад в строительство коммунизма, нашего «светлого будущего» (каковое, по расчетам Н.С. Хрущева, должно было наступить к 1980 году). В 1960 году студент Панов трудился на одном из таких объектов в Ельнинском районе Смоленской области.

За год до окончания института, в 1962 году, Панов проходил преддипломную практику в Управле-

Группа студентов МАрхИ

нии проектирования «Моспроект». Там ему оформили первую в жизни трудовую книжку, зачислив на должность техника. Практика продолжалась четыре месяца, с августа по декабрь 1962 года.

В 1963 году Виктор Панов закончил институт и 28 июня получил диплом о высшем образовании, где говорилось, что ему присвоена квалификация архитектора. Тема дипломного проекта – «Планировка и проектирование застройки города».

Закончился очередной, очень важный жизненный этап. В жизни страны так же заканчивалась «волюнтаристская» эпоха Хрущева (ему оставалось рулить ещё год), на смену которой придет брежневский «застой».

Трудовая деятельность

После окончания ВУЗа новоиспеченные специалисты должны были «по распределению» отработать несколько лет на профильных предприятиях или организациях.

Молодого (28 лет) архитектора Виктора Панова направили (распределили) в Жуковский филиал «Мособлпроекта». Жуковский филиал имел, в свою очередь, свой сектор в Коломне, где как раз требовался архитектор. Панова направили было туда, но ему там категорически не понравилось: творческой работы мало, в основном рутинная, техническая, и Виктор заупрямился, проявил характер, отказавшись от Коломенского сектора. Тогда его жена Викторина Михайловна (поженились они в начале 1961 года) пошла на прием к Н.И. Докторову и спросила напрямик: «Не нужен ли Вам архитектор?». Директор химкомбината сказал: «Давай, с удовольствием, мне как раз нужен архитектор».

Однако из Жуковского филиала отпускать своего «кадра» в Воскресенск не хотели и пришлось уходить со скандалом. Как бы то ни было, ряды «гвардейцев» Докторова пополнились молодым, энергичным, в чем-то амбициозным, творчески мыслящим архитектором.

Воскресенский период

Писать современную историю гораздо сложнее, чем, скажем, средневековую, поскольку живы многие персонажи, участники и свидетели этой истории, и у каждого из них своё видение, понимание и оценка людей и событий недавнего прошлого. Иногда кого-то подводит память, все факты приходится проверять.

В проектном отделе химкомбината

20 марта 1964 года Виктор Панов зачислен в штат архитектурно-строительной группы при ОКСе (отделе капитального строительства) Воскресенского химкомбината на должность архитектора. В дальнейшем группа преобразовалась в проектный отдел (бюро). Руководил группой Анатолий Анатольевич Андреичев. Поначалу в группе работало четверо сотрудников, но потом она постоянно расширялась. Отдел занимался, в основном, как тогда говорили, соцкультбытом. В сферу их деятельности входили столовые, детские сады, общежития, кинотеатр, школы, магазины и т.д. Некоторые типовые проекты-переделывали, перепланировали, приспосабливая к местным нуждам (например, детский комбинат № 11 по улице Пионерской, кинотеатр и многое другое).

Занимались также перепланировкой довоенных ещё зданий по улицам Октябрьской, Советской и Пионерской (эти дома из красного кирпича заметно выделяются среди других). Когда-то они строились исключительно как коммуналки с «коридорной системой» («На 48 комнаток всего одна уборная», В.Высоцкий). Теперь пришло время переделывать их на отдельные квартиры.

Фонтан «Каменный цветок»

Десятилетие 1963-1973 годов и далее можно назвать условно «золотым веком» воскресенского градостроительства. Именно в это время закладывался и формировался облик города, во многом (но не во всем) сохранившийся до наших дней.

Первоочередной задачей являлось обеспечение жителей отдельным, по возможности благоустроенным жильем, завершить эпоху «барачного» и «коммунального» прошлого (а последний барак ликвидировали у нас в городе лишь в 1967 году, а коммуналки, увы, существуют и по сей день).

Зарплата у сотрудников отдела была относительно небольшой (по сравнению с другими отделами), всего «стольник» (деньги тогда ходили так называемые «новые», введенные в оборот реформой 1961 года). И тем не менее Панов смог купить (или пошить) хорошее пальто с каракулевым воротником, шапку и портфель. Сослуживцы (со слов В.Н. Вольновой) подсмеивались над ним: «Будешь Виктор, большим начальником». Панов и сам обладал развитым чувством юмора, тоже любил пошутить и многие конфликты и трения разряжал с помощью удачной шутки. А «пророчество» коллег в скорости сбылось. В отделе Панов проработал около года.

В 1965 году Докторов предложил его кандидатуру на должность главного архитектора города. В то время эту должность исполнял человек, который, собственно говоря, был не архитектором, а строителем.

Кандидатуру, выдвинутую Докторовым, утвердили, и вот с 15 апреля 1965 года на почти 17 лет (по 1982 год) Виктор Александрович Панов стал главным архитектором города Воскресенска.

Работы предстоял непочатый край. Город интенсивно застраивался, причем не только центральная часть, но и южная (включенная в состав города в 1954 году), зоны комбинатов «Красный строитель» и «Гигант» («Где живешь?» - «На Красном»).

Первый план застройки Воскресенска, разработанный «Мособлпроектом», воплотился в реальность к середине 1950–х годов. К 1955 году почти закончилась застройка нашей главной «авеню» - улицы Октябрьской, заасфальтировали топкую местность в конце улицы. Так появилась главная городская площадь, и, как завершающий аккорд архитектурной симфонии, в конце её (площади) возвели в стиле сталинского ампира Дворец культуры химиков, ныне носящий имя одного из отцов-основателей города – Николая Ивановича Докторова.

Встал вопрос: куда дальше развиваться и двигаться? Территория за новым дворцом и стадионом занята подсобными хозяйствами, т.е. огородами воскресенцев, растившими там картошку, огурцы и капусту. Туда и решили развиваться. Огороды ликвидировали и вместо них появились две новые улицы – Менделеева и Победы (само название последней говорит о том, что она появилась после войны) и один переулок – Физкультурный (поскольку рядом со стадионом).

Всей этой «богатырской симфонией» как раз и пришлось дирижировать В.А. Панову.

Докторов находил на «игру оркестра» (стройку) средства часто непонятно откуда. В этом проявлялись его несколько авантюрные (в хорошем смысле) наклонности. Он исповедовал принцип «победителей не судят». Судить, конечно, не судили, но выговоры Николай Иванович получал постоянно и регулярно. Контролирующие органы разводили руками: «Извини, Николай Иванович, мы просто обязаны объявить тебе выговор, иначе нас самих турнут». Выговор объявлялся (например, за нарушение финансовой дисциплины или за строительства без разрешения), а затем благополучно снимался.

Вот что вспоминал Николай Семёнович Эпштейн (тренер хоккейной команды «Химик»): «Директор комбината мне по душе пришёлся. Высокой нравственности и государственного ума человек был. Я к нему, скажу честно, в кабинет свободно входил и не помню чтобы хоть раз голос повысил. Он мне говорил так, напирая на «О»: «Микола, человек после себя должен что-то оставлять». Он-то после себя много чего оставил в Воскресенске. «Микола, – откровенничал он со мной, – я здесь на выговорах весь город построил». – «Как так, Николай Иванович?!» – «Да вот так, понимаешь. Я строю дом, мне выговор выносят, ведь решения на этот счёт не было. Дом выстроил, работяги живут, довольны. Выговор сняли. Вот так и идёт жизнь».

Так Докторов и строил – от выговора до выговора. Начинал допустим строить жилой дом. В титуле проекта строят какие-нибудь жалкие 30 тысяч рублей, которых с трудом хватит лишь на фундамент и подземную часть здания. Но дом, тем не менее, строился до конца (до крыши) и сдавался, причём сдать его надо было обязательно до конца года (это называлось «забить»), в конце года где-то оставались не «освоенные» деньги, их переводили на нужный объект, вносили в титул и всё оплачивали. Новосёлы заселяли новые квартиры (после бараков и коммуналок даже нынешние «хрущёвки» казались раем), а Докторов получал очередной выговор.

В.А. Панов, помимо общего «дирижирования» иногда выполнял и собственноручные проекты. Так, им непосредственно спроектированы детские сады по улице Менделеева (в одном из них находится теперь налоговая инспекция) и блок обслуживания общежития № 17 по той же улице.

К началу 1970-х годов и улица Менделеева и Победы были доведены до конца, т.е. уперлись в бетонку. Опять встал вопрос: куда развиваться дальше? Рассматривалось несколько вариантов. Наконец, в 1974 году утвердили, созданный при участии В.А. Панова генеральный план застройки города Воскресенска и проект районной планировки Воскресенского района, разработанные институтом генпланов (ныне – ГУП МО «Научно-исследовательский и проектный институт градостроительства». Решено было осваивать и застраивать правобережную часть, территорию старинного села Новлянского, что и было сделано. Ныне этот квартал, соединённый с левым берегом двумя мостами (пешеходным и автомобильным) известен всем как Новлянский микрорайон (в народе – «страна Новляндия»).

При непосредственном участии В.А. Панова, проектным институтом «Мосгражданпроект» в Нов-

Новлянский микрорайон. 1971 г.

На демонстрации. 1965 г.

лянском микрорайоне запроектированы по индивидуальным проектам школа № 1 (ныне гимназия) на 960 учащихся, 16-этажные жилые дома из монолитного железобетона, 12-этажные дома типа «трилистник» и многое другое.

В центральной части города, таким же образом (по индивидуальным проектам) запроектированы плавательный бассейн «Дельфин», гостиница «Воскресенск» (ныне Дом молодых специалистов), кафе «Отдых» (по улице Менделеева) и Административное здание городского Совета, известное всем воскресенцам как «Белый дом».

Также были приняты проекты детальной планировки Москворецкого жилого района, центральной и южной частей города, где построили здание Воскресенского химико-механического техникума (ВХМТ), жилые дома и много другое.

Помимо города обустраивалась и территория района. При участии В.А. Панова в 1973-1976 гг. разработаны генпланы застройки посёлков Белоозёрский, Фосфоритный и Лопатинский. Последний позднее включён в состав города как микрорайон Лопатинский.

В уже готовые проекты некоторых зданий В.А. Панов вносил свои коррективы для улучшения их архитектурного облика. Такой «доводке» подверглись проекты «Дома быта» и здания Госбанка по улице Советская, пионерского лагеря «Дубравушка»...

Первые этажи жилых зданий по улице Менделеева, Победы и других изначально предназначались под различные социальные, культурно бытовые и торговые объекты. Так на улице Менделеева возник книжный магазин «Мысль», ставший на многие годы центром притяжения воскресенских книголюбов, быстро завоевавшие популярность у жителей магазины «Детский мир», «Маяк», «Дружба», «Магазин № 100» (сотый); аптека в одной из четырех девятиэтажек, различные мелкие магазинчики...

Однажды Докторову захотелось украсить город оригинальным фонтаном. Ему непременно хотелось, чтобы это был «Каменный цветок», такой же, как в Москве, на ВДНХ. Панов специально ездил в столицу, сделал зарисовки и эскизы этого фонтана, а потом построил в Воскресенске его несколько уменьшенную копию. Место это, между улицами Менделеева и Победы, ныне называется бульваром Гагарина. Фонтан нечасто и недолго работал, радуя воскресенцев переливом струй, постоянно отключался, засорялся, а последние годы стоял совсем заброшенным и забытым. В конце концов его снесли и заменили другим (без «архитектурных излишеств»). Летом вокруг него собираются иногда музыканты, певцы, художники, поэты.

Ледовый дворец

Воскресенск долгие годы известен был в стране, да и за рубежом своей хоккейной командой «Химик», созданной Николаем Семеновичем Эпштейном в 1953 году. «Химик», бывало, «клал на лопатки» самых именитых соперников, как отечественных (ЦСКА, «Спартак», «Динамо»), так и зарубежных. Но у команды не имелось своего крытого катка, играли на открытом льду, и в случае оттепели матч либо отменяли, либо переносили на раннее утро, когда еще держался морозец, или переносили игру на чужую площадку. В 1965 году «Химик» впервые занял 3-е место (получил «бронзу») в чемпионате СССР. В группе «А» мастеров «Химик» играл уже начиная с сезона 1956/1957 гг.

Вот что рассказывает Марк Эпштейн, сын Николая Семеновича: «Но в тот момент вышло постановление партии и правительства, согласно которому в классе «А» не могли выступать команды из городов, где не было собственного Дворца спорта. Стало быть, надо было пробивать решение о строительстве ледового дворца в Воскресенске. Легко сказать – пробивать, а на практике? Повезло, что в ЦК КПСС отделом химической промышленности руководил Алексей Михайлович Бушуев. Добился отец, чтобы он его принял. И постепенно сам Бушуев заразился этой идеей и помог выбить разрешение на строительство в Воскресенске собственного Дворца спорта с искусственным льдом на четыре тысячи мест. Рядом гостиницу построили. И команде мастеров стало легче, и ребятам из хоккейной школы было теперь где тренироваться в любое время года».

Сколько усилий, нервов, здоровья Докторову и его дружине стоило строительство этого Дворца один бог знает. Но некоторые подробности все же известны. Викторина Михайловна, жена В.А. Панова рассказывает: «Я как раз перешла на работу в СМУ-3, которое этот Дворец и строило. Докторов был неподражаем. Там, где предполагалось возвести Дворец (рядом со стадионом) находилась лыжная база – небольшое здание, где зимой переодевались, переобувались лыжники, конькобежцы. Это утлое здание мешало новому строительству и тогда его просто... взорвали. Ночью».

Площадку расчистили и приступили к строительству нового объекта. Проект Дворца дорабатывало проектное бюро, в котором Панов проработал год, до своего назначения главным архитектором. Типовой проект Дворца приспособили к нашим условиям.

Викторина Михайловна продолжает: «Докторов был смел и решителен во всех делах. Начав строить Дворец спорта, в титул проекта внесли лишь небольшую часть денег, так как их (денег) всегда не хватало. Подходит конец года. Выясняется, что кто-то (какая-то организация) своих денег не освоил. Деньги эти разными путями переводили в Мособлплан и направляли на строительство Дворца. Титул проекта пересматривали (а я как раз работала в плановом отделе) и все денежки полностью шли на строительство объекта».

Таким методом построены не только Ледовый дворец, но и вся улица Менделеева, Новлянский квартал, здание ВЗПИ («институт»), «библиотечный дом» № 7 по улице Пионерской и многая другая, как сейчас говорят, инфраструктура.

Монтаж мемориала «Вечный огонь» 1970

Вечный огонь

В 1975 году вся страна активно готовилась отметить 30-летие Победы в Великой Отечественной войне. До этого, ни при Сталине, ни при Хрущеве День Победы не отмечался никак – ни парадов, ни салютов, ничего. Даже объявленный было Сталиным выходной день на 9 мая, перенесли на 1 января. Народ стал отмечать Новый год уже спокойно, не боясь опоздать на следующий день на работу. Но вот Дня Победы как будто бы и не было. И только когда власть сменилась и после «добровольной» отставки Хрущева в 1964 году у руля страны встал дорогой Леонид Ильич Брежнев, сам воевавший и прошедший войну (пусть и политруком) Дню Победы вернули его великий статус. В 1965 году впервые (после 1945) достойно и торжественно отметили этот скорбный и

Мемориал «Вечный огонь» 1970

радостный день. Ветераны, прошедшие войну, были тогда еще в самом расцвете сил и лет.

И вот приближалось уже 30-летие Победы. Во многих городах, больших и малых, стали появляться памятники, мемориалы и их «живое» воплощение – Вечный огонь в память земляков, сложивших свои, в большинстве юные головы, в этой чудовищной бойне, именуемой войной. Решили поставить такой мемориальный комплекс с Вечным огнем и у нас в Воскресенске. Число погибших воскресенцев, жителей города и района, приближалось к 10 тысячам. В задачу главного архитектора входило найти наиболее подходящее место для будущего мемориала. И В.А. Панов, после долгих поисков, такое место нашел. Это был небольшой скверик с фруктовыми деревьями, расположившийся между Октябрьской и Пионерской улицами (с торца) и домами №№ 10 и 13 с одной стороны и номерами 8, 11 и 9 с другой. Скверик пришлось пожертвовать, вместо яблонь и груш посадили ели и рябины, каковые сегодня, спустя 40 лет, вымахали выше крыш окружающих домов. И проект, и строительство мемориала проводились исключительно собственными силами, т.е. на местных предприятиях. Над самой стелой с бронзовой фигурой воина работали наши художники Александр Симонов, Борис Булгаков и Сергей Кондратьев. Трудились они в мастерских химкомбината. Сначала сделали макет памятника, а потом уже перевели его в натуральную величину. Виктор Александрович следил и контролировал весь этот творческий процесс. Ранней весной 1975 года на подготовленной заранее площадке закипела работа. Успели в срок, и 9 мая 1975 года наши почетные и знатные граждане – Н.Докторов, А.Антропов и другие – от факела, привезенного специально из

Открытие мемориала «Вечный огонь» 1970

Виктор Александрович Панов. 1965.

Брестской крепости, при большом стечении народа, торжественно зажгли Вечный огонь, который с тех пор горит, не угасая уже более 45 лет.

Помимо Вечного огня Панов занимался проектами сквера на главной площади, которой после возведения здесь памятника (1961 год) присвоили имя Ленина; также благоустраивал он улицу Лермонтова, пространство около бассейна и многие другие места.

При застройке города новыми микрорайонами (Новлянским, Москворецким) им были внедрены новые приемы и подходы планировки.

Воскресенск год от года прирастал зданиями, улицами, кварталами, приобретая свой неповторимый, отличный от других облик, который, будем надеяться, сохранится на долгие годы и десятилетия.

Ивантеевка

В 1981 году Викторину Михайловну пригласили на работу в Москву. Ездить каждый день из Воскресенска в столицу и сейчас не так просто, а тогда еще сложнее. Добраться можно было только электричкой. Ей пообещали дать квартиру, но не в Москве, а в расположенном рядом городке Ивантеевка. Но поставили условие: «Перевези сюда (в Ивантеевку) своего мужа. Здесь как раз нужен главный архитектор».

Виктор Александрович Панов, проработав ещё год, распрощался с Воскресенском, где проработал почти 20 лет. В 1982 году он переехал, уже со всей семьей в Ивантеевку. Там им дали обещанную

квартиру и приняли на работу главным архитектором Ивантеевки (с 1 июля 1982 года). А главным архитектором в Воскресенске был назначен его преемник Михаил Владимирович Сологуб.

Ивантеевка формально входила в Пушкинский район Подмосковья, но имела статус самостоятельного города. Однако масштаб здесь был совсем не тот, к которому привык Панов. Ивантеевка – город небольшой, таких промышленных гигантов, как Химкомбинат, здесь отродясь не было, поэтому строительство финансировалось недостаточно, творческой работы было мало, но Виктор Александрович не любил сидеть без дела и постоянно находил себе работу. Иногда занимался проектированием дома.

... Между тем заканчивалась «брежневская» эпоха. Далее последовала череда «не долгих» генсеков, пока, наконец, к власти не пришел Михаил Сергеевич Горбачев. Дальше мы все помним и знаем: перестройка, путч, парад независимостей, распад СССР, новая Россия...

В результате действий некомпетентных чиновников Виктора Панова заподозрили в непрофессиональной и некачественной работе. После многочисленных проверок честь Виктора Александровича как профессионала была восстановлена, но при этом от переживаний он перенес обширный инфаркт. Его выходили, поставили на ноги, но с должности главного архитектора он вынужден был уйти (1986). Родные подарили ему собаку, с которой он любил гулять. С началом перестройки повсеместно началось строительство индивидуальных коттеджей, «замков» и загородных особняков. Совсем без работы он не мог и по мере сил работал, выполняя разные индивидуальные проекты.

Но тут его поджидал новый удар. В 1990 году внезапно умерла горячо любимая матушка, Лидия Константиновна. Умерла в больнице, после перенесенной операции. Виктор Александрович чрезвычайно тяжело переживал её кончину. А тут ещё 19 августа 1991 года начался так называемый антигорбачевский путч, ГКЧП и всё такое. Панов очень внимательно следил и переживал за происходящими событиями, волновался. 25 августа 1991 года его настиг второй инфаркт, от которого он и скончался, едва успев отметить свой 56-й день рождения.

Похоронили его недалеко от Ивантеевки, на тихом сельском кладбище, как он и просил, рядом с церковью.

Когда-то для Ивантеевской церкви Панов бесплатно сделал проект воскресной церковно-приходской школы. Впоследствии в этой церкви крестилась его дочь Лидия.

Дети и внуки

Если жизнеописание человека начинается с его предков и родителей, то заканчивается обычно потомками – детьми, внуками.

Первенец в молодой семье Пановых, сын Андрей родился в Воскресенске в ноябре 1961 года. Он пошел по стопам отца и закончил тот же самый институт, МАрхИ. Но работал в дальнейшем не в архитектуре или строительстве, а в области дизайна и наружной рекламы. К великому сожалению, он трагически погиб в расцвете лет (за месяц до своего 51-летия) в результате несчастного случая... Его похоронили рядом с отцом.

Дочь Лида (имя дали в честь бабушки) тоже родилась в Воскресенске, в 1966 году. Училась в 22-й, а затем в 25-й школе, которую не успела закончить в Воскресенске, так как семья переехала в Ивантеевку. После школы поступила в Московский

Внучка Анечка

институт инженеров землеустройства, успешно его закончила. Жизнь в 90-е годы быстро менялась и требовала больших усилий. Чтобы найти достойную работу, Лидия получила второе высшее образование, освоила иностранный язык, живет и работает в Москве. Любовь к рисованию, музыке и искусству передалась внучке Виктора Панова Анечке, которая в этом году успешно закончила 10-й класс и её работа, посвящённая юбилею Победы, получила 2-е место на районном детском конкурсе. Аня мечтает стать архитектором как её дедушка.

11 августа 2021 года Виктору Александровичу Панову исполнилось бы 86 лет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Михаил Сологуб,
заслуженный архитектор Московской области, главный архитектор Воскресенского района 1982 – 2009 г.г.

Виктор Александрович Панов оставил в моей жизни судьбоносный след, именно благодаря ему я оказался в Воскресенске.

После моего окончания архитектурного факультета института в феврале 1977 года было распределение студентов по проектным организациям. Я родом из Шатурского района Подмосковья, а моей жене ещё предстояло доучиваться в Москве два года. Из дома на учёбу приходилось ездить через Егорьевск и Воскресенск. Когда я высказал комиссии свои пожелания по распределению, то один из членов комиссии, как впоследствии оказалось, начальник отдела кадров Главного архитектурно-планировочного управления (ГлавАПУ) Мособлисполкома, вспомнил, что главный архитектор Воскресенска просил себе помощника из числа студентов-архитекторов. Так меня распределили на работу в отдел главного архитектора Воскресенского исполкома.

Наша первая встреча и знакомство с Виктором Александровичем состоялась спустя неделю там же в ГлавАПУ, куда главные архитекторы городов и районов Подмосковья приезжали на ежемесячные семинары-совещания. Он спросил, когда уже смогу выйти на работу. Я ответил, что в конце июня ещё предстоит защита диплома, а затем какой-то отдых вместо каникул. Он коротко сказал: «Тогда приезжай в сентябре».

При первой встрече он мне показался достаточно суровым человеком, но впоследствии я узнал его как человека добродушного с огромным чувством юмора.

Он не только мог изобразить дружеские шаржи, подмечая и акцентируя характерные черты человека, но и писал к ним смешные эпиграммы. Особенно доставалось его друзьям Михаилу Емельяновичу Сукову, Леониду Владимировичу Рассказову, Андрею Игнатьевичу Нетребе. Никто, конечно, на него не обижался, но всем было весело.

Я всегда восхищался его эрудицией, знанием дела и работоспособностью. Мне повезло, что довелось с ним сидеть в одном кабинете, впитывать его навыки, видеть, как он ежедневно рассматривает различные архитектурно-планировочные вопросы от размещения объектов застройки городских территорий до согласования проектов по возведению строений на приусадебных участках.

Виктор Александрович принимал самое непосредственное участие в подготовке генерального плана города, утверждённого в 1974 году, от сбора необходимых исходных данных для проектирования до принятия конкретных проектных решений совместно с разработчиками проекта. В дальнейшем при реализации генерального плана я отмечал, насколько детально он знает территорию города, перспективу застройки каждого земельного участка, что позволяло ему легко ориентироваться и находить грамотные решения.

Однажды к нам заехал однокурсник Виктора Александровича по МАрхИ, проектировщик одной из проектных организаций. Он посидел всего один час с нами в кабинете, ожидая когда Панов освободится и закончит решать административные вопросы, а потом произнёс: «Я удивляюсь, как ты так ловко со всем этим управляешься, я бы за час наворотил столько ошибок, что потом бы за год не разобрали!».

У Виктора Александровича было прекрасное чувство цвета, при рассмотрении и согласовании проектных решений он смело вносил в них свои коррективы для улучшения фасадов строящихся типовых зданий и сооружений.

По жизни он был человеком неравнодушным, всегда имел своё мнение, спорил и порой не соглашался с действиями руководства.

Вместе с Пановым мне довелось поработать неполных пять лет с сентября 1977 по июнь 1982 года, став его преемником. Но и после его переезда в Ивантеевку мы продолжали общаться не только в стенах ГлавАПУ на семинарах и совещаниях главных архитекторов, я ездил к нему на новое место работы за советом, и он мне подсказывал, как поступить в той или иной ситуации.

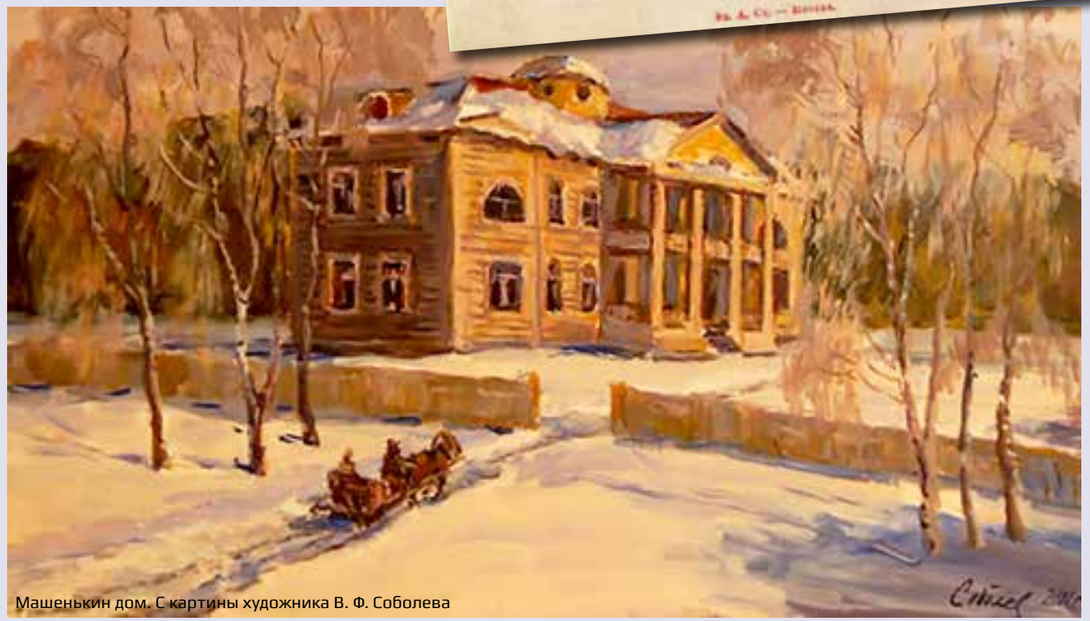
Он тоже не забывал Воскресенск, звонил и спрашивал, что нового в городе, не разлилась ли пойма реки Москвы? Любил приезжать именно в это время, как человек творческий, вдохновлялся пейзажами воскресенской природы, встречался с друзьями. Когда Виктора Александровича в 1991 году не стало, многие его друзья и бывшие сослуживцы из Воскресенска провожали его в последний путь.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАХОДКИ

МОЕМУ РОДНОМУ ГОРОДУ ВСЕГО ЛИШЬ 83 ГОДА. ЗА СТОЛЬ КОРОТКИЙ ОТРЕЗОК ВРЕМЕНИ ВОСКРЕСЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ НАКОПИЛА НЕМАЛО ЗАГАДОК И ТАЙН. ВЫ СОМНЕВАЕТЕСЬ В ЭТОМ? ДО НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ Я БЫЛА ВАШИМ СТОРОННИКОМ. ВСЕ СМОГ ИЗМЕНИТЬ ЛИШЬ ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ.

Открытка адресованная Машеньке Ливен (лицевая и оборотная сторона)

Машенькин дом. С картины художника В. Ф. Соболева

СТАРАЯ ОТКРЫТКА

Марина Норова,
педагог

Однажды мой папа сделал мне весьма интересный подарок – дореволюционную открытку. На лицевой стороне помещена фотография знаменитого оперного певца – тенора Л.В. Собинова в роли князя в опере А.С. Даргомыжского «Русалка». На обороте указан лишь адрес и получатель: «По Московско-Казанской ж.д. ст. Воскресенск Спасское Ее светлости Княжне Марии Александровне Ливен» (Орфография изменена на современную). Данная находка вызвала у меня много вопросов.

Почему на открытке нет ни сообщения, ни поздравления, то есть собственно текста письма? Кто является отправителем? Почему изображен именно Собинов? И, наконец, с какой целью Марии Александровне было прислано столь таинственное послание?

Попробуем в этом разобраться.

Адресат нашей открытки, княжна Мария Александровна Ливен (1889-1941) – дочь светлейшего князя Александра Андреевича Ливена (1860-1901) и его супруги Александры Петровны (1861-1929), урожденной Васильчиковой. Князь Александр Андреевич был человеком довольно незаурядным. Сын известного государственного деятеля, министра государственных имуществ и члена Государственного совета времен царствования Александра II и главноуправляющего собственной Е.И.В. (Его Императорского Величества) канцелярией при Николае II князя Андрея Александровича Ливена (1839-1913), получивший прекрасное образование, от природы умный и талантливый, по убеждениям он был либералом, критиковал монархический строй и придворный этикет. Это, однако, не мешало ему служить предводителем дворянства Бронницкого уезда, затем управлять Дворянским земельным и Крестьянским подземельным банком, носить придворное звание гофмейстера и иметь чин действительного статского советника (гражданский

Александра Петровна Ливен со своими детьми: (слева направо) Пётр, Мария, Андрей

чин 4 класса, по табели о рангах приравнивался к генерал-майору). В своих воспоминаниях внучка князя Александра Андреевича игуменья Серафима (урожденная княжна О.А. Ливен) называет своего деда соратником П.А. Столыпина. Наверное, она имела в виду схожесть убеждений и принципов, т.к. вместе они никогда не служили, и в период жизни А.А. Ливена Столыпин значительных государственных постов еще не занимал (до 1902 года он был Ковенским уездным, а затем и губернским предводителем дворянства). Хотя это и не исключает возможности их знакомства, и, кто знает, проживи князь

Александр Андреевич подольше, он вполне мог бы оказаться в числе ближайших помощников будущего премьер-министра. По годам они были почти ровесниками (Столыпин младше на два года).

Светлейший князь Александр Андреевич Ливен

Князь Александр Андреевич был достаточно обеспеченным человеком, от своей рано умершей матери он унаследовал значительное состояние. Кроме служебных и административных талантов он имел еще и музыкальные: тонко понимал музыку, прекрасно играл на фортепиано. Все знавшие его отмечают его интеллект, культуру, образованность, высокие моральные качества, сострадательность, готовность прийти на помощь. Во многом благодаря его усилиям в 1891 году была построена Кривякинская лечебница, первое медицинское учреждение в наших местах.

По воспоминаниям Александра Давыдова, его двоюродного брата, князь Александр Андреевич мало походил на других Ливенов, людей рослых, плотных, с крупными и правильными чертами лица. Небольшого роста, некрасивый, с лицом землистого цвета, он не отличался хорошим здоровьем и рано умер в возрасте всего лишь 41 года, находясь на лечении в Италии. Его супруга, княгиня Александра Петровна, или, как ее звали близкие, Олеся, с которой они жили очень дружно, в противоположность мужу, была очень высокого роста, и довольно красивой дамой. Современники характеризуют ее как женщину прекрасных правил, добрую и радушную. Александра Петровна слыла человеком широких взглядов и, как ее муж, либеральных убеждений, занималась благотворительностью.

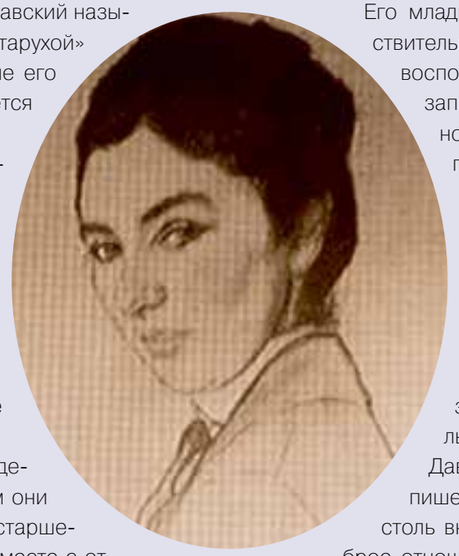
Княгина А.П. Ливен водила знакомства со многими выдающимися людьми своего времени: Л.Н. Толстым, С.В. Рахманиновым. В имении Спасском, которое унаследовала она от своего дяди, графа С.В. Орлова-Давыдова, у нее гостили артист В.И. Качалов, художник К.А. Коровин, критик Н.Е. Эфрос. Сестра ее, Мария Петровна, была замужем за генералом Алексеем Александровичем Стаховичем, который впоследствии стал пайщиком и одним из директоров, а после и актером МХТ. Через Стаховича Александра Петровна познакомилась с К.С. Станиславским. В начале 1911 года К.С. Станиславский с дочерью Кирой и А.П. Ливен с дочерью Марией (Машенькой), а также А.А. Стахович в одно и то же время отдыхали в Италии, в Риме, ходили друг к другу в гости, вместе ездили осматривать достопримечательности. В своих письмах

Усадьба Спасское

к жене, М.П. Лилиной, Станиславский называет Александру Петровну «старухой» (видимо, в шутку – она старше его всего на два года), но признается в своей симпатии к ней.

Семья Ливен вполне могла быть знакома и с Л.В. Собиновым, и резонно было бы предположить, что это он сам и отправил им эту открытку со своим портретом. Но почему тогда Собинов адресовал ее княжне Маше, а не самой главе семьи, княгине Александре Петровне?

Княжна Мария Ливен. Худ. В.А. Серов

У четы Ливенов было трое детей – два сына и дочь. Ростом они вышли в мать, а лицом, кроме старшего Андрея в отца. Гостивший вместе с отцом в 1908 году в Спасском сын Качалова Вадим Шверубович так вспоминает приходивших к ним в гости молодых князей Ливенов Андрея, Петрика и Машеньку: «Думаю, что им у нас было скучно: ни спорта, ни спирта, ни флирта у нас не было, а споры о Шопенгауэре, Скрябине, Врубеле и Ленском им были неинтересны». Наверное, Шверубович, которому во время описываемых событий было всего семь лет, был не совсем прав. Молодые князья получили прекрасное образование, были хорошо воспитаны и эрудированны. Старший, Андрей, окончил Демидовский лицей со званием кандидата юридических наук, был предводителем дворянства Коломенского уезда. Впоследствии, в эмиграции, он был видным деятелем евразийского движения, принял сан священника, был ближайшим помощником архиепископа Серафима (Соболева), протоиереем русской православной церкви в Болгарии. Современники отмечали высокие духовные дарования и интеллигентность о.Андрея, его мудрость и дар добираться до самых глубоких струн человеческой души. Андрей Ливен, кроме того, был еще и поэтом, писал хорошие стихи.

Его младший брат Петр (Петрик) действительно увлекался спортом. По воспоминаниям местных жителей, записанных писательницей Инной Гофф и приведенных ею в повести «Знакомые деревья», Петрик организовал первую в округе футбольную команду, был деятельным, энергичным, его всегда окружала деревенская молодежь. Их младшую сестру, Машеньку (адресата нашей открытки) все любили за доброту, отзывчивость, веселый нрав, своеволие. Александр Давыдов в своих воспоминаниях пишет, что редко можно встретить столь внимательное, дружеское и доброе отношение, как то, что он видел от своих родственников Петрика и Машеньки Ливен. К.С. Станиславский в своих письмах называет ее «очаровательная девица, добрая сердцем», «Машенька Ливен, добрая душа».

И вот эта добрая, пылкая душа встретила своего будущего мужа – музыканта и композитора Юлия Эдуардовича Конюса. Когда точно и где они познакомились – неизвестно. Возможно, на одном из благотворительных концертов, организованных княжной Александрой Андреевной Ливен, теткой Машеньки, в котором он принимал участие. Скорее всего, в дом Ливенов Ю.Конюса ввел С.В. Рахманинов – они вместе учились в консерватории, дружили в течение многих лет, а впоследствии даже породнились. Ю.Э. Конюс принадлежал к известной музыкальной семье, о которой следует рассказать особо. Их родоначальник Константин Конюс в начале XIX века выехал в Россию из Лотарингии. В 1827 году в Саратове у него родился сын Эдуард, ставший впоследствии известным в России пианистом и музыкальным педагогом. Три его сына также стали музыкантами. Старший, Георгий Эдуардович Конюс (1862-1933) – теоретик музыки, композитор и педагог, закончил Московскую консерваторию, преподавал в Московской и Саратовской консерваториях, с 1920 года профессор Московской консерватории, в 1927 году ему было присвоено звание Заслуженный деятель искусств РСФСР. Среди учеников Г.Э Конюса – А.Скрябин, А. Гедике, Р. Глиер, А. Гольденвейзер, Н. Метнер, Б. Хайкин, М.Блантер, С. Василенко и др. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Рядом с ним могила его дочери Натальи Георгиевны Конюс (1914-1989) – артистки балета и балетмейстера, заслуженной артистки РСФСР.

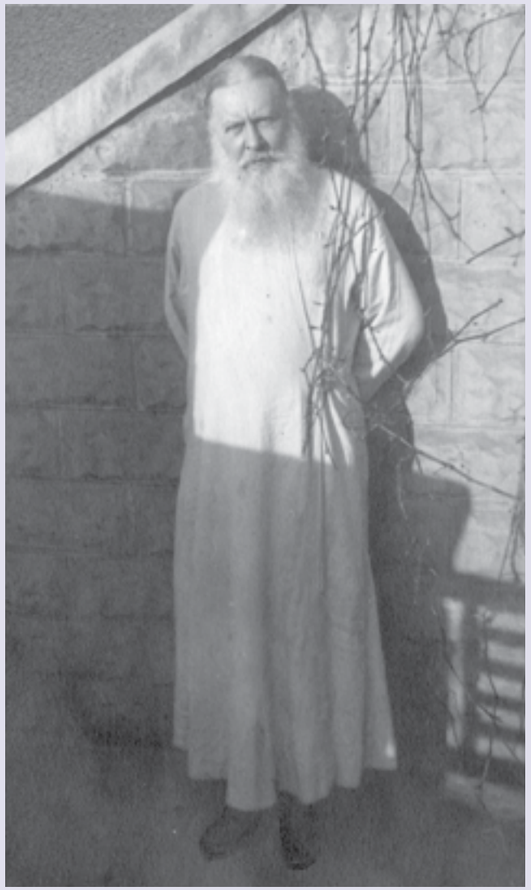

Ю.Э. Конюс

Младший брат – Лев Эдуардович Конюс (1871-1944), пианист и музыкальный педагог, также закончил Московскую консерваторию, затем преподавал в ней, профессор с 1918 года. Дружил с С. Рахманиновым, А. Скрябиным. В 1920 году, воспользовавшись своим французским гражданством (все братья Конюсы, кроме Георгия Эдуардовича, принявшего в 1904 году российское подданство, и их отец Эдуард Константинович являлись гражданами Франции) покинул Россию и обосновался в Париже, где стал одним из основателей Русской консерватории, преподавал также в парижской Нормальной школе музыки. Среди учеников Льва Конюса известная британская пианистка российского происхождения Нина Милкина. В 1935 году перебрался в США и возглавил кафедру фортепиано в консерватории Цинциннати.

Средний брат - уже упоминавшийся нами Юлий Эдуардович Конюс (1869-1942) скрипач, композитор и педагог, также учился в Московской консерватории, которую закончил с золотой медалью. В 1889 году по рекомендации П.И. Чайковского совершенствовался в Париже у Л.Ж. Массара, концертировал во Франции, работал в оркестре «Гранд – Опера». В 1891-1893 годах работал концертмейстером Нью-Йоркского симфонического оркестра, выступал как солист в различных городах США. В 1893 году по рекомендации П.И Чайковского Ю.Э. Конюса пригласили в Московскую консерваторию, где он преподавал по классу скрипки. Затем был профессором Московской филармонии, служил концертмейстером первых скрипок в оркестре Большого театра. Создал свой квартет и организовывал выступления, участвовал в различных концертах. В письме С.А. Толстой, написанном ею своему мужу, писателю Л.Н. Толстому, в феврале 1897 года говорится, что Льву Николаевичу очень понравилось выступление братьев Ю.Э. и Л.Э. Конюсов- «Конюсы играли, и ты так умилялся, трогался и восхищался».

Семью Конюсов в Москве окружали многочисленные замечательные друзья. «Все эти Конюсы и очень даровиты, и очень хорошие люди» - писал П.И. Чайковский незадолго до своей кончины. Особенно он выделял Юлия, которому оказывал всяческую поддержку. До конца жизни Ю.Э. Конюс не расставался со связкой писем Чайковского, в которых великий композитор именовал его «милым Жуликом» (наверное, уменьшительное от французского произношения имени Юлий – Жюль) и предрекал ему триумфальное будущее. Тесная дружба связывала Ю.Конюса, как мы уже говорили, с С.В. Рахманиновым, а также с Н.К. Метнером, А.К. Глазуновым. С.И. Танеев посвятил Юлию Конюсу свой Шестой квартет. По воспоминаниям современников Юлий Эдуардович даже на фоне своих братьев, людей видных, особенно выделялся обаянием и красотой, поэтому он пользовался большим успехом у жен-

Протоиерей Андрей Ливен. 1940

Дом Машеньки

щин. Первая жена его была из рода купцов – миллионеров Фирсановых, владевших в Москве, кроме прочего, Сандуновскими банями. От этого брака родились два сына: Борис (1904-1988) и Сергей (1902-?), Старший, Сергей Юльевич, в 1922 году закончил лауреатом Парижскую музыкальную консерваторию, а в 1924 году – богословский факультет в Софии. Во время Второй мировой войны служил во французской армии. После демобилизации давал концерты, преподавал музыку. В 1953 году переехал в США, где стал профессором по классу фортепиано Бостонской консерватории.

Младший, Борис Юльевич, в 1932 году женился на дочери С.В. Рахманинова, Татьяне Сергеевне (1907-1961). Сын от этого брака, Александр Борисович Рахманинов-Конюс (1933-2012), был единственным внуком знаменитого композитора.

Юлий Эдуардович был заботливым и любящим отцом, но отношения с женой не сложились, и они расстались. Но развода первая жена (Фирсанова) Конюсу не давала, и это значительно осложнило его дальнейшую личную жизнь.

Летом 1909 года, когда Ю.Э. Конюс гостил у княгини Ливен, между ним и Машенькой вспыхнуло взаимное чувство, они полюбили друг друга. Вполне можно понять юную княжну, искреннюю, добрую, пылкую, немного романтичную, в том, что она полюбила мужчину значительно старше ее (на 20 лет), но человека яркого, талантливого, одаренного, привлекательного, обаятельного, красивого. Юлий Конюс также не мог не ответить на чувство этой молодой, доброй, искренней, чистой, влюбленной в него девушки. Но княгиня-мать, Александра Петровна, при всей своей широте взглядов и либерализме никак не могла одобрить эти отношения. Не одобрили бы их и другие родственники, слишком велика была разница между ними, которая в глазах тогдашнего высшего общества разделяла их больше, чем любая пропасть. Влюбленный, будущий жених и супруг – иностранец, другого вероисповедания, выходец из других слоев общества, намного старше невесты и, кроме того, уже состоял в браке, в котором имел двоих детей и с прежней своей женой, хотя и не живет вместе, но так до конца и не разведен. Это было слишком даже для либералки-княгини. Поэтому влюбленные старались скрывать свои чувства от окружающих. Но долго так продолжаться не могло, влюбленные были слишком пылкими и искренними натурами, чтобы таить свои чувства годами или расстаться и постараться со временем забыть друг друга. Открыться окружающим, в первую очередь родным Машеньки они также не считали возможным. Оставался только один выход – молодой княжне бежать из родительского дома и соединиться со своим возлюбленным без благословения матери и не взирая на суждения родственников и знакомых. И влюбленные решились на этот смелый шаг и начали готовить побег. Успех этого мероприятия зависел от тщательности его подготовки, а также от того, насколько в тайне держалось это от окружающих, в основном от родных Машеньки, которые, возможно, стали уже что-то подозревать – ведь шила как известно, в мешке не утаить. Поэтому действовать, готовить бегство Маши приходилось в основном самому Конюсу, причем, делать все надо было очень осторожно, скрытно, чтобы не навлечь излишних подозрений. И любая его лишняя встреча с Машенькой накануне побега могла провалить весь их план. Ну как же ему было дать знать княжне, что все уже готово, и на следующий день можно было действовать, как было ранее договорено? И вот здесь-то идеальным условным знаком могла послужить именно такая вот немного странная открытка. Да, я действительно с большой долей уверенности могу предположить, что эта открытка, посланная Машеньке Ливен самим Ю.Э. Конюсом либо кем-то по его просьбе (второе вероятнее, чтобы не вызвать подозрений по почерку) была их заранее оговоренным условным знаком о полной готовности к побегу. Косвенно это подтверждает и изображение на открытке: Л.В. Собинов был солистом Большого театра, в котором Ю.Конюс был концертмейстером первых скрипок. Получив эту открытку, Машенька Ливен узнала, что все готово к побегу, и ее будут ждать в условленном месте.

По преданию, сохранившемуся среди жителей окрестных сел и записанному Инной Гофф, на следующий день Машенька в сопровождении старого слуги отправилась на конную прогулку. Они переехали Москву-реку и добрались до Рязанской дороги. Здесь Машу ждал экипаж. Она села в него и попросила слугу отвести обратно домой ее лошадь. Слуга опешил, но просьбу выполнил. Говорили также, что брат Маши Петр (Петрик) пытался потом догнать сестру, но безуспешно.

Прошло несколько лет, страсти немного поутихли, обиды сгладились. Ю.Э. Конюсу, очевидно, както удалось уладить дело с первой женой и получить развод. Светлейшая княгиня Александра Петровна Ливен также сменила гнев на милость и простила молодых. Специально для них она выстроила недалеко от Спасского деревянный двухэтажный дом с колоннами, т.н. дачу Дубки, более известный в народе как «Машенькин дом». Вроде бы и простила, но поселила в некотором отдалении, чтобы лишний раз глаза не мозолили.

К сожалению, этот романтический брак длился не очень долго: несмотря на рождение двух дочерей, супруги расстались. Машенька потом второй раз вышла замуж за Г.А. Извольского. Дочери ее от первого брака остались с отцом Ю.Э. Конюсом и последовали вместе с ним в эмиграцию. Одна из дочерей, Александра Юльевна (1913-1983) была замужем за Ф.Н. Татищевым (1909-?); от этого брака родилось трое детей – дочь и два сына. По свидетельству филолога и мемуаристки Кены Видре, знавшей Юлия Конюса в последние годы его жизни, младшая дочь его, Татьяна Юльевна, была невесткой графа Галеаццо Чиано, министра иностранных дел фашистской Италии и зятя Бенито Муссолини. Впоследствии Чиано разошелся во взглядах со своим тестем, выступил против него и был казнен фашистами в 1944 году. Судя по дате рождения Галеаццо Чиано (1903 год), Т.Ю. Конюс была женой его брата. Среди реликвий, с которыми Ю.Э. Конюс никогда не расставался, и которые он сохранил в годы скитаний наряду со связкой писем П.И. Чайковского находилась большая фотография, на которой изображены темноволосая красавица в светлом бальном платье и рядом с ней двое крохотных близнецов, очень похожих на маму. Это и есть младшая дочь

Усадьба Кривякино

Юлия Конюса и Машеньки Ливен Татьяна, сноха графа Чиано, и ее дети. Что с ними потом сталось – неизвестно.

С той давней поры минуло около ста лет, давно улеглись былые страсти. Все имения князей Ливен были конфискованы при Советской власти. Усадьба Кривякино сейчас реставрируется, в ней размещается краеведческий музей. Дом в Спасском стоит пустым и закрытым. В 2000 году «Машенькин дом» сгорел, теперь его можно увидеть лишь на фотографиях и на картинах местных художников. Давно в эмиграции закончили свои дни светлейшая княгиня Александра Петровна Ливен, ее дочь Маша и сыновья Петр и Андрей. Побывал в эмиграции и Ю.Э. Конюс. Но в конце концов ему, любимому ученику П.И. Чайковского и другу С.В. Рахманинова, снова пришлось оказаться на Родине. Он скончался в 1942 году в Владимирской области, навещая родственников. Знакомясь с его биографией, невольно удивляешься – как в жизни одного человека судьба так причудливо смешала и свела вместе Чайковского, Рахманинова и Льва Толстого, Москву, Нью-Йорк и Париж, Большой театр, Гранд-Опера и Сандуновские бани, светлейших князей Ливенов, купцов Фирсановых и графов Чиано.

В основном, кажется, закончилась эта история. И только небольшой кусочек картона с фотографией и несколькими рукописными строчками напоминает нам о том, что и много лет назад на этой самой земле, где мы сейчас находимся, также кипела жизнь, бушевали страсти, люди ссорились, мирились, любили друг друга, и так же хотели добра и счастья для себя и своих близких.

МИР УСАДЬБЫ

Неизвестный художник. Портрет архитектора В.И. Баженова в кругу семьи.
Нач. 1780х. Х., м. Музей Архитектуры им. А.В. Щусева, Москва.

В АВГУСТЕ ЭТОГО ГОДА ЧЛЕНЫ ТВОРЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВОСКРЕСЕНСКИЙ КРАЕВЕД» ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ «ХИМИК» ПРИНИМАЛИ У СЕБЯ В ГОСТЯХ ПРОФЕССОРА КАФЕДРЫ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ МОСКОВСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО ИНСТИТУТА ИЛЬЮ ЕВГЕНЬЕВИЧА ПУТЯТИНА.
И.Е.ПУТЯТИН – ХУДОЖНИК-ЖИВОПИСЕЦ, ЧЛЕН ТВОРЧЕСКОГО СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ РОССИИ, ДОКТОР ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, СПЕЦИАЛИСТ В ОБЛАСТИ АРХИТЕКТУРЫ ЭПОХИ КЛАССИЦИЗМА И СИМВОЛИКИ ИСКУССТВА, А ЕЩЕ ПИАНИСТ, РЕСТАВРАТОР СТАРИННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ, ИСПОЛНИТЕЛЬ ЗАБЫТОЙ СТАРИННОЙ МУЗЫКИ.

УСАДЬБА БЫКОВО: ДВОРЦЫ И ИХ СТРОИТЕЛИ – ПУТЬ К МУЗЕЮ

Илья Путятин,
доктор искусствоведения, профессор кафедры Истории архитектуры
Московского архитектурного института

Цель визита в наш город – сотрудничество в области изучения усадебной архитектуры и жизни их владельцев на территории бывшего Бронницкого уезда, в который входила часть нынешнего Воскресенска.

И уже через несколько дней воскресенские краеведы выехали на экскурсию в усадебный комплекс подмосковного села Быково, организованную специально для них Ильей Евгеньевичем.

Что же это за усадьба? Кто ею владел, и как ее история связана с Воскресенском, мы узнаем из материала, предоставленного для нашего альманаха Ильей Путятиным.

Усадьба Быково – один из самых важных объектов культурного наследия на юго-востоке Подмосковья. Ее история, архитектура и культурное наследие тесно связаны с развитием Бронницкого края. Последние владельцы – дворянская семья Ильиных – были видными деятелями русской культуры и науки, внесли значительный вклад в развитие экономики и государственной жизни в нашем регионе. Николай Иванович Ильин (1837–1907)[1], который в 1874 году выкупил усадьбу у графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, являлся одним из крупнейших акционеров общества Московско-Рязанской (затем Московско-Казанской) железной дороги. Будучи по специальности инженером-железнодорожником, он стал совладельцем общества уже на раннем этапе – в 1863 году. Тогда за два года под руководством Карла Фёдоровича фон Мекка была построена магистраль Москва-Коломна со станциями Люберцы, Быково, Раменье, Бронницкая, Фаустово, Воскресенск, Пески. К 1865 году железная дорога была доведена до Рязани, а в 1870м – были сооружены отдельные ветки до Егорьевска и Зарайска. В это время Н.И. Ильин занимал должность управляющего дорогой. После приобретения усадьбы Быково и окрестных земель он распланировал у железной дороги дачный поселок, которому было присвоено имя семьи – Ильинский, такое же название получила железнодорожная платформа, которая была построена для дачников.

После приобретения усадьбы Быково Н.И. Ильин стал крупным землевладельцем и получил

Н.И.Ильин с внуком Мишенькой. Быково 1903 г.
НИОР РГБ. Фото обнаружено и предоставлено для публикации А.В. Улановой и И.Л. Кызласовой.

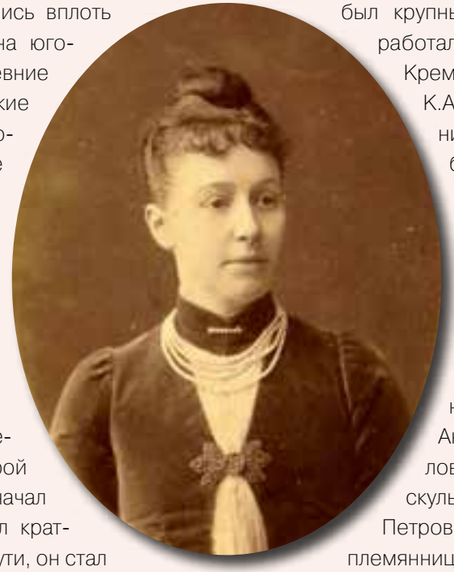
[1] *Сведения о семьях Ильиных и Кампиони мы приводим по статье: Кызласова И.Л., Уланова А.В. Историк искусства Михаил Андреевич Ильин: шагнувший в историю // Архитектор Баженов в Жуковском: архитектурные идеи государства Российского и усадьба Быково / сост. и науч. ред. И.Е. Путятин. М.–Жуковский, 2017. С. 177–275.*

высокий статус среди дворянства Бронницкого уезда. Его дважды избирали уездным предводителем дворянства, он занимал должности гласного земской управы, почетного мирового судьи и входил в училищный совет. В селе Быково на средства Н.И. Ильина было основано земское училище, попечительницей которого стала его супруга Екатерина Андреевна (1850–1923). Сейчас это сельская школа №16, которая стоит на историческом участке, выделенном в свое время Ильиными.

Андрей Николаевич Ильин. Ок. 1882 г. НИОР РГБ. Фото обнаружено и предоставлено для публикации А.В. Улановой и И.Л. Кызласовой.

Сын Николая Ивановича, Андрей Николаевич Ильин в 1890х годах получил от отца около 200 десятин усадебной земли и тоже занялся благотворительной и административной деятельностью. Он сотрудничал в дворянской опеке – занимался помощью разорявшимся усадебным хозяйствам. По долгу службы ему приходилось много путешествовать по уезду. Бывало, что эти экспедиции распространялись вплоть до Коломны. Как мы знаем, на юго-востоке от Москвы были древние царские, княжеские и дворянские имения, в которых издавна строились храмы и усадьбы. Даже сегодня, после ста лет разрушения и небрежения, в наших краях сохранилось множество уникальных древних памятников. Тогда же, более ста лет назад, их было в несколько раз больше, и состояние их было несравненно лучше, чем теперь. Андрей Николаевич заинтересовался историей и архитектурой этих древних храмов и усадеб, начал их фотографировать, составлял краткие исторические справки. По сути, он стал родоначальником государственного учёта объектов культурного наследия. В его благородном увлечении помогал его сын Михаил, которого с двенадцати лет отец брал с собой в путешествия по уезду, доверял ему носить тяжелую в те времена фототехнику, а потом – и печать фотографий, сделанных в этих экспедициях. Результатом их совместной деятельности стала небольшая, но очень содержательная и актуальная до сих пор книга 1912 года, посвященная усадьбе Виноградово (ныне г. Долгопрудный)[2]. Впоследствии Михаил Андреевич поступил в Московский университет и стал одним из крупнейших отечественных историков архитектуры и искусства XX века, а параллельно работал и как архитектор. Разнообразные исторические стили великолепных усадебных зданий в Быкове, конечно, оказали колоссальное влияние на формирование профессиональных интересов и таланта М.А. Ильина.

Е.А.Ильина. НИОР РГБ. Фото обнаружено и предоставлено для публикации А.В. Улановой и И.Л. Кызласовой

Семья Ильиных была тесно связана с императорской семьей и с высшими московскими архитектурными кругами, поскольку отец Николая Ивановича – Иван Иванович Ильин (1799–1865) был крупным инженером-строителем и работал на строительстве Большого Кремлевского дворца по проекту К.А. Тона. А после его завершения стал комендантом дворца и близко общался с императорской семьей. Крёстным его сына Александра (будущего отца известного философа Ивана Александровича Ильина) стал сам император Александр II.

Супруга Николая Ивановича Ильина, Екатерина Андреевна (урожденная Павлова) была внучкой известного скульптора и декоратора Сантино Петровича Кампиони (1774–1847) и племянницей архитектора Петра Сантиновича Кампиони. Семья Кампиони работала в России с конца XVIII века сначала в петербургских императорских резиденциях, а затем в Москве с такими известными архитекторами как Дж. Кваренги, М.Ф. Казаков, Д. Жилярди, Ф. Кампорези. Сантино Петрович Кампиони участвовал в оформлении интерьеров Большого Кремлевского дворца и был большим знатоком московских древностей.

Поэтому не случайным было приобретение усадьбы Быково семьей Ильиных у графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, с которым они входили в один «ближний» круг общения императорской семьи и службы охраны императора. И.И. Воронцов-Дашков весной 1881 года, после убийства императора Александра II, вошел в «Священную дружину» – тайное общество по защите царя и отечества от террористов и революционеров, а затем стал начальником охраны императора Александра III...

Совершим небольшую прогулку по усадьбе Быково. Что нам могут сегодня рассказать ее здания, деревья парка и тихие пруды?

Самым древним из сохранившихся ныне зданий является усадебный храм. Церковь при усадьбе Быково была заложена в 1781 году на месте древнего храма Рождества Христова. Храмоздателем был тогдашний владелец усадьбы Михаил Михайлович Измайлов – видный придворный императрицы Екатерины Великой, начальник «Экспедиции кремлевского строения», а в 1790-е – губернатор Москвы и Подмосковья – «главноначальствующий в Москве и Московской губернии».

Новый храм был построен в память любимой супруги Михаила Михайловича – Марии Александровны – урожденной Нарышкиной, троюродной сестры императрицы Елизаветы Петровны. Архитектором церкви был, вероятнее всего, гениальный Василий Иванович Баженов, вместе с которым в это время М.М. Измайлов строил императорские резиденции Царицыно и Петровский путевой дворец. С этим связана необычная стилистика церкви: «готический вкус», как тогда говорили, был введен в русскую архитектуру по желанию императрицы Екатерины, как указание на связь с древней русской традицией. Тогда все «неклассическое», возникшее после разрушения Рима готами в пятом веке, воспринималось «готическим». К «готической» архитектуре относились и белокаменные узорчатые храмы Владимиро-Суздальской Руси, и храмы древнего Московского княжества. Именно они стали основными образцами для этой необычной церкви, в архитектуре которой ее создатели стремились подчеркнуть связь с древней историей русской духовности.

Церковь в усадьбе Быково. Акварель А.Н. Бакарева. 1804 г. ГИМ, Москва

Гипсовый бюст Б.Симона, выполненный А.Ланцем. Париж. 1902 г. Малый музей Бернхардта Симона, Тамина Терме, Бад Рагац (Швейцария). Фото Paul Bissegger, 2018.

В 1783 году был освящен нижний храм в честь Рождества Христова. Верхний, который сначала предполагалось сделать, «семейным» храмом Измайловых, был посвящен Владимирской иконе Божией Матери – покровительнице Владимиро-Суздальсвого княжества и Московской Руси. В этот храм Измайловы пожертвовали две чудотворные иконы, хранившиеся в семье – Нерукотворный образ Спасителя и Казанскую икону Божией Матери. Внутреннее устройство церкви было задумано по образцу древнерусских храмов с куполом, опирающимся на столпы. Гений архитектора и желание владельца усадьбы, – развили эту идею в великолепный интерьер из различных цветов искусственного мрамора, украшенного живописью и позолотой, в классическом духе раннехристианских храмов Иерусалима, Рима и Константинополя. Общая овальная форма в миниатюре воспроизводила знаменитый храм

[2] *Ильин А. Село Виноградово. М., 1912.*

София в Константинополе.

К сожалению, летом 1785 года императрица Екатерина уволила архитектора Баженова со службы, и под начальством М.М. Измайлова место главного архитектора занял Матвей Казаков. Вероятно, тогда же М.Ф. Казаков стал и главным архитектором усадьбы Быково. К этому времени уже был построен основной объем прекрасного «готического» овального храма, уже шла служба в нижней церкви. Желая улучшить экономику усадьбы, М.М. Измайлов, перевел в небольшое село Быково множество крестьянских семей из других сел. Верхний храм, предполагавшийся для летних богослужений с участием хозяина усадьбы, его домочадцев и слуг, получился настолько прекрасным, что возникло желание открыть его для всех. Две лестницы в башнях, поднимающиеся спиралями вокруг центральных столбов, оказались неудобны для передвижения множества прихожан. Вот тогда-то и спроектировал Казаков великолепную лестницу на два всхода на западном фасаде церкви. Он же завершил две колокольни со шпилями: на левой были размещены часы с боем (с восточной стороны этой колокольни сохранилась заложенная дверь для отдельного входа часовщика), на правой звонили к церковным службам. В это время один из главных въездов в усадьбу был прямо перед церковью: дорога проходила перед западным фасадом к старому усадебному дому, располагавшемуся ниже – к югу от церкви. Эта планировка определила сложную геометрию лестницы, которую архитектор должен был вписать между уже существовавшим западным фасадом В.И. Баженова с двухэтажной лоджией и старой мощеной въездной дорогой. Сто лет спустя напротив церкви по проекту архитектора Д.Н. Гущина Н.И. Ильин построит большую колокольню.

Э.Л.Виже-Лебрен.
Портрет И.И.Воронцовой (ур. Измайловой)
1797 г.
Музей изящных искусств, Бостон

Г.Сердюков.
Портрет Иллариона Ивановича Воронцова.
Конец 1770-х г.
Воронцовский дворец-музей в Алупке

Из четырех двухфигурных барельефов, украшавших фасад овального храма, до настоящего времени сохранился один – с северо-востока. Пока загадочны сюжеты этих рельефов. На сохранившемся мы видим изображение двух молодых женщин. Один из утраченных рельефов изображал бородатого мужчину в античной тоге и женщину. Трудно предположить, что это были святые покровители супругов Измайловых, поскольку владелец усадьбы был крещен в честь Архангела Михаила, а его супруга – в честь Марии Египетской. Возможно, это фигуры чтимых в семье святых или аллегорические фигуры добродетелей. Этот загадочный вопрос еще требует исследования. На западном фасаде, насколько можно видеть по акварели сына архитектора Бакарева 1804 года, были изображения архангелов, помещенные между пилястрами во втором ярусе. Скорее всего, это были не скульптуры, для которых в плоских углублениях стены слишком мало места, а вырезанные по контуру деревянные расписные фигуры-силуэты, что было распространено в конце XVIII века.

Верхний Владимирский храм освятили в 1789 году.

В 1812 году усадьба и церковь пострадали во время нашествия Наполеона. Шесть недель французские оккупанты хозяйничали в усадьбе. В церкви устроили стойла для лошадей.

После 1812 года потребовались ремонтные работы. Верхний и нижний храмы в западной части еще несколько раз расширяли пристройками к трапезным. В 1838 году трапезную реконструировал архитектор И.Т. Таманский. В 1840-х церковь ремонтировали во время

реконструкции усадьбы при графе Иване Илларионовиче Воронцове-Дашкове.

Крупная реконструкция церкви была произведена при последних владельцах усадьбы Быково – дворянской семье Ильиных – одновременно с ремонтными работами в усадьбе. К столетию храма в 1884 году на средства Николая Ивановича Ильина была построена отдельно стоящая колокольня по проекту архитектора Д.Н. Гущина. На протяжении столетия все храмоздатели и архитекторы Владимирского храма бережно сохраняли оригинальную баженовскую стилистику готического вкуса – «русскую готику», прославившую этот храм по всему миру. Во Владимирском храме венчался брат Николая Ивановича Ильина – Александр, а спустя два десятилетия и его сын – знаменитый русский философ Иван Александрович Ильин.

Еще одно разорение быковский храм претерпел при большевиках. В 1937 году храм закрыли. Все священники были арестованы и убиты на Бутовском полигоне.

С 1989 года началось восстановление храма церковной общиной. Возобновлены богослужения. В 2000 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил к лику святых новомучеников Российских убитых большевиками священнослужителей храма – Иоанна Кесарийского, Петра Косменкова и Симеона Кречкова.

В настоящее время, в связи с начавшимися под руководством нового настоятеля (с 2019 г.) ремонтными работами, сохранность храма вызывает опасения, и мы надеемся, что создание общественного наблюдательного совета позволит вести их квалифицированно.

И.М.Грасси.
Портрет Евдокии Ивановны Голициной (ур. Измайловой)
1800-1802 г.
Всероссийский музей А.С. Пушкина

Э.Робертсон.
Иван Илларионович Воронцов-Дашков. Миниатюрный портрет
1810-х г. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Усадебная церковь – единственное здание усадьбы, которое находится на первоначальном древнем месте. Как мы сказали выше, старый усадебный дом семьи Воронцовых, владевших усадьбой в начале XVIII века, стоял вблизи церкви ниже по склону. К западу от дома был распланирован небольшой регулярный сад. Отсюда открывались великолепные виды на заболоченную пойму реки Москвы, на древний Боровской курган и село Михайловская Слобода на горизонте.

Быково и окрестные земли издавна принадлежали московским князьям, а затем царям. Одно из первых известных нам упоминаний о селе Быково содержится в духовной грамоте великого князя Дмитрия Донского, составленной в 1380 году, когда он отправлялся на Куликовскую битву. Быково с другими землями к юго-востоку от Москвы было завещано его сыновьям.

После смуты и польского нашествия начала XVII века Быково было во владении стольника и воеводы князя Петра Семёновича Прозоровского[3]. Он был очень близок к царю Алексею Михайловичу, и в сложной политической борьбе вокруг престола семье Прозоровских удалось сохранить влияние и авторитет у различных сил. Князь П.С. Прозоровский выполнял дипломатические поручения при московском дворе, а затем возглавлял русское посольство в Англию в 1662–1663 годах. Посольство, по поручению царя Алексея Михайловича, должно было передать поздравления от «московского брата» английскому королю Карлу II Стюарту

[3] *Лисина И.А. Село Быково. Владимирский храм села Быково, 2015. С. 26.*

Неизв. художник. Портрет князя П.С.Прозоровского с сыновьями. 1662 г.

Павильон Эрмитаж. Фото начала XX века

с восшествием на престол и с восстановлением английской монархии после многих лет смуты. Важной задачей посольства было возвращение долга английской королевской семьи московскому государству, а также получение у Англии дополнительного займа[4]. По свидетельствам современников, в посольстве участвовало 165 человек![5] В течение года русские послы жили в Лондоне. После сложных переговоров им удалось получить выплату долга, но предоставить заём английские финансисты отказались. В посольстве участвовали и юные сыновья князя Петра Семеновича. Впоследствии они не оставили потомства, поэтому по законам того времени Быково снова было возвращено в дворцовое ведомство.

В 1704 году царь Петр I (с 1721 г. император) пожаловал Быково участнику Северной войны, ростовскому воеводе Иллариону Гавриловичу Воронцову (1674–1750). Затем И.Г. Воронцов оказался втянут в процесс о взяточничестве и казнокрадстве против обер-фискала А.Я. Нестерова, которому, по собственному признанию, дал взятку в 500 рублей за получение прибыльных должностей Туринского и Тюменского воеводы. И.Г. Воронцов был сослан в Сибирь. Ссылка продолжалась до смерти Петра I. Поэтому усадьба Быково была отобрана у владельца, и в 1723 году снова числится как дворцовое село. Императрица Анна Иоанновна вернула И.Г. Воронцова на службу: он возглавлял последовательно Суздальскую (в 1730– 1732), Костромскую (в 1735– 1737) и Вятскую (в 1739– 1742) провинции. Благодаря политической деятельности своего сына Михаила (1714–1767) И.Г. Воронцов и вся его семья оказались приближенными ко двору императрицы Елизаветы Петровны, которая пожаловала братьям Воронцовым графские титулы. Но усадьба Быково вернулась в семью позже, через владение Измайловых.

Другой сторонник императрицы Елизаветы Петровны, камергер Михаил Михайлович Измайлов (1722–1800) по личному благословению государыни в 1756 году женился на ее троюродной сестре, и двоюродной племяннице императора Петра I, фрейлине Марии Александровне Нарышкиной (1730–1780). В декабре 1761 года император Петр III пожаловал ему чин генерала-майора. С 1762

[4] *См. подробнее: Киселев А.А., Парубочая Е.Ф. Русское посольство в Англии в 1662–1663 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 118–123.*

[5] *Francesco Giavarina, Venetian Resident in England, to the Doge and Senate, 19 January, 1663 // Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice. London, 1932. Vol. 33: 1661–1664. P. 226. Ссылка обнаружена в статье: Киселев А.А., Парубочая Е.Ф. Указ. соч.*

года М.М. Измайлов становится владельцем села Быково. По имени своей любимой супруги он называет усадьбу Марьино. И это название сохранялось за усадьбой около ста лет. А 12 июля 1768 года императрица Екатерина II учредила Экспедицию Кремлевского строения и назначила ее «первоприсутствующим» М.М. Измайлова. С этого момента у него в подчинении оказалась большая команда архитекторов во главе с В.И. Баженовым, а с лета 1785 года – с М.Ф. Казаковым.

Существующий сегодня ансамбль усадьбы Быково, вероятно, начали создавать в конце 1760х. Стремясь придать усадьбе вид, достойный императорской резиденции, Измайлов пригласил для перепланировки своего сотрудника, выдающегося архитектора Василия Ивановича Баженова, с которым они вместе работали над возведением Большого императорского дворца в Московском Кремле. Тогда небольшой усадебный дом в Быкове находился к югу от древней деревянной церкви. Он был окружен аккуратно постриженным садом, обычным для того времени.

К 1775 году, наверное, уже определилась планировка усадьбы на новом участке, сильно расширенном к западу и к югу. Тогда к приезду императрицы построили утраченный в 1937 году павильон Эрмитаж – в стиле возводившегося в Кремле большого императорского дворца. В октябре 1775 года, императрица Екатерина II, объезжая владения своих подданных, посетила и усадьбу Михаила Михайловича Измайлова – своего видного придворного и родственника императорской семьи. В это время императрица уже сильно сомневалась, стоит ли продолжать строительство Большого Кремлевского дворца. Очевидно, В.И. Баженов и М.М. Измайлов использовали его мотивы и ордерные детали в миниатюрном павильоне Эрмитаж, напоминающем в плане об ордене Святой Екатерины. Этот высший дамский орден Российской Империи был утверждён императором Петром I в 1713 году в честь небесной покровительницы своей супруги – императрицы Екатерины I.

На августейшую особу, конечно, произвело впечатление прекрасное расположение усадьбы Бы-

Интерьер верхней церкви в усадьбе Быково. Реконструкция И.Е.Путятина. Акв. перо. 2000 г.

Фрагмент облицовки кабинета графини, по проекту Б.Симона. Фото И.Е.Путятина. 2015 г.

Интерьер кабинета графа И.И.Воронцова-Дашкова на 2-м этаже. Фото конца XIX в. из архива Ильиных, (справа вверху – панорама усадьбы Д.Э. Хагена, ниже под стеклянным колпаком – модель дворца). Фото конца XIX в. из семьи Ильиных. НИОР РГБ

Центральная часть юж. фасада Воронцовского дворца в Быкове. Фото конца XIX в.

ково на возвышенности над поймой Москвы-реки и Пехорки, с прекрасным видом на заливные луга, озеро Баклан и легендарный Боровской курган на горизонте. На несколько километров вокруг был создан искусственный пейзаж: несколько маленьких водоемов были преобразованы в искусственную реку Быковка, по руслу которой излишняя вода уходила из заболоченной поймы в Москву-реку. В результате открылось обширное плодородное пространство для полей и огородов, а земля, вынутая из русла реки и трех искусственных прудов в усадебном парке, пошла на создание высокого холма для строительства нового дворца.

В парке гений Баженова вместе с таинственным, пока нам не известным, паркостроителем, создал все, что должно было присутствовать в парках классического пейзажного стиля. В то время он как раз распространялся в имениях русской аристократии вслед за созданием Павловского парка великого князя Павла Петровича. Гроты в укромных местах, руины, статуи, мостики, беседки, журчащие ручейки наполняли как бы естественное природное пространство такого парка. Поскольку в это время уже существовал старый воронцовский регулярный сад, то элементы регулярной планировки были включены в композицию расширенного парка. К северу и югу от дворца были устроены пологие склоны партеров с лестницами и скульптурами, а новые липовые аллеи высаживались с едва заметными изгибами, чтобы придать им сходство с дорожками в природном лесном массиве.

Сегодня, гуляя по тенистым аллеям парка, можно вспомнить, что в основе всего этого почти дикого великолепия плоды гения нескольких талантливых мастеров – Василия Баженова, Матвея Казакова, Николая Львова, Бернара Симона, а еще – таинственного выдающегося садовника и множества трудолюбивых крестьян и рабочих усадьбы, создававших и поддерживавших многие годы эту рукотворную природу. Абсолютно все здесь создано искусственным путем – от реки до высокого холма, на котором был построен дворец М.М. Измайлова, обрамленный двумя симметричными флигелями.

В конце 1840-х годов этот Усадебный дом-дворец, был капитально перестроен графом Иваном Илларионовичем Воронцовым-Дашковым, наследником М.М. Измайлова. Поскольку у четы Измайловых не было детей, то они покровительствовали двум своим племянницам Евдокии (1780–

1850) и Ирине (1768–1848), дочерям Ивана Михайловича Измайлова (1724–1787). Евдокию, по настоянию императора Павла I, выдали замуж за Сергея Михайловича Голицына (1774–1859), владельца усадьбы Кузьминки. А Ирина, выйдя за Иллариона Ивановича Воронцова, получила в наследство усадьбу Быково. Ее сын Иван Илларионович, первый граф Воронцов-Дашков, капитально перестроил весь усадебный комплекс, еще большую представительность которому придал швейцарский архитектор и декоратор Бернар (Бернхард) Симон. Сохранился памятный альбом подробных чертежей всех усадебных зданий, которые были построены или реконструированы Б. Симоном, выполненный самим архитектором по просьбе графа Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова. Поэтому сегодня мы точно знаем назначение всех помещений во дворце, подписанных по-французски на чертежах, и можем их увидеть почти такими, какими они были тогда созданы, поскольку в 1980х годах интерьеры дворца были отреставрированы.

Восточная половина усадебного дома, обращенная к парку и к церкви, была женской, а западная с башней, выходившая в сторону служебных зданий, к парадному въезду от Москвы – мужской. На женской половине помещались: «кабинет графини» – бальный зал, спальня графини, «ванная графини», будуар, помещения для гардероба и комнаты горничных. На мужской половине располагались библиотека, биллиардная, столовая, буфетная, комнаты буфетчиков и камердинеров. А на втором этаже мужской половины – спальни графа и его наследника – Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, комната для учебных занятий. К 1850-му году усадебный дом был снабжен передовыми достижениями техники: отопление производилось теплым воздухом через декоративные камины и воздуховоды от двух печей, расположенных в подвале, кушанья подавались в буфетную специальным подъемником из подвального помещения, куда их доставляли по подземному ходу из кухонного корпуса. В подвал дворца приходил и другой подземный ход из оранжереи – для доставки плодов и цветов в зимнее время. В доме был водопровод и даже –

Вид на верхнюю площадку вестибюля. Фото И.Е. Путятина 2015 г.

Иллюминация партера дворца 2015 г. Фото М.Мариной

современные туалеты, отдельные на мужской и женской половине.

На башне дворца располагались часы и телескоп, которые позволяли точно рассчитывать время суток и время года.

С правой стороны от дворца, если смотреть с юга, от восточной двери «ванной графини» начиналась аллея, ведущая к верхнему треугольному пруду. Она завершалась каменной пристанью, которая была украшена вазами и изваяниями амуров. К сожалению, пристань была разрушена в 1930-е годы, также как и построенное В.И. Баженовым здание Эрмитажа на противоположном берегу этого пруда. При формировании большого ансамбля «новой» усадьбы М.М. Измайлова в 1770х годах Эрмитаж занял ключевое место в ее композиции, поскольку оказался по середине, на оси, соединяющей церковь и восточный фасад дворца.

Двигаясь в правую сторону от Эрмитажа, можно было попасть к гроту под холмом, на котором стояла едва ли не крупнейшая в нашей стране оранжерея. От грота, который был построен в виде пещеры с готическим входом из дикого камня, к сожалению, остались только воспоминания и исторические фотографии, а вот два флигеля оранжереи сохранились. Сейчас в них жилые квартиры. Правый флигель – это домик с необычными мавританскими арками у подъезда к усадьбе со стороны церкви. Он назывался «квартира ботаника». А левый – покрашенный в желтый цвет двухэтажный домик на северо-западном краю парка – «квартира садовника». Все расстояние между ними занимала колоссальная оранжерея, в которой выращивали персики, розы, герани, пальмы, цитрусовые. Еще две оранжереи к югу от церкви были отведены под черешни и ананасы. Усадебное хозяйство снабжало редкими южными фруктами и цветами московские магазины и персональных клиентов.

Грот в усадебном парке. Почтовая открытка начала XX в.

На половине длины большой оранжереи, над гротом М.М. Измайлов установил обелиск в память посещения усадьбы императрицей Екатериной II. Мимо него проходила дорога в усадьбу от церкви. Еще один въезд с готическими узорчатыми башенками, как в Царицыне, существовал со стороны Москвы. Рядом с этими воротами Б. Симон построил изящное здание сторожки в итало-романском духе. Сейчас там сохранилась аллея из древних лип перед воротами бывшего санатория, помещавшегося в усадьбе до 2015 года.

К северо-западу от дворца находится здание усадебной кухни, построенное в конце XVIII века в палладианском духе, вероятно, по проекту архитектора Н.А. Львова или кого-то из его круга. Оно было перестроено и расширено в советское время из кирпичей разобранного Эрмитажа. Здесь располагалась столовая санатория. В настоящее время можно видеть остатки первоначальной архитектуры кухни, открывшиеся из-под поздней штукатурки.

При прогулке вокруг «нижнего» пруда, постепенно раскрывается утонченная красота беседки-ротонды, которая стоит на одном из островов. Это прекрасное здание было построено еще при М.М. Измайлове, вероятно, по проекту В.И. Баженова. Тогда эта «беседка» называлась «Павильон трех философов». Барельефы с профилями античных мыслителей располагались в круглых нишах на трех пилонах этого «храма мироздания». Можно думать, что это были портреты Сократа, Платона и Аристотеля.

На «остров философов» можно было попасть по горбатому мостику, которого сегодня уже нет, что способствует сохранности павильона, пока в

Южный фасад. 2015. Фото М.Маринойа Д.Э. Хаген (Гаген). Панорама усадьбы Быково. 1853 г. Х., м. Раменский историко-художественный музей. Картина находилась в кабинете И.И. Воронцова-Дашкова.

усадьбе не создан музей. Со времени перестройки усадьбы по проекту Бернара Симона известно три мостика на этом месте – чугунный подвесной, деревянный с вазами-цветочницами на перилах и горбатый каменный, возведенный после запустения военных лет Великой Отечественной.

Еще одно нововведение графа Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова сохранилось у северо-восточного пандуса дворца – казалось бы обычная сегодня спортивная площадка между липами, на самом деле – древнейший сохранившийся у нас «спортивный объект». Граф занимался здесь спортом почти двести лет назад!

При последних владельцах усадьбы – дворянской семье Ильиных – были произведены большие ремонтные работы во всех зданиях и в парке, в селе была построена и открыта церковно-приходская школа (ныне на ее месте здание школы №16 при въезде в усадьбу от церкви). Во дворец провели электричество и телефон, выстроили большую колокольню у церкви, на всех «ключевых» местах парка – у павильонов и у дворца – были посажены сибирские лиственницы, сохранившиеся до сих пор.

Сегодня усадьбу Быково посещают тысячи туристов. Вокруг нее с 2014 года собралось большое волонтерское сообщество. Регулярно в парке и у дворца устраиваются субботники по наведению чистоты и уходу за парком. Волонтеры при поддержке деятелей культуры и учёных организуют концерты, лекции, благотворительные акции в поддержку усадьбы. За семь лет в средствах массовой информации вышли десятки научно-популярных и публицистических статей и видеосюжетов. Сняты интереснейшие документальные фильмы об истории и архитектуре усадьбы Быково. Написана научная концепция музея-усадьбы[6] и собраны музейные коллекции. Сейчас уже всем ясно, что открытие музея в усадьбе – наиболее быстрый и эффективный путь ее спасения и возрождения.

PS. *Подробнее об усадьбе Быково и ее владельцах можно узнать, войдя на сайт «Музея-усадьбы Быково»: https://www.facebook.com/groups/471513350031344*

[6] *Путятин И.Е. Предварительные материалы научной концепции музея «Дворцово-парковый ансамбль усадьбы Быково-Марьино» // Макариевские чтения. Вып. XXVI. Можайск, 2019. С. 303–324; Путятин И.Е. Научная концепция музея «Дворцово-парковый ансамбль усадьбы Быково-Марьино» // «Во славу живших! В назидание живущим!». Материалы XI Ежегодной краеведческой научно-практической конференции. Раменское: Раменский историко-художественный музей, 2019. С. 17–42.*

ВОСКРЕСЕНСК ПРАВОСЛАВНЫЙ

В 2021 ГОДУ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СЕРЕБРО СЛОВ» УВИДЕЛА СВЕТ НОВАЯ КНИГА «ИСТОРИЯ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОГО ХРАМА СЕЛА МАРЧУГИ. ВОСКРЕСЕНСКИЙ КРАЙ ПОДМОСКОВЬЯ» ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСИЯ КРЫЛОВА, ИЗВЕСТНОГО СВОИМИ КРАЕВЕДЧЕСКИМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ. ПРЕДЛАГАЕМ ПУБЛИКАЦИЮ ПО ОДНОЙ ИЗ ГЛАВ КНИГИ.

ХРАМ ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ В СЕЛЕ МАРЧУГИ ГОРОДСКОГО ОКРУГА ВОСКРЕСЕНСК В 2018 ГОДУ ТОРЖЕСТВЕННО ОТМЕТИЛ СВОЁ 250-ЛЕТИЕ. ОДНАКО МАРЧУГОВСКИЙ ПРИХОД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СУЩЕСТВУЕТ ЗДЕСЬ УЖЕ БОЛЕЕ 570 ЛЕТ. И ИСТОРИЯ КАМЕННОГО ХРАМА НАПРЯМУЮ ИСХОДИТ ОТ ДРЕВНЕЙ ДЕРЕВЯННОЙ ЦЕРКВИ, КОТОРАЯ ДО НЕГО СТОЯЛА ТУТ БОЛЕЕ 320 ЛЕТ.

Крестовоздвиженский храм

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ СОФЬЯ ВИТОВТОВНА - ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА МАРЧУГОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Протоиерей Алексий Крылов,
настоятель Крестовоздвиженского храма села Марчуги
городского округа Воскресенск

Село образовалось не сразу, вначале здесь было поселение Усть-Мерской волости в два-три двора.

В XV–XVI веках повысились требования к названию поселения, как села. Чтобы сие место называлось селом, а не деревней, нужно на этой земле иметь дом-усадьбу и построить храм добротный, да освятить его архиереем. Тогда село станет единым административным и церковным центром для соседних деревень.

Не место красит человека, а человек место. Усадьба барская украшает сельцо. А храм Божий украшает всю местную округу и делает ее молитвенным орудием в руках Божиих. Почему это произошло здесь? Да потому, что у храма появился приход из людей верующих во Христа. Теперь уже и храм, и люди Божии стали украшением для местной округи, а не барская усадьба.

Начало истории Крестовоздвиженского храма положила невестка великого князя Дмитрия Ивановича Донского и вдова великого князя Василия I Дмитриевича – Софья Витовтовна, игравшая важную роль в политической истории России первой половины XV века. Именно с ее решения построить деревянный храм на берегу Москвы-реки в 40-х годах XV столетия начинается его документированная история.

Расскажем нашу историю строительства села и храма, их первой благодетельницы и покровительницы.

Великая княгиня Софья Витовтовна, вдова великого князя Московского Василия I Дмитриевича, родилась в 1371 году. Отец Софьи – Витовт (в крещении Александр) Кейстутович, великий князь Литовский, а мать – Анна Святославовна Смоленская.

Для понимания, что Софья Витовтовна не была для русской земли чужестранкой, расскажем немного о Великом Княжестве Литовском.

Вел. кн. Василий I Дмитриевич и Софья Витовтовна
(шитье на саккосе митрополита Фотия)

Великая княгиня Софья Витовтовна. Худ. Н.И. Башмаков

Великое Княжество Литовское, а точнее – Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское – было довольно интересным государственным образованием, одним из самых крупных в Европе.

После разорительного нашествия татаро-монголов на центральные русские княжества фактически сформировалась система двоевластия на бывших территориях единого Древнерусского государства. Великое княжество Литовское – реальный соперник Московской Руси в борьбе за господство в Восточной Европе, и оно было вторым перспективным центром объединения русских княжеств в единое государство. Литовские князья самым серьёзным образом претендовали на русский великокняжеский стол.

Огромную часть территории этой страны составляли славянские и русские земли и княжества. Фактически княжество Литовское занимало значительную часть некогда единой Киевской Руси, а этнически русские земли составляли 9/10 его территории. В составе государства были три четверти древнерусских городов – например, Киев, Чернигов, Полоцк, Смоленск, Новгород-Северский и т.д.

При дворе и в государственном документообороте преобладал русский язык, и до XV века он являлся в княжестве официальным языком. Основой местного законодательства стал первый письменный свод законов «Русская правда», изданный еще в середине XI века Ярославом Мудрым и его сыновьями.

В национальном составе Великого княжества Литовского преобладали именно славяне – предки нынешних украинцев, белорусов и отчасти русских. Этнические русские занимали при литовском дворе и войске высшие командные и управленческие должности, выполняли дипломатические поручения и участвовали в делах гражданской администрации. Большинство населения княжества было православным.

Софья познакомилась с Василием, 17-летнем сыном Дмитрия Донского, в 1386 году, когда он бежал из ордынского плена в Молдавию. На пути в Россию был задержан Витовтом. Отец Софьи Витовт оказал помощь княжичу Василию в освобождении. В чем же заключалась эта помощь?

Можно предположить, что он дал ему в сопровождение небольшой татарский отряд и охранную грамоту, чтобы пробраться к Москве, минуя заслоны. Возможно тогда-то проводником и «татарским» военачальником был Марчук*[1].

В январе 1387 года беглецы возвратились домой, а в 1389 году умер Дмитрий Донской, и Василий становится великим князем Московским.

В скором времени великий князь Московский Василий I засылает сватов к великому князю Литовскому Витовту. Вместе с невестой Софьей на Русь приехали польские и литовские знатные люди. 9 января 1391 года митрополит Московский Киприан благословляет их брак.

Вскоре у молодых появились дети. Всего Софья родила пять сыновей и четыре дочери. По разным причинам все дети умерли, кроме Василия, будущего великого князя.

После смерти мужа 27 февраля 1425 года великая княгиня Софья Витовтовна стала опекуншей 10-летнего сына – великого князя Московского Василия II Васильевича. С этого времени она начала активно вникать в государственные дела, но после женитьбы сына в 1433 году «отошла от дел и занялась хозяйством, скупая села у бояр и дружинников».

На прикупленных землях Софья Витовтовна начала строить храмы, которые стали украшением местной округи и молитвенным орудием в руках Божиих. Люди Божии ожили, и вся округа зашевелилась и ожила – ведь мы творение Божие.

Марчуги с округой, по версия первого краеведа Коломенского уезда Николая Иванчина-Писарева (1790–1849), когда-то принадлежали «татарину Марчуку», который был проводником и военачальником отряда сопровождения московских беглецов из Орды в Москву (1385 год). Помня, как великий князь Василий I высоко ценил своего благодетеля, великая княгиня Софья после его смерти купила имение Марчука, и в знак благодарности оставила имя его в памяти потомков.

У каждого храма должно быть название, т.е. имя, в честь кого он назван, или в память какого события сооружен. Расскажем о нашем храме.

В 1433 году среди князей началась длительная междоусобная война за великокняжеский стол. Софье Витовтовне пришлось пережить много горя.

В том же 1433 году дядя Василия II князь Звенигородский Юрий Дмитриевич захватил Москву. Василий II призвал всех москвичей поехать на время в Коломну. Вскоре Василий получил звание князя Коломенского. «Сей город сделался истинной столицей великого княжения и многолюдной, и шумной» – описывает историк Н.М. Карамзин Коломну того времени. Коломна служила центром объединенных сил, сочувствовавших великому князю в его политике «собирания Руси». Многие жители покинули Москву, отказавшись служить князю Юрию, и направились в Коломну. Улицы Коломны были запружены подводами, город на некоторое время превратился как бы в столицу Северо-Восточной Руси почти со всем административно-хозяйственным и политическим штатом. Получив поддержку, Василий смог вернуть себе трон, однако в ходе войны еще несколько раз его лишался.

Самым тяжелым испытанием для Софьи было пленение сына татарами в 1445 году в сражении у окрестностей Суздаля, ослепление его в 1446 году родным дядей Дмитрием Шемякой и последовавшая ссылка в Углич. Ее саму сослали в Чухлому, а вскоре увезли в Каргополь.

Надо просто понять состояние матери. Какое у нее в это время было слезное покаяние, какая была сильная молитва о помиловании ко Господу и Матери Его. Для верующего человека в такой ситуации на мгновение как бы вспыхивают сотни и сотни: «Почему? За что?». Но потом все утихает и остается только одно: «Прости, прости!!!», повторяемое сотни и тысячи раз.

Софья Витовтовна испытала такое чувство за сына, которое подобно чувству Матери Божией, стоящей у Креста Распятого Сына. Поэтому Господь так скоро услышал ее.

Меньше года пробыла великая княгиня в ссылке. Отсюда можно предположить, что во время молитвы она получила откровение от Бога строить храмы, монастыри и украшать их, как делала ее свекровь великая княгиня Евдокия (в инокинях Евфросиния). Теперь это ее Крест, который надо взять и следовать за Христом. Софья Витовтовна дала Богу обет ис-

Деревянная церковь Воздвижения Креста Господня. Худ. Н.И. Башмаков

[1] *Марчук(уг) – потомок человека, обладающий именем Марк (лат. – слабый, вялый). Суффикс – чук указывает на белорусское, польское или украинское происхождение.

Вел. кн. Софья Витовтовна на свадьбе вел. кн. Василия в 1433 году срывает с кн. Василия Косого золотой пояс Дмитрия Донского. Худ. П.П. Чистяков

полнить все, только бы освободили сына Василия из плена.

А в это время Господь подвигнул высшую церковную власть, чтобы они устыдили и пригрозили князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке наказанием Божиим, если не отпустит мать и сына на волю.

И вот, возвращаясь домой в 1447 году через Троице-Сергиеву обитель, Софья Витовтовна встретила там слепого сына своего Василия. Радость была великая и неимоверная.

Вместе с сыном Софья Витовтовна вернулась в Москву и стала активно участвовать в княжеских делах. При содействии митрополита Ионы она участвовала в закладке и освящении храмов и монастырей.

И одним из первых дел Софьи Витовтовны было строительство в своем подколоменском имении Марчуги обетного храма в благодарность за избавление ее из Каргопольской ссылки.

Храм деревянный построили на берегу Москвы-реки взамен ветхого. Без сомнения, он был великолепный, величественный и высокий, достойный удивления по своей красоте, архитектуре и украшениям. Это потом станут перестраивать его, в зависимости от своего состояния и своей совести.

Возможно, имя храму «Воздвижение Креста Господня» было дано Софьей Витовтовной, потому что Бог услышал молитву и снова воздвиг на великокняжеский стол ее сына Василия II, получившего после ослепления прозвище «Тёмный».

Вот так великая княгиня Московская Софья Витовтовна взяла Крест свой и последовала за Христом, побеждая врага и прославляя Бога. Результаты ее трудов налицо – Крестовоздвиженский храм села Марчуги с середины XV века (и деревянный, и каменный) не меняет своего названия.

Предположительно, тогда же Марчуги на какое-то время стали центром Усть-Мерской волости. Ведь если бы Марчуги были простым селом, тогда зачем его отдельно дарить «внуку своему князю Юрию, (как) свой прикуп Марчуково». Значит, Марчуги уже тогда имели большую родовую ценность. В Писцовой книге 1577-78 гг. Марчуги продолжали называться «государское село Марчуки», т.е. центр какой-то волости.

За два года до смерти Софья Витовтовна в Вознесенском монастыре Московского Кремля постриглась в монашество с именем Евфросиния. Затем она разделила все свои имения, составила

Крестовоздвиженский храм. Худ. Н.И. Башмаков

Крестовоздвиженский храм. Худ. Н.И. Башмаков

духовную грамоту (завещание) и посвятила себя покаянию, чтобы войти «в Невестник Христов».

15 июня 1453 года закончилась подготовка к исходу в вечность, и великая княгиня Московская Софья, в монашестве Евфросиния, с великою радостью отошла ко Господу, которому посвятила свою земную жизнь. Похоронена она в Вознесенском монастыре Московского Кремля в усыпальнице русских княгинь. В 1929 году останки великой княгини перенесены в Архангельский собор Московского Кремля.

На протяжении шести столетий образ великой княгини Московской Софьи (в монашестве Евфросинии) привлекает умы благочестивых людей. Она принадлежит к числу немногих женщин допетровской Руси, принимавших активное участие в государственных делах. Годами ей удавалось, порой с трудом, удерживать Литву и Русь от усобицы и войны: она устраивала встречи мужа и отца, ездила с детьми к Витовту, постоянно налаживая отношения двух правителей. Закончились княжеские междоусобицы, которые длились 27 лет. Государственная власть сосредоточилась в руках московских князей. Установилась наследственная преемственность власти от отца к сыну.

Житие ее притягивает писателей, а сам образ – художников. В 1498 году неизвестным художником ее образ был запечатлен на пелене, а в 1861 году мастер исторической, жанровой и портретной живописи Павел Чистяков (1832–1919) написал знаменитую картину «Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного в 1433 году срывает с князя Василия Косого пояс [с драгоценными каменьями, который некогда принадлежал Дмитрию Донскому и которым Юрьевичи завладели неправильно]».

Деятельное участие в государственных, а затем и в церковных делах великой княгини Софьи, в монашестве Евфросинии, как доброе семя, брошенное в землю, принесло добрый плод Отечеству нашему.

В последствии владельцами села Марчуги были представители крупнейшей аристократии России – Дмитровский удельный князь Юрий Васильевич, род бояр Берсень-Беклемишевых, сыгравших выдающуюся роль в дипломатической и интеллектуальной истории России. Потомком Берсень-Беклемишевых был русский национальный герой, полководец князь Дмитрий Пожарский. В дальнейшем история села Марчуги и его Крестовоздвиженского храма

Крестовоздвиженский храм

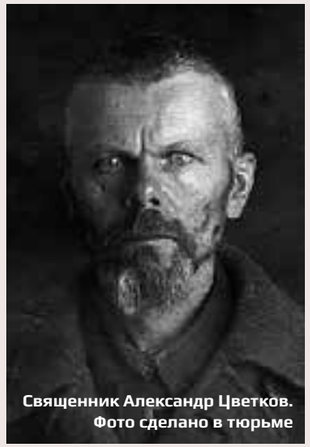
КАК СПАСАЛИ ЦЕРКОВЬ ИОАННА ЗЛАТОУСТА В СЕЛЕ НОВЛЯНСКОМ

Андрей Фролов,
историк, краевед

ГЛАВНЫМ УКРАШЕНИЕМ СЕЛА НОВЛЯНСКОГО БЫЛА И ЕСТЬ ЕГО ЦЕРКОВЬ. СЕЛО В ПРОШЛОМ ТОРГОВОЕ, ЯРМАРОЧНОЕ, СТОЯЛИ В НЁМ ДВУХЭТАЖНЫЕ ДОМА БОГАТЕЕВ КОРЯБКИНЫХ, ЛАРИНА, ТИХОМИРОВА, ОСНОВАТЕЛЬНОЕ КИРПИЧНОЕ ОДНОЭТАЖНОЕ ЗДАНИЕ ШКОЛЫ, ДОМА РЯДОВЫХ СЕЛЬЧАН, НО КРАШЕ ЦЕРКВИ ЗДАНИЯ В СЕЛЕ НЕ НАЙТИ. ШКОЛУ С ТОЛСТЫМИ ПОЧТИ МЕТРОВЫМИ СТЕНАМИ ВЫСТРОИЛ НА СВОИ КРОВНЫЕ ПАНФИЛ ЯКОВЛЕВИЧ ТИХОМИРОВ, В 1870 ГОДУ, ОН ЖЕ ЕЁ СОДЕРЖАЛ.

Церковь во имя святителя Иоанна Златоуста в селе Новлянском перестала работать в воскресенье 15 августа 1937 года, когда сотрудники НКВД арестовали и увезли её настоятеля – священника Александра Цветкова. Обвинили его в «участии в контрреволюционной повстанческой террористической группе» и вскоре расстреляли. Не стоит и говорить, что обвинение это было совершенно фантастическим . По рассказу Евгении Ивановны Беляковой (жены участника войны Георгия Гавриловича Белякова), 1926 года рождения, арестованного отца Александра везли от его дома в селе Новлянском на телеге, а его дочери бежали вслед за повозкой... Священник отец Александр, как поведала его внучка – жительница Воскресенска Надежда Михайловна Ригер, был вдовцом, похоронил жену, умершую от туберкулёза внутри церковной ограды, ей было всего 35 лет. Из семи детей у отца Александра выжили пятеро – Николай, Зоя, Любовь, Серафима и Мария – мама Надежды Михайловны, 1918 г. рождения. К народу он относился хорошо, крестил бесплатно. Был очень трудолюбивый. Сам работал по хозяйству, а дети помогали.

Священник Александр Цветков. Фото сделано в тюрьме

Отец Евгении Ивановны Беляковой – житель деревни Кривякино Иван Иванович Молодцов служил регентом в храме, он вступил в партию в 1924 году, в ленинский призыв, тогда многие вступили в партию. И вот его вызвали и велели выбирать, или партия, или православная вера. Иван Молодцов выбрал веру и положил свой партбилет на стол.

Храм после расправы над священником не работал более девяти лет. Но он не был, как многие другие, разгромлен и осквернён. Его сберегли. В храме председатель новлянского колхоза Любовь Ивановна Дронова стала хранить зерно. Здание запиралось и посторонние не могли в него попасть. Ключи от церкви при этом находились у старосты храма. А староста одновременно работала колхозным бригадиром .

Вообще «Дрониха», как звали Любовь Ивановну на селе, не была чужой среди верующих. В октябре грозного 1937 года районная газета «Коммунист» в заметке с заголовком «Очистить Новлянский колхоз от чуждых элементов», писала о том, что её муж, бухгалтер Павел Сергеевич Дронов, когда-то служил псаломщиком (дьячком) в Новлянской церкви . Там же говорилось, что в правление колхоза проникли бывшие лишенцы и церковники. В сохранении храма председатель колхоза сыграла важную роль. Но главный удар в первые месяцы после расправы над священником приняла на себя староста церкви. У неё, как и в других местах, активисты требовали отдать ключи от церкви, но она им отвечала: «Расстреляйте меня, ключи не отдам».

Однажды, как старые прихожанки позднее рассказывали Николаю Ивановичу Башмакову, в Новлянскую МТС пришла телеграмма, что скоро приедет комиссия и будет произведён осмотр храма на предмет изъятия предметов из цветных металлов. О новой угрозе узнали прихожане, узнала председатель колхоза. Срочно были приняты меры для спасения внутреннего убранства, иконостас главного придела и иконостасы малых приделов закрасили чёрной краской, а главную святыню – Иерусалимскую икону Богоматери вынесли из храма и прятали в разных местах в селе, перенося от одного к другому, чтобы её и следов не нашли. Даже на сеновалах прятали. Утварь хранились у благочестивых женщин по домам. И вот приехала комиссия, но проход к алтарю ей преграждал слой насыпанного зерна. Члены комиссии тогда сказали: «Если мы сейчас пойдём по зерну, то вы на нас ещё пожалуетесь, что мы по хлебу ходим!» А время было суровое – за меньшее наказывали сильнее. И не пошли смотреть.

Протоиерей отец Сергий Зибров, служивший настоятелем Иоанно-Златоустовского храма с 2004 года, про этот же случай со слов старых прихожан рассказал немного по-другому. Зерно горой, под самый потолок, насыпали на паперти храма, то есть, в помещении под колокольней. Комиссия приехала, им открыли двери. Они увидели гору зерна, опешили. Спрашивают: «А дальше что?» Им отвечают: «А дальше тоже самое». Комиссия решила, весь храм засыпан зерном, не пройти. На самом же деле этого не было, засыпали под потолок только паперть.

Вообще, как мы теперь знаем, к 22 июня 1941 года на территории Воскресенского и Виноградовского районов действующих храмов, как православ-

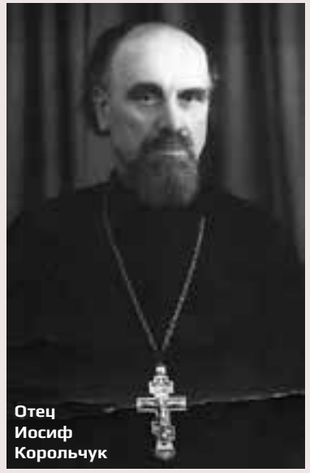
Понтонный мост в Новлянске. Открыт 1 июля 1940 г.

Шествие к Иордани. 1947-1948 г. С. Новлянское

ных, так и старообрядческих, не осталось. Люди, кто хотел, ездили и ходили пешком крестить младенцев в Егорьевск и в Коломну. В Егорьевске осталась единственная действующая церковь – во имя святителя Алексия, митрополита Московского, в Нечаевской. Эту церковь власти решили закрыть, но решение выполнить не удалось, прихожане собрались в храме и неделю в нём находились. Настоятель – протоиерей Андрей Ясенев был расстрелян, с 1938 года служил в Нечаевской протоиерей Фёдор Хитров. В Коломне старенький священник отец Иоанн Розанов продал собственный дом, чтобы заплатить недоимки по налогам и не допустить закрытия последнего в городе храма – Богоявленского. Храм и позднее пытались закрыть, но отец Иоанн, при поддержке прихожанок, сделал всё возможное и невозможное, чтобы его спасти. Этот действующий храм остался один на несколько районов.

Как и во многих местах в те годы, верующие в Новлянском приходе собирались и молились на дому. Приезжали ли к ним священники? Мы про это не знаем. Вероятно, приезжали. Этим священником, посещавшим село Новлянское в конце 1930-х – начале 1940-х годов, очень может быть, являлся вышеупомянутый пастырь Иоанн Розов из Коломны. По крайней мере, мы знаем, что в 1944 и 1945 гг. он приезжал в село Афанасьево на требы и в Марчуги – на открытие храма.

Отец Иосиф Корольчук

Долгие века рядом с церковью Иоанна Златоуста находилась переправа через Москву-реку. По местному преданию переправа была даже старше села. Сначала возили людей на лодках, а скот – на плоту, потом сделали наплавной мост. В 1940 году открыли новый мост, на понтонах, этот мост мостовщики сводили и разводили, чтобы пропускать идущие по реке пароходы. По воспоминаниям Александры Сергеевны Привезенцевой (1917-1994), которая работала там от катунинского колхоза, в начале войны немецкие самолеты пытались уничтожить эту переправу, но мост уцелел: «Нас немец пугал не раз, хотел разбить наш мост, но ни одна бомба на мост не попала. Как раз мы мост разводили, самолёт над нами кружил, а бомбы то падали слева, то справа, обдавали нас водой». Уцелела и церковь, которая стояла в нескольких десятках метров от моста.

Когда в октябре 1942 года пригнали обратно колхозный скот (скот угоняли в октябре 1941 года, чтоб не достался немцам), Иоанно-Златоустовский храм всё ещё не работал, коров загнали в церковную ограду и приезжавшие от колхозов представители забирали своих коров и сами уже гнали их по своим селениям. Скот этот был не со всего района, а с одного «куста». «Кустом» звали группу селений.

После известной встречи Сталина с иерархами православной церкви 4 сентября 1943 года, отношение советской власти к религии несколько смягчилось, стали понемногу открывать храмы. В наших местах, вдобавок к уже действующему храму Михаила Архангела в селе Карпово открыли в марте 1944-го деревянный храм во имя святых Космы и Дамиана на погосте Гвоздня (рядом с деревней Юрасово). Прихожане новлянской церкви всё собирали подписи, всё ездили в Москву, «хлопотать церковь», но долго у них ничего не получалось, отказывали им. Вот, например, что отвечали новлянским в решении Мособлисполкома от 6 мая 1944 года:

«О заявлении группы верующих сс. Новлянское, Морчуги Воскресенского района. 1. Принимая во внимание, что церковь в селе Новлянском не функционирует с 1937 года, здание церкви в настоящее время используется под кладовую колхоза и, учитывая, что в районе имеются действующие церкви, Исполком Мособлсовета решил: в просьбе верующих об открытии церкви в с. Новлянское отказать... Председатель Исполкома Мособлсовета П. Тарасов, секретарь – Л. Перламутров».

С той же формулировкой отказали в просьбе об открытии церкви в селе Марчуги. При этом, действующих церквей на 6 мая 44-го в наших местах имелось лишь две – Михаила Архангела в селе Карпово и Космы и Дамиана на погосте Гвоздня.

Решение областного исполнительного комитета новлянцами было обжаловано, но осталось в силе. Всего прихожане храма Иоанна Златоуста обращались с ходатайствами об открытии храма 9 раз, ровно столько же, сколько лет не работала церковь, один раз – за 1943 год, 2 раза – за 1944-й, 4 раза – за 1945-й и 2 раза – за 1946 год. Наибольшее число граждан, подписавших ходатайство, составило 300 человек. Количество посещений по данному ходатайству составило 50 раз. 50 раз люди ездили в Москву! Точно так же, более или менее активно, хлопотали и жители других наших сёл – Марчугов, Ванилово, Ашитково, Конобеево, Барановского, Губино, Осташово, тех, где закрытые или недействующие церкви находились в хорошем состоянии, не разгромленные, но власти пошли навстречу очень немногим. Жители сёл, в которых безбожники устраивали ранее костры из церковных икон, уничтожали иконостасы, заявлений об открытии храма, как правило, не подавали.

Желание людей посещать православные храмы в суровые военные и послевоенные годы лишь росло. По данным уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Москве и Московской области А.А. Трушина, храм Архангела Михаила в селе Карпово Воскресенского района на Пасху 1945 года, в ночь с 5 на 6 мая, посетило 550 человек, а на Пасху 1946 года, в ночь с 20 на 21 апреля, сюда устремилось уже 1000 человек. В фабричном селе Ванилово Виноградовского района, где в апреле 45-го открыли Георгиевскую церковь, эти цифры составили 2000 и 3500 человек соответственно. В Коломне уже упоминаемый храм Богоявления на Пасху в мае 45-го посетили 3500 граждан, а год спустя – уже 4600. В Москве кафедральный Богоявленский собор в Елохово посетили на Пасху 45-го 12 тысяч человек и год спустя – уже 18 тысяч москвичей и гостей столицы.

Лишь только 24 декабря 1946 года храм Иоанна Златоуста в селе Новлянском разрешили открыть. Туда был назначен священник – отец Иосиф Корольчук. Ранее отец Иосиф служил недолго в Марчугах. И вот тут всю утварь принесли обратно в храм. Люди вздохнули с облегчением... Храм сберегли, со всем внутренним убранством, с антиминсами, с облачениями, которые лежали в сундуках; его надо было просто открыть, убрать зерно, произвести уборку и можно сразу начинать служить, какого-либо дорогостоящего ремонта он не требовал. Много лет этому храму отдал священник Алексий Евдокимов. А 38 лет спустя именно в этот спасённый храм придёт настоятелем отец Иннокентий Язвиков.

Благодарю Николая Ивановича Башмакова, протоиерея Сергия Евгеньевича Зиброва, Евгению Ивановну Белякову, Лидию Петровну Клинчикову, Евгения Алексеевича Евдокимова, Надежду Михайловну Ригер, Лидию Васильевну Козину за рассказы о прошлом.

Иордань на Москве-реке. Новлянское. 1947-48 гг. Фото из архива Е.А. Евдокимова

Хор церкви села Новлянского в середине XX в. Фото из архива Е.А. Евдокимова. Крайний справа – Алексий Евдокимов.

ВОСКРЕСЕНСК ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ

БОЛЬШИНСТВО ИЗ НЫНЕ ЖИВУЩИХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН ЗАСТАЛИ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД НАШЕЙ ИСТОРИИ УЖЕ В СРАВНИТЕЛЬНО БЛАГОПОЛУЧНОЕ ХРУЩЁВСКОЕ И БРЕЖНЕВСКОЕ ВРЕМЯ. ГОДЫ ЖЕ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ЭТОМУ БЛАГОПОЛУЧИЮ, ТРАГИЧЕСКИЕ И ГЕРОИЧЕСКИЕ, НАПОЛНЕННЫЕ ОЧЕНЬ СУРОВЫМИ ИСПЫТАНИЯМИ, НЕВЗГОДАМИ И НЕУСТАННЫМ ТРУДОМ, ЭТИ ГОДЫ ОСТАЛИСЬ ТЕПЕРЬ ТОЛЬКО В НАШЕЙ ИСТОРИИ, КНИГАХ, ФИЛЬМАХ, ДА В РАССКАЗАХ ОЧЕНЬ НЕМНОГИХ НЫНЕ ЗДРАВСТВУЮЩИХ СТАРИКОВ И СТАРУШЕК, ВЕСЬМА ПРЕКЛОННОГО ВОЗРАСТА.

Михаил Никитич (вверху) с сыном Славой и Марией Евгеньевной Кайяц. 1944 г.

Михаил Матвеев - курсант Военно-химической академии

ОДИН ИЗ ТЕХ, КТО КОВАЛ ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ...

РАССКАЗ О М.Н. МАТВЕЕВЕ – ДИРЕКТОРЕ ВОСКРЕСЕНСКОГО ХИМКОМБИНАТА В 1942-1950 ГГ.

АНДРЕЙ ФРОЛОВ
историк, краевед

Плодами титанического самоотверженного труда нескольких поколений советских людей мы пользуемся каждодневно – благодаря унаследованному от СССР ядерному оружию наслаждаемся мирной жизнью, живём в благоустроенных квартирах со всеми удобствами, ездим по дорогам и мостам, учимся в школах и вузах, созданных во времена СССР и так далее и тому подобное, не особенно задумываясь, откуда и что берётся.

А задуматься стоит. Задуматься и мысленно снять шляпу перед нашими дедами и бабками. Воистину, эти люди прожили свою жизнь не напрасно! Память о них нам необходимо по возможности не терять, сохранить для будущих поколений. В настоящем очерке мне хотелось рассказать читателям об одном из таких созидателей. Речь пойдет о Михаиле Никитиче Матвееве. Михаил Никитович Матвеев (1899-1969) был шестым директором градообразующего предприятия Воскресенска – Воскресенского химического комбината (сокращенно ВХК), он руководил его работой в самые тяжёлые военные и послевоенные годы. Преемником Матвеева в должности директора стал хорошо известный воскресенцам и можно даже сказать знаменитый человек – Николай Иванович Докторов. И Матвеев и Докторов прошли схожий путь – работали, учились, получили высшее образование, работали руководителями на предприятиях, каждый перед своим директорством на Воскресенском химкомбинате занимал там же должность парторга. Но Докторов оказался в более выгодном положении – он руководил комбинатом почти в три раза дольше Матвеева и вдобавок в сравнительно благополучные мирные годы. Соответственно и возможностей для созидания у него было гораздо больше. Михаилу же Никитовичу досталось то нечеловечески трудное время, которое можно охарактеризовать пословицей «не до жиру – быть бы живу». Так уж повернулось, что отцом города стал Николай Иванович Докторов. Заслуги Докторова общеизвестны и признаны. Он стал первым почётным гражданином Воскресенска. Ему посвящены многочисленные газетные статьи, очерки, книги, его именем в Воскресенске названы улица, пруды, дворец культуры. Есть в нашем городе бюст Николая Ивановича и мемориальная доска на улице его имени. В недавно установленном памятнике воскресенскому хоккею (на наш взгляд очень удачный памятник) Докторов увековечен в компании с тренером-создателем хоккейной команды «Химик» Николаем Эпштейном и другим замечательным директором ВХК – Н.Ф. Хрипуновым. Матвеев же оказался полностью заслонён фигурой Докторова, его фактически забыли, имя Матвеева выпало из истории Воскресенска. О нём сегодня помнят только старейшие из ветеранов химкомбината. Попытаемся хоть отчасти исправить эту несправедливость и расскажем историю жизни Михаила Никитовича максимально подробно. Источниками для написания его развёрнутой биографии стали различные книги по истории нашей страны, книга, посвящен-

ная 75-летию химкомбината, подшивки воскресенской районной газеты «Коммунист» тех лет, воспоминания родственников и коллег. Очень тепло о Михаиле Никитовиче отзывается живая легенда предприятия Татьяна Григорьевна Репенкова (работала на химкомбинате с 1947 г.). Хорошую память оставил М.Н. Матвеев и у Тамары Григорьевны Поповой (стаж работы на ВХК с 1943 года). Имеющимися в её распоряжении сведениями о директоре Матвееве поделилась начальник отдела документирования химкомбината Галина Николаевна Ларькина. Всяческое содействие было оказано автору этих строк Галиной Константиновной Васильчук, директором химкомбинатского музея, именно от неё я узнал про существование родственников Михаила Никитовича. Очень и очень многое почерпнуто из обстоятельных воспоминаний об отце, которые написала дочь Матвеева – Тамара Михайловна Носоченко. Тамара Михайловна (она проживала в городе Ангарск Иркутской области) несколько раз по телефону терпеливо отвечала на вопросы автора, рассказывала обо всем по порядку, её рассказы оказались очень интересны и познавательны. Воспоминаниями, семейными преданиями и имеющимися в её распоряжении фотографиями поделилась Ирина Кузьминична Петрова, племянница Михаила Никитича, дочь его младшего брата Кузьмы. Ирина Кузьминична прожила непростую жизнь: рано потеряла родителей, поднимала младшую сестренку, работала на производстве, но сохранила природную доброту, радушие и отзывчивость. Всем этим замечательным женщинам хотелось бы выразить искреннюю благодарность.

Деревня Силино

Итак, пожалуй, начнём. К северу от подмосковного Воскресенска, недалеко от железнодорожной станции Конобеево, посреди полей расположилась маленькая деревня – Силино. Рядом с ней стоят другие небольшие деревни – Леоново, Медведево, Бессоново, Лидинка. Из значительных населённых пунктов в окрестностях Силино можно отметить посёлок имени Цюрупы, сёла Барановское и Конобеево. История этих мест уходит вглубь времён, но сама деревня Силино не особенно древняя и упоминается в 1715 году. В ту пору всё селение состояло только из одного помещичьего двора, владельцем которого был полковник Иван Иванович Хотунский. Все обитатели барской усадьбы – 6 душ мужского пола и 6 – женского числились дворовыми крепостными людьми помещика. К концу восемнадцатого столетия сельцо Силино находилось в вотчине за вдовой тайного советника Катериной Ивановной Протасовой, ей же принадлежали соседние Леоново и Медведево. По Экономическим примечаниям за 1800 год в Силине отмечен деревянный господский дом, 7 крестьянских дворов, душ 39 мужского пола и 40 женского, итого 79 жителей (данные ревизии 1795 года). Силинские обитатели под владычеством помещицы Протасовой жили сравнительно благополучно – платили ей денежный оброк, а сами по своей воле занимались хлебопашеством и скотоводством, выращивали хмель. Экономические примечания называют их «довольно зажиточными».

После отмены крепостного права (1861 год) здешние крестьяне быстро подрастеряли свои достатки. Земли им досталось мало, к тому же она была малоплодородная, а выкупные платежи за неё здешние мужики платили ещё в течение нескольких десятилетий. Барскую усадьбу в Силине купил разбогатевший крестьянин-предприниматель Иван Максимович Крутелёв (уроженец деревни Цаплино ныне Орехово-Зуевского района) и открыл в ней красильно-сновальную фабрику, а вдобавок – между деревнями Силино и Леоново на своей земле поставил «питейный дом» (кабак). Вообще, Крутелёв старался заработать деньгу везде, где только можно – так, например, силинские крестьяне при нём стали выращивать морковь нового сорта – «каротель», а помещик с немалой выгодой перепродавал её в московские рестораны. Сам Иван Максимович с женой и сыном жил здесь же в Силино, в бывшей барской усадьбе. Господский дом о 8 комнатах с четырьмя прудами, оранжереей, садом и огородом, а также лугами и пашней – все это занимало 22 десятины. Перечень зданий силинской усадьбы впечатляет – барский дом, три флигеля, конюшня, коровник, кузница, погреб, сараи для сена и соломы, две сторожки для сторожей, зимняя и летняя. Фабрика Крутелёва в Силине имела годовой оборот 78 тысяч рублей, количество рабочих – 48 (сведения 1910 г.). По данным обследования 1897-98 гг. вся деревня, не считая крутелёвских хором, насчитывала 46 изб.

Семья Кузнецовых-Матвеевых

В одной из них проживало семейство крестьянина Никиты Борисовича Кузнецова. Вместе со своим родным братом Никита работал в кузнице, и был, таким образом, деревенским кузнецом. Интересно, что в дальнейшем потомки братьев-кузнецов стали носить разные фамилии. Дети Никиты Борисовича и он сам записаны как Матвеевы [1], дети брата – Кузнецовы. Как рассказывал дочери Тамаре сам Михаил Никитич, Матвеевыми их записали для различия, чтобы не путать, так как Кузнецовых в деревне было уже довольно много. Семейное предание находит подтверждение в сохранившихся в архиве ЦИАМ списках избирателей деревни Силино за 1917 год; среди многочисленных силинских Кузнецовых мы находим там и Ивана Борисовича Кузнецова 55 лет и его старшего брата Никиту Борисовича 64 лет, который, вместе со своими домочадцами, записаны уже как Матвеевы. На 1 ноября 1917 г. отцу нашего героя исполнилось 64 года (год рождения 1853-й или самый конец 1852-го), а его супруге Елене Ивановне было 60 лет (год рождения примерно 1857-й). Вместе с ними жила и не вышедшая замуж сестра Никиты Борисовича – Пелагея Борисовна Матвеева, тётя Поля, в 1917-м ей стукнуло 58. Об отце будущего директора, его характере каких-либо воспоминаний у ныне живущих родственников не сохранилось, а вот его мать Елену Ивановну, свою бабушку хорошо запомнила Тамара Михайловна Носоченко: *«Это была простая русская женщина, без всякого образования, но с удивительной внутренней интеллигентностью, сколько же в ней было достоинства, скромности, доброты к людям! Она и детей своих воспитала такими же. Отец, сколько помню, был весь в мать, очень тактичный, слова грубого от него никогда не услышишь, всегда старался, сколько мог, помогать людям».*

Первенец Никиты и Елены Матвеевых – Алексей Никитич Матвеев родился в конце 1886 – начале 1887 гг. (в вышеупомянутых списках избирателей 1917 года указан его возраст – 30 лет). За ним последовали Фёдор (год рождения примерно 1889), Семён (1893) и только 22 ноября 1899 года на свет Божий появился наш герой – мальчик, которого окрестили Михаилом, Михаил Никитич Матвеев. Дальше были Кузьма (1903 года рождения), а потом Бог послал Матвеевым дочь – Груню, Аграфену (самый младший ребёнок). Всего шестеро детей. Все они выросли хорошими порядочными людьми. О судьбе каждого мы немного расскажем.

Алексей Никитич Матвеев

Алексей Матвеев

Старший брат Алексей (по-домашнему Лёня) еще в дореволюционное время проявил себя человеком незаурядным. Деревенское прозвище его было «профессор». Научившись самостоятельно читать и писать, он задумал устроить школу для крестьянских ребятишек. По семейным преданиям Лёня водил дружбу с сыном местного помещика (имеется в виду тогдашний владелец барской усадьбы фабрикант Крутелёв, его единственного сына звали Андрей, он был на два года моложе Лёни) и, присмотрев подходящее помещение для школы, обратился к отцу своего друга за помощью. Лёнина идея Крутелёву приглянулась, польза даже от начального образования была очевидной. Фабрикант пошёл грамотею навстречу и отдал под школу облюбованное им помещение, а заодно и подкинул деньжат. Школа начала функционировать и учительствовать в ней доверили молодому Алексею Матвееву. Он стал обучать грамоте местных ребятишек, в том числе своих младших братьев. Будучи самоучкой, Лёня много читал, развивался и как педагог оказал-

[1] *Матвей – прадед нашего героя, отец Бориса и дед Никиты Борисовича, который взял фамилию Матвеев.*

ся вполне успешен. По-крайней мере своих братьев он выучил отменно – все они стали грамотными людьми, обладали хорошим разборчивым почерком. По опубликованным документам Бронницкого земства Алексей Никитич Матвеев действительно числился учителем, с 1906 года он преподавал закон Божий и все остальные предметы в Леоновской церковно-приходской школе. Деревни Силино и Леоново располагались смежно и обе входили в состав прихода церкви Николо-Нерского погоста. Этот погост находился к северо-западу от деревни Рославлево в районе нынешнего урочища Пукова гора. По данным дореволюционной книги, посвященной истории церковно-приходских школ Московской губернии Леоновская школа была открыта в 1903 году священником Николо-Нерского погоста Николаем Озерецковским на средства и при поддержке местных жителей. В 1914 году учитель Алексей Матвеев был призван в армию на Германскую войну, где сумел уцелеть. Продолжалась война три с лишним года. Также Алексей Никитич одно время работал учителем в Барановской школе, там он познакомился со своей будущей супругой (она также работала в школе), а ещё позднее перебрался в Москву и трудился преподавателем в одном из московских технических училищ. Человек он был очень грамотный, прозвище «профессор» тянулось за ним всю жизнь. Умер Алексей Никитич в конце февраля 1956 года, 70 лет от роду. Похоронили старого учителя по православному обряду в Москве на Троекуровском кладбище.

Фёдор

Подстарший сын Фёдор после ухода на войну Алексея занял его место (1914 год) и тоже стал учительствовать. Через два года в 1916-м его также призвали в армию, а место учителя досталось четвёртому брату Михаилу, нашему герою. Во время революции семнадцатого года Фёдор Никитович Матвеев вступил в партию, воевал в Гражданскую войну, а после её окончания долгие годы работал в Подольске, по данным документов «т. Матвеев» уже в начале 1920-х годов числится председателем уездного исполкома. Небольшое время (примерно 1931-1933 гг.) Фёдор Никитич работал председателем райисполкома в Воскресенске и жил тогда с семьей в пристанционном поселке в доме, где сейчас военкомат, но потом снова вернулся в Подольск. Участник партизанского движения. По воспоминаниям племянницы Тамары Михайловны Носоченко, *«Федор Никитич работал по партийной линии. Он много лет проработал в Подольске председателем или заместителем председателя горсовета. Я его помню человеком честным, порядочным, умным, немногословным, по-своему зорким. Он тоже всегда помогал людям. В Подольске его уважали»*. Умер Фёдор Никитич Матвеев (у него было больное сердце) в мае 1951 года, похоронен на Подольском городском кладбище. Его жена Мария Ивановна (родилась в соседней с Силино деревне Медведево) работала школьным учителем, преподавала математику (в том числе недолгое время в воскресенской школе № 2), за выдающиеся заслуги на ниве народного просвещения её наградили орденом Ленина, она умерла в 1988 году в возрасте 89 лет. Дочь Фёдора Никитича – Людмила Фёдоровна жила в Москве, умерла на десятом десятке. Внук от сына Владимира уехал в Канаду, его сестра Ольга живет в Москве. Еще один внук Ф.Н. Матвеева – Иван Владимирович, утонул в юности, спасая товарища.

Федор Никитич с супругой. Слева сидит Кузьма, стоит Михаил Матвеевы. Фотомастерская Никифора Зенина. Егорьевск

Семён Матвеев с дочерью Ниной. Надпись на обороте: «Дядя Семён. Репрессирован и убит в 1937 году».

Семён

Третий сын Семён Никитич Матвеев жил в Коломне и работал на железной дороге. В 1937 году в ходе массовых незаконных репрессий Семёна арестовали и расстреляли. Остались после него жена и дочь Нина 12 лет. Михаил Никитич не отрёкся от семьи брата, заботился о племяннице, помогал, в том числе одеждой, деньгами на учёбу (учёба в старших классах в те годы в СССР была платной). Нина какое-то время работала на химзаводе в Москве, потом училась в МАИ на экономическом факультете. Она уже умерла.

Кузьма

Младший сын Кузьма (1903 года рождения) начал обучение в Леоновской школе, учился полтора года в Раменской гимназии (не успел закончить её, так как началась революция), позднее работал начальником отдела кадров на Лопатинском руднике. На Рудник уже перед самой войной он перевёз из Силина отцовский дом. Дом этот и сейчас стоит на Радонежской улице. В июне 41-го, когда началась Великая Отечественная война, Воскресенский райвоенкомат призвал Кузьму Матвеева и направил его в село Константиново Воскресенского района, где формировался тогда госпиталь для легкораненых № 2888. Госпиталь должен был следовать за частями действующей армии и принимать с передовой раненых бойцов, тяжёлых – отправлять дальше в тыл, а легких оставлять для излечения у себя. По воспоминаниям дочери именно в Константинове отец купил и привёз на Рудник козу, как тогда шутили «сталинскую коровку». Молоко от этой козы помогло его семейству пережить военное лихолетье. С госпиталем старший лейтенант Кузьма Матвеев дошёл до Вены и уже на исходе войны был награжден медалью «За боевые заслуги». В представлении на медаль сказано, что Матвеев «великолепно» наладил горячее питание 3000 ранбольных, своевременно снабжая пищеблок продуктами как плановыми, так и трофейными. На 1945 год он исполнял должность начальника продовольственного отделения госпиталя. По воспоминаниям дочери Ирины Кузьма Никитич демобилизовался с чином капитана и вернулся в Воскресенск, трудился по-прежнему на Руднике. Работавшие вместе с ним и их близкие до сих пор вспоминают его добрыми словами. Умер Кузьма Матвеев в 1962 году.

Единственная дочь Матвеевых Аграфена (по-домашнему Груня), очень красивая девушка, умерла

Кузьма Никитич Матвеев

совсем молодой от тифа (тиф свирепствовал в России во время Гражданской войны).

Михаил Матвеев. Молодые годы

Теперь начинаем рассказ о Михаиле Никитиче. Как уже сказано выше родился он 22 ноября 1899 года в деревне Силино Усмерской волости Бронницкого уезда. Эта дата из документов советского времени, естественно она нового стиля, для XIX в. дату старого стиля получают, отнимая 12 дней (для XX и XXI вв. отнимают уже 13 дней). Получается, что по юлианскому календарю, принятому в России на момент его рождения, Михаил Матвеев родился 10 ноября. По метрической же записи младенец Михаил, сын крестьянина сельца Силино Никиты Борисова Кузнецова и его законной жены Елены Ивановой родился 6 (по нашему стилю 18) ноября, а таинство крещения совершено на следующий день – 7 ноября священником церкви Николо-Нерского погоста Николаем Озерецковским. Восприемниками были Наталья Ивановна и Тимофей Иванович Кузнецовы. Крёстные сами ещё были детьми, ему 8, а ей 6 лет. О раннем детстве нашего героя никаких свидетельств уже не сохранилось. Вероятно, его деревенское отрочество было самое обычное – босоногое, с самозабвенными играми в лапту и городки, с увлекательными походами в лес и на речку, а также с очень ранним началом трудовой жизни – в

Михаил Матвеев в юности

крестьянских семьях в те годы к труду начинали приучать рано, с 7-8 лет. Грамоте Миша учился у своего старшего брата Алексея в Леоновской школе, а потом, вероятно, продолжил обучение в каком-то другом учебном заведении. Возможно, как и младший брат, подросток Михаил какое-то время учился в Раменском. Доподлинно известно, что мечтой Миши в ту пору было поступление в Московское техническое училище (ныне МВТУ имени Баумана). С 1916 года после ухода в армию брата Фёдора, в возрасте 16 лет он начинает учительствовать в Леоновской церковно-приходской школе. В том же 1916-м году работает «народным учителем» в земской школе деревни Морозово Бронницкого уезда (рядом с Бронницам на Рязанском шоссе), здесь рядом со школьным зданием вместе со своими учениками сажает деревья – берёзы и ели. Позднее уже работая директором в Воскресенске, Михаил Никитич по пути из Москвы в Воскресенск не раз заезжал в Морозово, любовался подросшими деревьями. Каким образом юный Михаил Матвеев стал приверженцем революционных взглядов нам неведомо. Вообще надо сказать, что в те годы среди умных, грамотных парней из простого народа революционные взгляды были распространены, сама жизнь, нелёгкая и непростая формировала такие убеждения. Что и говорить, если даже некоторые выходцы из имущих классов считали существующие старые порядки крайне несправедливыми и сочувствовали революционерам. В качестве примера можно привести внука владельца соседней с Силино Новосёловской фабрики. Василий Емельянов, так его звали, пожертвовал всё свое состояние (весь капитал) на нужды Красной Армии, а сам с женой Варей стал заниматься созидательным трудом, вступил в партию. По рассказу дочери Тамары Михайловны многие силинские парни и мужики работали в Москве на Казанской железной дороге и отец общался с ними, со многими находился в приятельских отношениях. Революционно настроенные рабочие-железнодорожники участвовали в боях за установление Советской власти в Москве в октябре – ноябре 1917 года, а вместе с ними участвовал и Михаил Матвеев, которому было в ту пору неполных 18 лет. Как известно, в отличие от Петрограда, где Октябрьский переворот свершился без больших жертв (убитых было всего 6 человек, раненых около 50), революционные события в старой столице привели к серьёзному кровопролитию. Против московских большевиков и поддержавших их солдат и рабочих с оружием в руках выступили возглавляемые офицерами юнкера (по-современному сказать курсанты военных училищ) и кадеты старших классов кадетских корпусов, как их назвала одна из свидетельниц «детки с винтовками». Вооруженные столкновения в городе продолжались больше недели – с 25 октября по 2 ноября. Бои за установление Советской власти в Москве можно назвать весьма печальной страницей нашей истории – русские люди впервые за многие годы начали активно уничтожать друг друга, юнкера, ворвавшиеся в Кремль, расстреляли там 200 революционно настроенных солдат, а потом началась артиллерийская бомбардировка и пушки красногвардейцев стали бить по кремлевским башням, дворцам и церквям. Бои в Москве стали предвестниками будущей братоубийственной Гражданской войны. Всего, тогда погибло и было ранено более тысячи человек. Один из очагов борьбы располагался в московском районе Лефортово, здесь находились одно юнкерское училище и три кадетских корпуса. К 30 октября все четыре были захвачены красногвардейцами. Вот в этих боях в Лефортово под пулями юнкеров Миша Матвеев и принял своё боевое крещение. Именно в те дни решался выбор его жизненного пути. Ясноглазый паренёк из забытой богом подмосковной деревушки всем сердцем принял новую власть и стал под её знамя. Как и многие сверстники, он мечтал о грядущем грандиозном улучшении жизни простых людей, с юношеским рвением выполнял поручения старших товарищей. В 1918 году Михаил Матвеев вступает в ряды молодежной революционной организации – РКСМ (аббревиатура от «Российский коммунистический союз молодежи», чаще в живой речи использовалось сокращение от трех последних слов – комсомол). *«Он работал там, куда его направлял комсомол: и в ремонтных мастерских на железной дороге, и в оружейных мастерских, и в оборонных цехах»*.

Комсомольский вожак

В следующем 1919 году Михаил Матвеев избирается секретарем уездного комитета РКСМ Бронницкого уезда. Руководить комсомольцами уезда ему пришлось в очень непростое и тревожное время, как раз летом 19-го года в Усмерской волости Бронницкого уезда произошло вооруженное восстание дезертиров, в соседней с Силино деревне

Михаил Матвеев (слева) с товарищем и его женой

Бессоново повстанцами зверски убиты три коммуниста, руководители Усмерского волисполкома, причём один из погибших был односельчанин Матвеева – рабочий бывшей крутелёвской фабрики силинец А.С. Блажнов. Восстание усмерских дезертиров быстро и жестоко подавили, но обстановка в Юго-Восточном Подмосковье оставалась сложной. Спать приходилось с оружием у изголовья. 1919-й фактически стал годом рождения бронницкой уездной организации РКСМ. 21 декабря 1919 г. состоялась первая уездная комсомольская конференция, на которой присутствовало 26 делегатов от трёх ячеек (первые ячейки появились при крупных фабриках), но уже через год в городе и уезде насчитывалось 24 комсомольские ячейки, которые проводили широкую разъяснительную работу среди молодежи, вместе с коммунистами уезда боролись с разрухой и голодом. Тысячи членов РКСМ из Подмосковья добровольцами ушли на фронт, другие вступили в состав Частей особого назначения (сокращенно ЧОН). В Бронницах из коммунистов и комсомольцев была сформирована 4-я Бронницкая рота особого назначения численностью 160 человек. Чем обычно занимались секретари уездных комитетов комсомола в годы Гражданской войны и вскоре после её окончания, современный читатель может легко представить себе по реалистичным описаниям в художественной литературе, например, в повести Л. Константинова «Сабля полковника» или в автобиографическом романе Н. Островского «Как закалялась сталь», где главный герой – Павка Корчагин направлен на аналогичную должность в городок Березов. По рассказам дочери Михаила Никитовича в голодное время (1918-1920 гг.) отец вместе со своими товарищами выезжал в сёла и деревни Бронницкого и Егорьевского уездов, делал раз-

Михаил Матвеев (слева) с товарищем

вёрстку – забирал у зажиточных крестьян хлебные излишки. Где-то там их встретили выстрелами. *«На отце был одет овчинный полушубок – так одна пола этого полушубка оказалась вся в дырках, как решето (от попавшего в полу заряда дроби). Этот полушубок ещё долго висел у нас дома».*

В 1920 году Михаил Матвеев вступает в партию. Его переводят из Бронниц в соседний Егорьевск, там он по-прежнему работает секретарем уездного комитета комсомола. В это время по комсомольским делам Михаилу приходилось бывать на лётном поле Егорьевской авиашколы, где он познакомился с Чкаловым. (Будущая легенда советской авиации Валерий Павлович Чкалов учился лётному делу в Егорьевске несколько месяцев в конце 1921 – начале 1922 гг.) Валерий Чкалов произвел на нашего земляка впечатление человека незаурядной храбрости, не всегда соблюдающего дисциплину, но беззаветно преданного коммунистическим идеалам. «Знакомство отца с Чкаловым перешло в добрые отношения до последних дней Валерия Павловича». В дальнейшем Матвеев на короткое время снова вернулся в Бронницы. Из архивной справки известно, что секретарем Бронницкого Укома РКСМ он работал также в 1922 году. Позднее его переводят с комсомольской на партийную работу. С января 1924 года по август 1925 года Михаил Никитович работал завотделом Егорьевского уездного комитета Российской коммунистической партии (большевиков), сокращенно РКП (б), и являлся членом бюро Егорьевского уездного комитета РКП (б). С 1925 года и вплоть до своего выхода на заслуженный отдых в 1956 году Михаил Никитич более 30 лет являлся членом Московского комитета партии, участвовал в его работе, присутствовал на пленумах МКП. Присутствовал Матвеев и на 2-м Всесоюзном Съезде Советов, который проходил в Москве с 26 января по 2 февраля 1924 года. На Съезде была принята первая конституция СССР. Там же на съезде молодой партиец познакомился со Сталиным. Наверняка это было, можно сказать, шапочное знакомство, о каких-либо близких и приятельских отношениях между Сталиным и Матвеевым говорить не приходится. Таких «знакомцев» у Сталина было, наверное, несколько сотен.

Семейство Дудочкиных

«В 1925 году в личной жизни Михаила Никитовича произошло важное событие. В Егорьевске он познакомился с Марией Ивановной Дудочкиной, молодой учительницей, которая пользовалась большим авторитетом среди учителей, занимавшихся обездоленными детьми послевоенного времени».

Дом Дудочкиных в Егорьевске

Мария Ивановна Дудочкина

В телефонном разговоре Тамара Михайловна более подробно рассказала о своей маме и её родственниках. Работавшая в детском доме учительница Мария Дудочкина, говоря языком тех лет, была родом из «бывших». Слово «бывший» означало: бывший купец, бывший помещик, бывший фабрикант. Родной её дед Сергей Филиппович Дудочкин, до революции числился егорьевским купцом 3-й гильдии. У него имелся собственный деревянный дом, очень нарядный, весь изукрашенный резьбою. Сейчас этот дом является памятником архитектуры. Рядом с ним метрах в пяти стоял домик поменьше – лавка, где торговали металлическими изделиями. Дед, как рассказывали, очень приветливо относился к людям, жалел всех, особенно нищих, постоянно на кухне кого-то кормили. Все домашние хорошо знали, что если невежливо обойтись с пришедшим в дом Дудочкиных человеком, дед страшно рассердится. Умер Сергей Филиппович в 1926 году. От первой жены Веры (она рано умерла) у С.Ф. Дудочкина родились сыновья Иван, Василий, Алексей и дочь Люба. Все трое сыновей умерли рано. У старшего сына Ивана ничего купеческого уже не было – он работал представителем какой-то торговой фирмы и вместе с женой жил на станции Верда под Рязанью. Детей у них было всего две девочки – Мария (1905 года рождения) и Ира (Ираида, 1911 года). Иван Сергеевич Дудочкин очень хорошо пел, его за сто с лишним вёрст приглашали из Верды в Рязань петь в храме на Рождество. В Рязани он познакомился с Шаляпиным. В 1916 году жена Ивана Сергеевича скончалась, а чуть позже от болезни сердца умер и он сам, оставив двух дочерей круглыми сиротами. Тогда дед Дудочкин забрал девочек в Егорьевск. В Егорьевске Маша продолжила учиться в гимназии (начала учится ещё в Рязани), а Ира пошла туда в первый класс. Но закончить обучение им не пришлось, начались революционные события, а следом Гражданская война, голод и разруха. Из девяти классов гимназии Маша отучилась только семь. Сергей Филиппович и его вторая жена Клавдия Ивановна воспитывали сразу четырех внучек – Машу и Иру (Ираиду) от Ивана, Фису (Фелицату) и Машу от Любови. Из-за того, что на попечении домовладельца Дудочкина остались две сироты-внучки, Советская власть не покусилась на дом бывшего купца, не стала

Молодая пара. Михаил и Мария Матвеевы. 1926 г.

отбирать его, либо уплотнять старых хозяев и оставила всё семейство в покое. Такое было положение – если есть сироты на воспитании – не трогали. Все внучки (кроме Иры) занимались музыкой, играли на фортепьяно и на народных инструментах – мандолине, гитаре, балалайке, хорошо пели (видимо это было у них наследственное), пели обычно романсы и народные песни. В доме прадедушки, уже после его смерти Тамара Михайловна часто гостила, неродная прабабушка Клавдия Ивановна (умерла 14.04.1957) стала для неё по-настоящему близкими человеком.

Связал жизнь с химической промышленностью

В конце 1925 года в работе Михаила Никитовича Матвеева произошел новый поворот – решением ЦК ВКП (б) его посылают в посёлок Бондюг в Татарстан парторгом на строительство первого в СССР химического предприятия нового поколения. До революции в царской России работало немало частновладельческих химических заводов и фабрик, но все они имели небольшие производственные мощности и сравнительно узкий ассортимент продукции. Один из лучших подобных заводов, принадлежавший ранее купцам Ушковым, располагался возле деревни Бондюга Елабужского уезда. На этом заводе в 1893 году короткое время работал великий русский химик Д.И. Менделеев. Теперь же, руководством молодого Советского государства было принято решение, о строительстве нескольких новых крупных химических предприятий и одним из них должен был стать Бондюжский завод. В Бондюге (ныне районный центр город Менделеевск) Матвеев проработал полгода. Именно здесь 7 октября 1926 года его 20-летняя любимая жена Мария Ивановна разрешилась от бремени и принесла дочку, которую назвали Тамарой. Работа на производстве поставила перед нашим земляком насущную задачу – учиться, повышать свой уровень образования, овладевать знаниями, необходимыми для нового рода деятельности. По возвращении в Москву Михаил Никитич Матвеев поступает учиться на рабфак, а после окончания рабфака в 1930-м году становится студентом 2-го Московского химико-технологического института (этот новый вуз образован в том же году на базе химического факультета Московского высшего технического училища, ныне МВТУ имени Баумана). В 1932-м 2-й МХТИ объединили с химическим факультетом Военно-технической академии, на их основе была создана Военно-Химическая Академия РККА, имевшая в своем составе два факультета – командный и инженерный. Лучшие студенты 2-го МХТИ стали слушателями Академии, военнослужащими Красной Армии.

Вспоминает Тамара Михайловна: *«В 1928 году отца переводят на работу в Москву, где он сразу поступил на двухгодичные курсы ВТУЗа по подготовке к поступлению в институт. С 1930 года отец учился во втором Московском Химико-Технологическом институте, а в 1933 году его зачислили слушателем в Военно-Химическую Академию РККА им. К.Е. Ворошилова.*

Многие помнят 1932-1933 годы, какие это были тяжелые, голодные годы. Жалея обездоленных своих учеников, мама иногда приводила пожить у нас то одного, то другого ученика, хотя и у нас изобилия не было. Папа тоже жалел ребят, никогда не разговаривал с ними свысока, говорил с ними как с равными, строго, убедительно, доверительно, доброжелательно.

1935 год запомнился нашей семье двумя событиями: папа закончил Военную Академию, а мама, Мария Ивановна Матвеева учительница школы № 26 Ленинского района Москвы была удостоена чести присутствовать на правительственном открытии линий метрополитена.

Выпускная аттестационная комиссия Академии пишет: «Матвеев Михаил Никитич обладает силой воли, настойчив, серьёзен, вдумчив. Активно участвует в общественной работе, является парторгом факультета, членом бюро райкома ВКП (б). Обучаясь в Академии, он хорошо усвоил технические и социально-экономические предметы. Комиссия считает его окончившим Академию по I разряду по квалификации военного инженера, и ему присваивается звание «Военный инженер 3 ранга запаса».

После окончания Академии отец получил направление в отдел химии ВЦСПС, в распоряжение Шверника Н.М. Но, проработав там несколько месяцев, летом 1936 года был направлен Главхимпромом на Воскресенский химический комбинат».

Из Москвы в Воскресенск

Семья Матвеевых покидает Москву и отправляется в Воскресенск, который на тот момент, ещё не был городом, а считался рабочим посёлком. Химическим комбинатом в ту пору руководил директор Никита Степанович Опарин, участник Гражданской

Воскресенск на карте-километровке 1941 г. Съёмка 1930-х гг.

войны. Это был человек очень энергичный, яркий и непосредственный. Так же как и Матвеев, он выдвинулся в руководители благодаря революции. По данным учётной карточки архива комбината, 8 сентября 1936 года Михаил Никитич принят на работу на ВХК. По воспоминаниям же дочери, его работа на химкомбинате началась ранее – с июня месяца:

«С июня 1936 года по декабрь 1937 Михаил Никитич работал вначале начальником смены, затем начальником преципитатного цеха (преципитат – концентрированное фосфорное удобрение), далее – начальником сернокислотного цеха. Работа в двух ведущих цехах комбината – это огромное испытание глубины знаний, организаторских способностей, умения общаться с людьми.

Отец всегда гордился, что был причастен к процессу наладки и пуска первого в СССР преципитатного цеха, дающего концентрированные удобрения, столь необходимые в развитии сельского хозяйства.

Огромные сложности были и в сернокислотном цехе. В ту пору техники было недостаточно, автоматики не было вообще, а ручного труда – в изобилии! Но, как и везде, побеждал человеческий фактор. Это было время энтузиастов! Но то, что оба цеха были под постоянным контролем наркомата, главка, научных институтов, еще более увеличивало ответственность отца в работе. Он благодарен судьбе, что ему довелось работать рядом с Понариным Д.К., Цурским А.Я., Афанасьевым П.С., Елагиным Г.Я., под руководством самобытного, необычайно энергичного директора комбината Опарина Н.С. Работа была очень напряжённой, но совместные усилия коллектива и специалистов позволили одержать победу.

Наш первый приезд в Воскресенск завершился через восемнадцать месяцев по причине огромной трагедии в семье. 12 декабря 1937 года на тридцать втором году жизни умерла моя мама, Мария Ивановна. Остался маленький братик Вячеслав – ему было месяц 12 дней. В силу сложившихся обстоятельств мы вернулись в Москву, отец стал работать в Главхимпроме. Но эти 18 месяцев труда на Воскресенском комбинате им. Куйбышева были жизненной школой, трудовой практикой, которая сыграла большую роль во всей дальнейшей деятельности Михаила Никитича.

Здесь нужно ещё добавить, что Мария Ивановна приехала в рабочий посёлок Воскресенск к мужу уже будучи в положении. Во время родов у неё не вышел сгусток, сразу не заметили, а потом началось заражение и спасти её врачи уже не смогли.... Похоронили Марию Ивановну Матвееву на Воскресенском кладбище[2]. Безвременная её кончина сделала Михаила Никитича безутешным вдовцом. Беда не ходит одна и вскоре, в 20-х числах декабря 37-го года в Воскресенске умирает 80-летняя мать Михаила Никитича – Елена Ивановна (отец его, Никита Борисович скончался ещё ранее, в 1925 году, а Елена Ивановна последние годы жила у младшего сына Кузьмы). Маленького Славу сперва отдали на несколько месяцев на попечение дяди Лёни и его жены, а потом к Матвеевым из Егорьевска переехала жить дальняя родственница Марии Ивановны, Клавдия Дмитриевна, она стала вести домашнее хозяйство и заботиться о детях.

Второй раз в Воскресенск

В сентябре 1939 года решением ЦК ВКП (б) Матвеев снова направлен в Воскресенск, на должность секретаря партийной организации химического комбината. Необходимо напомнить, что в те годы коммунистическая партия была главной руководящей силой в нашей стране, и парторг химкомбината являлся вторым человеком на предприятии после директора. Директора Опарина к той поре на химкомбинате уже давно не было – ещё в

[2] *Тамара Михайловна рассказывала, что могила её мамы располагалась поблизости от братской могилы жертв ликвидации последствий большого пожара в сернокислотном цеху химкомбината летом 1936 года. Фамилии погибших при разборе пожарища в основном татарские: Артемьев, Ярулина, Закизянова, Сафина, Нагуманова, Гулярова, братья Мовлетовы, Мухаметшин, Петров, Тухтаров, Сафронов, Ахметзянов, Мениханов, Гайнулин, Шагиев и Гариев. Татары работали на Воскресенском химкомбинате в большом количестве.*

1938 году Никита Степанович был арестован и по надуманному обвинению приговорен к длительному сроку заключения в лагерях. С Опариным Матвееву предстояло ещё встретиться в будущем и встреча их будет неожиданной и радостной. После Н.С. Опарина недолго директором химкомбината работал Александр Владимирович Барашев (1937-1939 гг.), а с 1939 года работой предприятия руководил Иван Иванович Каратаев, человек добродушный, простой в общении и любитель рыбалки. Химический комбинат к этому времени встал на режим стабильной ритмичной работы, не в последнюю очередь, благодаря ему, химическая промышленность СССР по производству серной кислоты и преципитата вышла на первое место в Европе.

С началом Второй Мировой войны (сентябрь 1939 года) внешнеполитическая обстановка стала стремительно ухудшаться. Не смотря, на заключенный с фашистской Германией пакт, почти все осознавали, что большой войны не избежать, что пакт просто даёт отсрочку и позволяет СССР выиграть несколько мирных лет. Вспоминает Тамара Михайловна Носоченко: *«В мире было неспокойно. Все понимали, какая угроза нависла над страной. Помню, как в сквере на Риковской площади стоял щит с политическими плакатами о пакте соглашения с Германией и как, глядя на эти плакаты, никто в пакт не верил, все понимали, что он подписан правительством с одной целью – выиграть время для укрепления обороны.*

И вот наступил этот чёрный день в нашей советской истории, да и не только в нашей истории – 22 июня 1941 года. В конце июля и в августе над Воскресенском стали летать фашистские самолёты. Стали часто гудеть сигналы воздушной тревоги. Все окна заклеили бумажными крестами, ввели светомаскировку.

Папу назначили начальником противоздушной обороны. Главной его задачей, как парторга, было дойти до ума, до сердца каждого рабочего, не допустить паники, не потерять чувство веры в то, что, ведя упорные бои, части Красной Армии достигнут перелома и остановят врага.

Но враг неумолимо продвигался к Москве. Наверное, самое сильное, самое убедительное выступление Сталина по радио было 3 июля 1941 года. Народ воспрял духом, люди поняли, что надо, как исстари на Руси, идти в народное ополчение. (Каждый год, объясняя тему «Начало Великой Отечественной войны», я рассказывала на уроках виденное мною в Воскресенске на Риковской площади, как в белых рубашках с котомками за плечами уходили на войну ополченцы-воскресенцы. Среди них шёл и мой классный руководитель – Михаил Васильевич Голубев[3].)

Опустели многие цеха комбината, на места мужчин пришли женщины, подростки. Участились налёты фашистов, но на комбинат бомбы не бросали. А в октябре, ближе к ночи стали слышны удары дальнобойной артиллерии. 12 октября началась эвакуация оборудования комбината. В основном эту работу вели ночью, чтобы не спровоцировать авиацию фашистов.

В эти дни отец был на комбинате круглые сутки. Демонтаж оборудования вели умно, так, чтобы по прибытию к месту назначения сразу можно было ввести его в рабочее состояние. В этой работе проявилась народная забота, ответственность, хозяйственность, солидарность всех воскресенцев. От проходной комбината ушло 17 эшелонов с оборудованием и теплушками с работниками комбината.

Партизанский отряд

В октябре 41-го года, когда враг подошёл к Москве и возникла реальная угроза оккупации Воскресенского района были предприняты меры для организации партизанского движения. Из проверенных надёжных людей в Воскресенске сформировали районный партизанский отряд (фактически это был не сам отряд, а его зародыш, костяк будущего большого партизанского отряда). За деревней Новочеркасское, южнее реки Семиславки, в лесу в обстановке строгой секретности для отряда вырыли землянки, завезли туда запас продуктов и боевого снаряжения. Руководил этой важной работой парторг химкомбината М.Н. Матвеев. Сохранился благодаря А.А. Глазковой рассказ пожилой женщины Евдокии Алексеевны Меньшовой, которая в войну работала председателем колхоза в деревне Шильково. По указанию сверху она лично по ночам (чтобы никто не видел) несколько раз отводила нагруженную продуктами повозку по лесной дороге за деревню Новочеркасское, там, в условленном месте её встречали люди, забирали вожжи,

[3] *На Риковской площади построен уже в наше время собор Иерусалимской иконы Богоматери. Тамара Михайловна сказала, что её учитель и классный руководитель М.В. Голубев с войны не вернулся.*

Хорловские леса. Место партизанской базы

отпускали её обратно, а сами везли груз дальше на партизанскую базу. Местоположение базы точно не определено, по рассказам одних она находилась в лесах между деревнями Новочеркасское и Исаиха, а по мнению других – в районе позднейшего урочища Землянки на берегу речки Берёзовки. Возможно, правы обе стороны и партизанских баз было на самом деле две. На исходе октября вооруженные винтовками и пистолетами партизаны засели в землянках и затаились в ожидании возможного прихода немцев. Такие же отряды были созданы и в соседних районах – Виноградовском и Егорьевском. Так, в Виноградовском районе землянки для районного партизанского отряда (его первоначальная численность была всего 13 человек) выкопали в лесу в 5 км к северо-западу от деревни Дворниково. В Егорьевском районе землянки партизан находились в 50 км от райцентра, в глухих лесах в 5 км к юго-востоку от деревни Алфёрово, в нескольких сотнях метров от лесной сторожки Ялкино-Первая (сейчас здесь окраина посёлка Рязановский, а место бывшей базы зовут Землянкой). Имеются опубликованные свидетельства о формировании партизанского отряда в Коломенском районе, там подготовили целых три партизанских базы. К счастью эти малочисленные партизанские отряды так и не вступили в неравный бой с оккупантами – Красная Армия перешла в контрнаступление и отбросила врага от столицы. Но в октябре месяце до перелома ситуации на фронте было ещё далеко.

Люфтваффе над Воскресенском

В течение октября, ноября и начала декабря немецкие самолеты ожесточенно бомбили станцию Воскресенск, вообще всю железную дорогу Москва – Рязань, подвергая ударам с воздуха станции и движущиеся по путям поезда. На перегоне Фаустово – Бронницы разбомбили пассажирский поезд. Немецкие лётчики чувствовали себя довольно уверенно, сбрасывали листовки, на открытой местности осыпали пулемётными очередями небольшие группы взрослых и детей, нередко гонялись даже за одиночными пешеходами. Это происходило сразу во многих местах – в городе и окрестностях, в Виноградове, Кладькове, Климове, Марчугах. Чаще фашисты промахивались, но далеко не всегда. 12 октября в Чемодурове немецкий стервятник атаковал стайку ребятишек, сбросил три бомбы, в результате погибли девочка и мальчик Берёзкины, а их деревенский дом разлетелся по брёвнышку. Когда детей хоронили, тот же самолет три раза (!) разгонял похоронную процессию, фашист снижался и кружил над нею, а люди, оставив гробики на дороге, разбегались в стороны. Стрелять немец не стрелял, бомб не бросал, просто развлекался. В тот же день (я имею в виду похороны) летчик 16-го истребительного полка ВВС Красной Армии старший лейтенант Иван Заболотный в районе Воскресенска на высоте 4 тысячи метров атаковал и сбил немецкий бомбардировщик Юнкерс-88. Не исключено, что это был как раз чемодуровский «весельчак».

В дни битвы под Москвой

«19 октября 41 года отец был на пленуме Московского комитета ВКП (б), где был оглашён приказ Государственного Комитета Обороны о немедленной эвакуации населения из Москвы и Подмосковья. Фашисты продвинулись до линии обороны у Можайска, Тулы. Москву объявили на осадном положении.

После пленума отец приехал очень расстроенный, так как ему было страшно отпускать в неизвестность меня и четырёхлетнего брата. Но приказ надо было выполнять, тем более планировалось, если немцы ворвутся в Воскресенск, то комбинат должны взорвать, за что отвечал отец. Папа позвал меня и сказал, что всем семьям руководителей и партработников необходимо уехать из Воскресенска в эвакуацию, что в такое то время отходит последний эшелон и что мне и братику надо уехать. Вместе с нами будут эвакуироваться зам главного инженера Павел Сергеевич Афанасьев с семьей, семья директора химкомбината Ивана Ивановича

Каратаева, семья Фельдмана, семья Морозова. С ними мы не пропадём. Папа сказал: «Тома! Запомни: Москву мы никогда не сдадим!» При малейшей возможности, если немцев отгонят, отец поклялся, что будет ходатайствовать о нашем возвращении в Воскресенск. На всю жизнь я запомнила его глаза, полные тревоги и опасения за нас, его детей. Мы отъехали со станции Воскресенск в ночь с 20 на 21 октября, нам подали вагон-пульман, конструктивно предназначенный для перевозки угля, вагон перед этим промыли (пар от горячей воды еще клубился), снабдили крышей, печкой и установили деревянные нары во всю длину. Вагон вместил 42 человека, когда все ложились на нары, если один поворачивался на другой бок, то и всем другим приходилось поворачиваться, так тесно было на нарах. На дорогу выдали паёк. Не успели отъехать – начался налёт на станцию Воскресенск, переехали речку Медведку и долго стояли в районе станции Москворецкая. Вообще ехали очень медленно – пропускали встречные воинские эшелоны и много стояли. В Рязань приехали только на третьи сутки, там я добежала до почты – отбила телеграмму отцу в Воскресенск.

В Рязани одновременно на путях скопилось 17 эшелонов, началась сильная бомбежка и эшелоны спешно стали растаскивать, мы вырвались из Рязани и 12 часов ехали без остановки. А дальше опять движение замедлилось. На десятый только день (после Рязани), 3 ноября, приехали по месту назначения в Стерлитамак.

Насчет партизанского отряда – я перед самой эвакуацией задумала убраться в квартире, чтобы оставить ее отцу чистой. Мы жили тогда в доме за клубом (дом № 19 по улице Октябрьской между бывшим кинотеатром и школой № 2) на 2-ом этаже и окна нашей квартиры смотрели на двухэтажное здание почты, а за почтой находилось здание райисполкома. Отец в ту пору еще дополнительно исполнял обязанности начальника ПВО и иногда (если он на тот момент был дома) ему звонили о приближающихся немецких самолетах, а он в свою очередь звонил на почту, в стоящее напротив нас здание, на почте включали стоявшую там сирену и оповещали воскресенцев о воздушной тревоге. Случайно в ходе проводимой уборки нашла паспорт с отцовской фотографией и с чужой фамилией – Петров. Я спросила об этом отца и, только тогда он признался, что он получил задание остаться в районе в случае прихода немцев. Я стала переживать за него и спросила – зачем тебе документы на чужую фамилию – ведь тебя все хорошо знают в лицо. Отец, только чтобы успокоить меня, раскрыл секрет – в Хорловских лесах между Воскресенском и Егорьевском подготовлена база для партизанского отряда – вырыты землянки, туда завезли продовольствие и боевое снаряжение, там, в партизанском отряде ему и надо будет находиться, а вовсе не в городе. Я неотступно просила его показать мне базу, чтобы окончательно убедиться, что он не останется при немцах в Воскресенске, где его все знают.

Отец, зная мой характер, согласился и взял меня с собой, вечером на его машине мы выехали из города в направлении партизанской базы, проехали пару километров, но тут начался налет на станцию Воскресенск – отец должен был вернуться, и мы повернули назад. Так что точное место базы я не знаю.

В те самые дни, когда мы ехали в эвакуацию, в Воскресенске и в его окрестностях стоял кавалерийский корпус генерала Белова (Конники Белова во время битвы под Москвой отбросили немцев под Каширой, не дали им форсировать Оку, фактически спасли Воскресенск, если бы врагам удалось тогда перейти на северный берег Оки их следующий удар через Воскресенск был бы направлен на Орехово-Зуево и Ногинск, чтобы замкнуть окружение Москвы – А.Ф.). Сам генерал Белов остановился тогда на квартире отца. Здесь произошел комический момент. Дело в том, что в начале войны газеты писали, как немцы расправляются с захваченными в плен советскими людьми – жестоко истязают их, режут бритвами на куски, вырезают на коже пятиконечные звезды. Я, пятнадцатилетняя девушка, узнав, что отец должен остаться, так сильно испугалась за папу, что собрала в доме все бритвы и выбросила – чтобы немцам, если они вдруг нагрянут, нечем было его резать. А тут генерал Белов говорит отцу – не мешало бы побриться. Отец отвечает, никаких проблем, начинает искать бритвы, ищет, ищет и, естественно, не находит. Немая сцена. Потом, узнав в чем было дело, смеялись, вспоминая тот случай.

В эвакуации в Стерлитамаке мы жили в частном секторе. У хозяев было два дома – большой и маленький, построенный для свекрови. Маленький дом, всего лишь с одной комнатой и прихожей, но зато с печкой и плитой хозяева отдали нам – эвакуированным. Мы там жили, я с братиком Славой, родственница нашей мамы Клавдия Дмитриевна, жена директора химкомбината Ивана Ивановича Каратаева Нина Дмитриевна со своими детьми – Женей и Вовой, всего шесть человек. В Стерлитамаке воду давали по талонам. Мне каждый вечер надо было идти на другой конец города, в дом где жил Афанасьев, было уже темно, на пустынной улице ни видно ни зги, так как фонарей не было, а ставни на окнах в Стерлитамаке запирали. Я, взяв палку, шла по тёмной улице, преодолевая свой страх, палкой стучала по доскам заборов, вызывая этим лай собак. Все местные каким-то образом быстро узнали, что мы с братиком сироты, жалели нас».

Восстановление комбината. Серная кислота любой ценой

А в это время в Воскресенске происходили следующие события – 5 декабря началось контрнаступление советских войск под Москвой, оно развивалось успешно, враг сдавал одну позицию за другой. Стало ясно, что угрозы захвата фашистами Воскресенского района больше не существует. Последний из поданных к погрузке под оборудование химкомбината эшелон так и не был отправлен на восток – 14 декабря поступила команда о прекращении эвакуации. И вот теперь, когда образно говоря, химкомбинат стоял почти пустой, необходимо было всё начинать с самого начала – из имеющихся возможностей в кратчайшее время восстановить предприятие. При его восстановлении химики столкнулись с огромными трудностями: не хватало людей, оборудования, материалов. Работников механического, ремонтно-строительного цехов и электроцеха перевели на казарменное положение. Самоотверженный труд многих бригад, особенно слесарей В.И. Чуланова и Н.А. Сизова принёс результат – уже в мае 1942 года заработала первая система башенного сернокислотного цеха, а в июле – первая система контактного цеха. Серная кислота была как воздух нужна для фронта – она применялась на заводах, где производили взрывчатые вещества, изготавливали боеприпасы.

По возвращении из эвакуации в Воскресенск (это случилось в марте) 15-летняя Тамара Матвеева пошла с 10 июня 1942 года работать на химический комбинат, в цех «ширпотреб» – там готовили контактную массу для начинки торпедных мин, как бригадир она каждый день в 20 часов, сдавала готовую продукцию военному представителю. Работали с 8 утра до 20 вечера в противогазах, так как сернистая масса не давала нормально дышать, у плит с шефлотами стояли члены бригады по очереди. Свободные от дежурства у плиты – на 2-м этаже цеха делали зубной порошок. Поэтому цех и называли «ширпотреб», так как морякам была нужна контактная масса и зубной порошок.

Как раз в июне 42-го в жизни Михаила Никитича Матвеева произошло очень важное событие. Директора химкомбината Ивана Ивановича Каратаева забрали в Москву, там его назначили начальником Главхимпрома. На освободившуюся должность директора был выдвинут парторг комбината М.Н. Матвеев. Как второе лицо комбината Михаил Никитич и раньше нёс очень большую долю ответственности за всё, что происходит на предприятии, но теперь ему пришлось удвоить свои усилия. Обстановка летом 42-го была тяжелейшая, по-прежнему перед руководством и работниками ВХК стояла первоочередная задача – любой ценой увеличить выпуск серной кислоты. Далее привожу цитату из книги «Воскресенский химический – 75 лет»:

«В августе 1942 года директору комбината М.Н. Матвееву позвонили из Кремля и сказали, что с ним будет говорить И.В. Сталин. Матвеев встал возле стола, как по команде «Смирно!», взял трубку и услышал голос Сталина:

– Это товарищ Матвеев?

– Да, товарищ Сталин.

– Здравствуйте, товарищ Матвеев! Стране очень нужна серная кислота! Сделайте все возможное, чтобы увеличить ее выпуск.

– Сделаем все возможное, товарищ Сталин, для увеличения выпуска серной кислоты.

– До свидания, товарищ Матвеев.

И Сталин повесил трубку». Этот памятный разговор происходил как раз в те дни, когда судьба нашей родины висела буквально на волоске – в августе немцы вышли севернее Сталинграда на Волгу, а на Кавказе продвигались к нефтеносным районам. Ещё немного и моторы краснозвёздных самолётов и танков остались бы без горючего. 28 июля среди личного состава Красной Армии был обнародован знаменитый приказ № 227, приказ «Ни шагу назад!» Люди в тылу и на фронте напрягали все свои силы. Выпуск серной кислоты, остро необходимой для производства взрывчатых веществ и боеприпасов на ВХК значительно вырос. Воскресенцы в очередной раз внесли свой весомый вклад в копилку будущей Победы. Их немалые заслуги были отмечены вручением градообразующему предприятию

переходящего Красного Знамени Государственного Комитета Обороны (сокращенно ГКО). Вспоминает Тамара Михайловна Носоченко: «Огромным событием для работников химкомбината, для населения всего города стало лето 1942 года, когда пришло известие о награждении Воскресенского химкомбината Красным Знаменем Государственного Комитета Обороны. Все кто был свободен от работы, вышли на площадь между заводоуправлением и проходной. На специально сделанный подиум вышли нарком химической промышленности Первухин М.Г., приехавшая вместе с ними Космодемьянская Л.Т., мать Героя Советского Союза Зои Космодемьянской, директор комбината Матвеев М.Н., представители цехов, бригадиры. Встав на колено, директор комбината поцеловал край знамени ГКО, как награду всему коллективу комбината за их упорный,

Немецкий аэрофотоснимок Воскресенского химического комбината. 26.08.1942

самоотверженный труд во имя Победы над фашизмом. Эта была очень трогательная и торжественная минута, каждый из присутствующих испытал минуты великой гордости!

После вручения Знамени папа пригласил к нам домой на обед Михаила Георгиевича и Любовь Тимофеевну. Мы тогда уже жили в другой квартире – в угловом доме напротив клуба, на втором этаже, с расположенным на углу здания г-образным балконом (ныне дом № 15/11 по Октябрьской улице). Нарком, интеллигентный, простой человек, интересовался буквально всем: как помогают семьям погибших, как отоваривают талоны, а я во все глаза смотрела на мать Зои Космодемьянской, и думала, какая же она мужественная, сильная женщина».

Отметим, что в дальнейшем, переходящее Красное Знамя ГКО по итогам Всесоюзного социалистического соревнования в химической отрасли, присуждалось коллективу Воскресенского химкомбината неоднократно, как например, в декабре 44-го года, когда вручать Знамя в Воскресенск приехали бывший директор, начальник главка Иван Иванович Каратаев и Герой Советского Союза Пётр Логвин. В последние месяцы войны Знамя уже не покидало Воскресенск и после Победы его передали на химкомбинат на вечное хранение. Ныне эта реликвия трудового подвига наших дедов хранится в Музее боевой и трудовой славы предприятия.

Продолжим цитировать воспоминания Т.М. Носоченко: «С сентября 1942 года по направлению горкома комсомола я работала в военкомате, заполняла приписные свидетельства, ездила по деревням, вручала их призывникам, всего за время войны было 74 призыва.

В Воскресенске в декабре 1942 года стали простаивать эшелоны – не было угля для паровозов, так как немцы еще летом захватили Донбасс, тогда всех кого было только можно, отправили на лесоповал – заготовлять древесину для топок паровозов. Норма – один кубометр на человека в день. Мы пилили в лесах вдоль Москвы-реки в сторону Спасского, мы – девчонки, пилили деревья и валили их, а ходячие раненые из госпиталей Воскресенска (их подвозили к нам на помощь) помогали нам – обрубали сучья. Госпиталя работали тогда во всех трех школах – в четырехэтажной и в двух двухэтажных школах».

Так мы трудились несколько недель примерно с конца ноября и по середину января. Все население, все домохозяйки, даже молодые мамы объединялись, оставляли своих детей с одной мамой, а сами работали в лесу. А после Нового года ситуация исправилась, вообще в связи с окружением немцев под Сталинградом мы почувствовали что в войне наконец то наступает перелом, победа уже не за горами. Стали меньше следить за светомаскировкой, вообще легче стало, намного легче морально.

А до этих лесозаготовок я работала в военкомате и, как раз осенью 42-го, проходил в городе и районе очередной призыв. Призывники этого осеннего призыва позднее попали на Курскую битву и

многие в ходе этой битвы погибли. Несколько месяцев назад мы их призвали, молоденьких ребят, а теперь на них пачками стали приходить похоронки. Эта была трагедия.... У моей подруги Тани Копыловой был друг Витя Ларин, черноволосый кудрявый парнишка, похожий на цыгана. Они с матерью, тётей Любой, жили неподалеку. Витю призвали осенью и направили в танковые войска, он стал командиром танка. Во время сражения под Прохоровкой в дыму, Виктор Ларин захотел осмотреться, и высунул из танкового люка голову и плечи. Через мгновение в танк опустилось его обезглавленное тело – пролетавший снаряд как бритвой снес ему голову. Об этом мне написал один членов его экипажа, по национальности узбек. Витя в армии переписывался со свой подругой Таней и со мной, и по адресу на письме сослуживец почему-то написал мне. Витиной маме подробности смерти сына сообщить я так и не отважилась, пряталась от нее».

Мария Евгеньевна Кайяц

В 1943 году в семью Матвеевых пришёл новый человек – Мария Евгеньевна Кайяц. После смерти жены Михаил Никитич шесть лет жил один. Он очень любил свою первую супругу и долго горевал после её смерти. Но жизнь есть жизнь, живое тянется к живому. Мария Евгеньевна была на 12 лет его моложе. До войны она работала завотделом пропаганды Уваровского райкома партии (Уваровский район находился на западе Московской области, ныне это часть Можайского района). В 1941 году, во время оккупации Уваровского района немцами М.Е. Кайяц была в партизанах. Вот как про свою мачеху рассказывала Тамара Михайловна:

«Мария Евгеньевна в Уваровском партизанском отряде была связной Московского комитета партии, она два раза ходила из отряда через линию фронта в Москву с важными сведениями о передвижении немецких частей. Первый раз, когда она ходила через линию фронта, спешила, нужно было как можно быстрее доложить о появившихся новых немецких частях. Вышла к своим накануне праздника 7 ноября. Тогда в Москве Мария Евгеньевна докладывала лично Щербакову. А когда возвращалась обратно – то под одеждой несла множество экземпляров газеты «Правда» с напечатанной речью Сталина. Эти газеты при удобном случае она раздавала в немецком тылу нашим людям, те читали газету взахлёб и радовались, что Москва не взята немцами, что Сталин в Москве, это людей наполняло крепкой надеждой, что скоро немцев отгонят и их освободят. Немцы же ранее хвастались, что они уже взяли Москву и некоторые им поверили.

А второй раз Мария Евгеньевна ходила через линию фронта уже в начале 42 года, пока она ходила и возвращалась, их партизанскую базу обнаружили немцы и партизаны её покинули. Она об этом естественно не знала, шла 60 км и вышла к базе, там никого нет, всё разгромлено. Стала искать своих, скиталась по лесам в лютые морозы и обморозила сильно ноги. Её подобрали партизанские разведчики и потом на самолете У-2, вместе с несколькими ранеными, перебросили на большую землю.

Мария Евгеньевна лежала долго в госпитале, потом её выписали и прислали работать в Вос-

Михаил Никитич, Слава, Тамара 1942-43 гг.

кресенск. В Воскресенске она работала третьим секретарём райкома партии, потом работала в ремесленном училище № 15, а когда отца перевели в Москву, она уехала вместе с ним и в Москве работала заведующей парткабинетом на заводе «Авангард», это большой был завод, связанный с космосом».

За участие в битве под Москвой «бойца партизанского отряда» Марию Евгеньевну Кайяц ещё в декабре 41-го года наградили орденом Красной Звезды. Родной племянник Марии Евгеньевны – Фёдор Боровиков (сын её брата Петра, её деви-

чья фамилия тоже Боровикова, Кайяц она была по первому мужу) также принимал участие в партизанском движении. Семья Боровиковых жила западнее посёлка Уварово. Местом рождения Марии Евгеньевны по документам указана деревня Гордеево Оленинского района Калининской (ныне Тверской) области, очевидно, там же, в Гордеево, жили Боровиковы. Во время одного из боёв Фёдор Боровиков совершил геройский подвиг – залёг на бугорок, потом бросил в набегавших немцев первую гранату, а когда уцелевшие враги подошли к нему вплотную подорвал второй гранатой себя и фашистов. Семья его (мать, сестра с грудным сыном и несколько младших братьев) едва успели унести ноги незадолго до прихода в деревню карателей. Мария Евгеньевна долго их искала и только в 43-м году нашла в Ярославле. Боровиковы приехали в Воскресенск и около года жили вместе с Матвеевыми в одной квартире. Потом дети пошли работать на комбинат и им через какое-то время дали жильё – квартиру с соседями (то есть коммуналку). По воспоминаниям знавших её пожилых воскресенцев, М.Е. Кайяц была человеком гордым и властным. В народе её не любили. Но к Михаилу Никитичу она относилась хорошо, вместе они прожили 26 лет.

Война продолжается

В своих воспоминаниях Тамара Михайловна возвращается к тому моменту, когда Михаила Никитича утверждали на должность директора ВХК: «Ещё когда папа получал приказ о назначении на пост директора комбината, его вызывали в ЦК партии, где с ним беседовали о делах на комбинате и, между прочим, спросили, как он относится к тому, что на комбинате, в прифронтовой полосе, заместитель главного инженера Афанасьев П.С. – сын московского капиталиста, бывшего владельца химического завода, а главный механик Андрес В.В. – немец. Отец дал ответ, который вполне убедил инструкторов ЦК, что он верит обоим, как самому себе. И он не ошибся! Владимир Вильгельмович Андрес был маэстро в механике. Он всегда требовал почтительного, грамотного отношения к технике, был примером для всех механиков комбината. Ходила байка, что главный механик проверял чистоту и уход за механизмами своим белоснежным платком. Афанасьев Павел Сергеевич был специалистом высшего класса. Он очень много сделал для развития движения рационализаторов. Труд его был высоко оценён: в 1944 году в Кремле папе, Афанасьеву П.С., слесарю Сизову Н.А. были вручены самые высокие награды – Орден Ленина. (Кроме ордена Ленина М.Н. Матвеев был также награжден медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг».)

Отец умел понимать людей, ценить их и быть им благодарным за совместную работу. С огромным уважением он относился к своему шоферу Марии Постниковой, вознице на лошади Орлик – Александрову. Будучи парторгом, он с любовью говорил о комсорге комбината Саше Карпове, всячески помогал ему, знал его тайны любви к Кате Меньковой.

Глубоко уважал и ценил инженерный талант Елагина Григория Яковлевича, Ефимову Анастасию Алексеевну, Морозова Леонида Васильевича, Фельдмана Мирона Владимировича и очень многих других товарищей по работе, а с Кузяком Фёдором Андреевичем его связывала человеческая дружба.

Папа был человеком большой силы воли, сдержанным, умел сочувствовать людям и стремился приходить им на помощь. И во время войны он вёл приём работников комбината, которые шли к нему со своими бедами, и всё, что он мог в тех условиях, делал. Но это была мизерная помощь, за что отец переживал. Меня очень трогало отношение людей к нему, их обращение – батя, а папе было чуть больше сорока лет.

Предметом его особой заботы был детдом (имеется в виду детский дом в усадьбе Кривякино, организованный в 1942 году, его полностью содержал ВХК), и дом отдыха комбината, где в дни войны жили литовские красноармейцы, выписанные из госпиталей, семьи членов правительства Литвы. Комендантом всей территории был нарком финансов (Литовской ССР) Дробнис Александр Антонович, а комиссаром – Свирскис Антон Антонович, который был в армии адъютантом генерала Рокоссовского К.К., но после тяжёлого ранения его отправили в литовское представительство в Воскресенск. Иногда туда ездил отец, чтобы решать хозяйственные и житейские проблемы. В нашем доме частыми гостями были первый секретарь компартии Литвы Антанас Снечкус и председатель президиума Верховного Совета Юстас Палецкис. Это были интеллигентные, скромные люди. Сейчас трудно представить, но для того, чтобы добраться до Воскресенска, они поездом ехали от Москвы до 88 км, а затем пешком шли до нашего дома. Отец просил прислать возницу с

Орликом и они отправлялись в дом отдыха. Помню один из их приездов после встречи со Сталиным, где давалась оценка партизан Литвы на захваченной территории, как важно для них было услышать высокую оценку и добрые слова в адрес подпольщиков и партизан, так как борьба шла не только с фашистами, но и с местными националистами.

Шло время, все с нетерпением ждали дня Победы. Уже давно сняли светомаскировку в городе, у людей поднялось настроение. После победы под Сталинградом начали вести восстановительные работы везде. На комбинате, используя свои скудные резервы, начали оборудовать новой техникой кабинеты медицинской части. Создали маленький санаторий-профилакторий для очень уставших, далеко не здоровых работников комбината. Стали восстанавливать старый стадион, где уже в 1945 году проводили соревнования, играли в футбол. Папа старался не пропускать эти игры, так как был азартным болельщиком. И что особенно важно начали строить жильё. Появились новые пятиэтажные дома по улице Пионерской.

Читающий эти строки может улыбнуться – чему радовались тогда люди? Да, радовались и верили, что будет лучше, хотя и понимали, страна разрушена войной – её надо прежде всего восстановить, а строить пока по мере надобности».

После Победы

В послевоенные годы химический комбинат в Воскресенске переживал второе рождение. Восстанавливали старые цеха, законсервированные либо разукомплектованные в начале войны, строили и пускали новые цеха. В 1947 году снова дал продукцию первенец предприятия – цех фосмуки, полным ходом шли восстановительные работы в цехе по производству суперфосфата. В том же 1947 году начал работать цех силикагеля, сдан в эксплуатацию цех сульфоугля. Сульфоуголь был необходим для работы тепловых электростанций. Летом 1948 года на комбинате готовились к пуску второй системы башенного сернокислотного цеха. Расширял свой ассортимент и цех коллоидно-графитных препаратов. В ту пору комбинат продолжал стабильно занимать лидирующие места в соревновании предприятий химической отрасли. В декабре 1947 года Михаил Никитич Матвеев выбран депутатом райсовета Воскресенского района. О совместной работе с ним в послевоенные годы рассказали ветераны ВХК.

Добрые воспоминания соратников

Воспоминаниями о директоре Матвееве любезно поделилась старейший работник предприятия Татьяна Григорьевна Репенкова: «На химкомбинат я приехала в 1947 году. Принимала меня на работу главный инженер Анастасия Алексеевна Ефимова. Михаила Никитича она знала хорошо и была знакома с ним еще по довоенной работе на химкомбинате. Анастасия Алексеевна отзывалась о нашем директоре очень уважительно. Также о Михаиле Никитовиче Матвееве в разное время рассказывали и вспоминали в разговорах со мной хорошо его знавшие Фёдор Андреевич Кузяк, Владимир Вильгельмович Андрес, Леонид Алексеевич Морозов. По их мнению, «это был волевой, целеустремленный, решительный руководитель». Он мог мгновенно принимать решения, это был высококвалифицированный профессионал и хороший организатор. Сильной стороной Матвеева было сочетание научных знаний (он окончил Военно-химическую академию), производственного опыта (работал ранее на должности начальника смены и начальника цехов) и большого опыта административной, в том числе партийной работы. Матвеев был требовательным, горячим, но в то же время он был доступным и отзывчивым человеком.

Никогда не забуду, как Матвеев помог спасти мою близкую подругу землячку и однокурсницу Антонину Чугунову. Случилось это в начале 1949 года. Тоня работала начальником смены в контактном цехе. Во избежание поражения кислотой все работники там были одеты в суконные куртки, брюки и обуты в суконные бурки с галошами. Произошла неполадка и моя подруга провалилась в приямок с концентрированной серной кислотой (олеум), случилось непредвиденное – кислота залилась в бурок и очень сильно обожгла Тонину ногу от ступни до самого бедра. С тяжёлыми химическими ожогами ее отвезли в городскую больницу. Врач сразу не разобрался и подумал, что олеум – это кипящее масло. Первое время из-за карантина (в Воскресенске в ту пору бушевала эпидемия гриппа и чтобы не занести грипп в больницу, там был объявлен карантин) к ней никого не пускали, кололи морфий для снятия болевого шока. Врачи в отделении плохо знали, как лечить больных с такими сильными химическими ожогами и при назначенном ими лечении Тоня постепенно стала угасать. Когда к ней стали уже пускать, я в очередной раз навестила подругу, и её

внешний вид мне совсем не понравился – равнодушный взгляд, нога вся черная, начался сепсис (заражение крови). Врачи сказали, что состояние очень тяжёлое, нужно оповестить Тониных родителей. Не помня себя, я выбежала из больницы и по весенней грязи побежала за полтора километра на химкомбинат. Вбегаю в административное здание и мимо секретаря забегаю в кабинет директора. Со слезами рассказываю Михаилу Никитовичу о случившемся. Тот сразу звонит в больницу, строго говорит: «Почему Вы мне об этом не докладываете?! Я понимаю, что Вы принимаете меры, но почему я не в курсе происходящего?! Почему я узнаю об этом только сейчас?!» Мгновенно Михаил Никитич принимает решение – нынче же он выделяет свою персональную машину (единственная тогда персоналка на комбинате) и я с выпиской из Тониной истории болезни и вместе с опытной медсестрой еду в Москву на консультацию в институт Вишневского. Едем. В институте Вишневского доктор говорит: «Если она транспортабельна, привозите. У нас в отделении 50 тяжелых больных, она будет 51-я». Оттуда на машине едем в МОНИКИ. Там обещают прислать в Воскресенск назавтра врача-консультанта. Консультант, скажу, забегая вперед, действительно приехал и предложил ... ампутацию. Из Москвы я уже одна своим ходом еду к брату Борису, он тогда учился в Военно-воздушной академии в Монино. Рассказываю ему о своих горестях. Брат говорит – у нас в академии есть очень хорошие опытные врачи, они лечили во время войны наших сбитых и обожженных летчиков. Давай попробуем к ним обратиться за помощью. Врач в звании полковника (к сожалению, не помню его фамилии) обнадеживает нас – мы в войну спасали даже летчиков с ожогами всего тела, кроме спины (спину от огня защищала спинка кресла). С большим трудом Борис попадает на прием к начальнику академии маршалу ВВС Фалалееву и просит его помочь мне, отпустить врача из академии в Воскресенск, чтобы он осмотрел Тоню. Фалалеев: «Если у него завтра нет операций – пусть едет!» Операций нет. Едем! Вместе с врачом ранним утром выезжаем из Монино. На электричке добираемся до Ярославского вокзала, оттуда переходим на Казанский, успеваем сесть в вагон утреннего поезда (тогда в нашу сторону из Москвы ходили паровики, всего несколько раз в день, дорога еще не была электрифицирована), приезжаем в Воскресенск. На платформе 88 км нас ждет машина (накануне вечером я позвонила знакомым в Воскресенск и сказала о том, что мы приедем утренним поездом, а от знакомых об этом узнал Михаил Никитич и прислал свою машину). Едем в больницу. Полковник осмотрел Тоню. Лечить её оказывается надо совершенно иначе. В палате всего 16 градусов тепла, а у больных с ожогами температура в палате должна быть примерно 26-27 градусов. Тоню обезболивают и военный врач, не смотря на её крики, обдирает ей на ноге черные корки. Повязка в таком тяжелом состоянии противопоказана, она препятствует отхождению гноя, из-за чего гной проникает в кровь. Ногу следует поместить выше, орошать пораженную поверхность пенициллиновым раствором, а под ногу поместить стерильную простынку для впитывания гноя. Простынки как можно чаще менять. Каждые три часа, минута в минуту, колоть пенициллин. Лечение – 25% успеха, но для спасения больной важен тщательный заботливый уход, хорошее питание, это остальные 75%. У дверей больницы стоит персональная машина Матвеева. Едем вместе с военным врачом к Михаилу Никитичу. В кабинете он еще раз говорит о требованиях к лечению. Михаил Никитич решительно снимает трубку, звонит в электроцех и даёт команду срочно установить рефлекторы для обогрева палаты, потом обращается ко мне: «Вы освобождаетесь на месяц от работы на комбинате с сохранением заработка, будете осуществлять уход за больной!» Этот момент в кабинете Матвеева дорогого стоил. Началось лечение по новому военному методу. Я с 7 до 23 часов сидела с Тоней, кормила ее, следила за периодичностью уколов, стирала и меняла под ногой стерильные простынки. По распоряжению директора привезли пенициллин (он был тогда на вес золота) и всевозможные продукты. Больная постепенно пошла на поправку. Всё это время военный врач не забывал про нас, консультировал по телефону, подсказывал, что еще надо сделать.

Когда Тоня была выписана из больницы, ей выделили путёвку в санаторий, где она должна была окончательно поправить своё здоровье. В санатории она познакомилась с молодым человеком и спустя какое-то время они поженились. Чтобы восстановить кожный покров на ноге, опять же по совету военного врача Тоне делали пересадку кожи. Она практически полностью выздоровела, даже не прихрамывала на пострадавшую ногу. Так, благодаря помощи директора Матвеева, близкий мне человек

был спасен в, казалось бы, безвыходной ситуации. Такая вот история...».

А вот как вспоминает о директоре Матвееве Тамара Григорьевна Попова:

«О Михаиле Никитиче Матвееве я знаю совсем немного, расскажу что знаю. На химкомбинат я пришла работать 14-летней девчонкой в 1943 году после учебы в ремесленном училище № 15, где училась в группе лаборантов.

Директор Матвеев был человек очень доброжелательный, простой, не гордый, когда он шёл по химкомбинату и общался с подчиненными, было такое ощущение, что все его друзья. Пройти к нему в кабинет по производственному или личному вопросу мог любой, очень был доступный. Химкомбинат он любил, к людям относился замечательно, это хорошо чувствовалось.

С Докторовым они составляли своеобразную пару, Матвеев был директором предприятия и главнее Докторова, но свои распоряжения доводил до подчиненных спокойно, доброжелательно, а парторг Докторов, будучи вторым, разговаривал с людьми более требовательно, напористо, строго. То есть внешне, несведущему человеку могло даже показаться, что наоборот Докторов занимает более высокую должность, чем Матвеев, что вся сила в Докторове. Матвеева на комбинате хорошо знали и относились к нему с тёплым чувством, а недавно приехавшего Докторова немножко побаивались. По крайней мере, так это было в 40-е годы».

Добавим ещё, что позднее, будучи уже директором, Николай Иванович Докторов среди подчиненных приобрёл репутацию руководителя строгого, но справедливого, бояться его особо не боялись, а больше уважали, знали, что попусту он никогда не обидит. Так мне о Докторове рассказывал мой отец и другие ветераны предприятия. Возможно также, что описанная Т.Г. Поповой разница между стилем руководства Матвеева и Докторова всё же больше характерна для того времени, когда Михаил Никитич стал пожинать горькие плоды своей работы на износ в годы войны. Бессонные ночи, огромная ответственность, постоянное перенапряжение в военное и первое послевоенное время, всё это, в конце концов, дало о себе знать.

В 1948 году Михаил Никитич серьёзно заболел, у него произошёл первый инсульт. Он позвонил в Москву Виктору Ивановичу Стручкову (В.И. Стручков – выдающийся хирург, академик с 1965 г. Академии медицинских наук, с 1932 по 1941 гг. работал в Воскресенске, с Матвеевым они познакомились ещё в предвоенные годы). Тот вместе со своей женой Клавдией Фёдоровной сразу же приехал и сделал всё, что положено делать в таких случаях. Михаил Никитич продолжил работать. Потом случился второй инсульт. Справляться с обязанностями директора на таком большом, сложном и постоянно развивающемся предприятии как ВХК ему стало нелегко. К тому же в обозримом будущем на комбинате планировалось введение многих других новшеств и руководство химической отрасли хотело видеть у руля предприятия человека абсолютно здорового. Министр химической промышленности М.Г. Первухин, хорошо знавший и ценивший Матвеева, предложил ему перейти на работу в Москву.

Возвращение в Москву

В связи с этими обстоятельствами Михаил Никитич вынужден был уйти с должности директора Воскресенского химического комбината и, вскоре назначен директором химического завода имени Войкова в Москве. На его место со 2 января 1950 года заступает Николай Иванович Докторов, а приказ отдела кадров ВХК об увольнении Матвеева «с 10.01.1950 г. в связи с переходом на другую работу» датирован 26 января. Из Воскресенска Матвеев уезжал с горькими чувством – за прошедшие годы он сроднился с химкомбинатом, с его работниками, химкомбинат стал его детищем и разлуку с ним Михаил Никитич переживал очень тяжело. Но ему пришлось смириться. На новом месте Михаил Никитич директорствовал 6 лет. Завод имени Войкова выпускал самые различные химические вещества, в том числе для развивающейся тогда ракетно-космической отрасли. Одно из таких веществ являлось настолько ценным и трудоёмким в производстве, что план его выпуска для завода составлял всего 500 грамм в год. Короче говоря, предприятие было маленькое, но удаленькое. И вот однажды случилось примечательное событие. В те годы, уже после смерти Сталина, многих незаконно репрессированных узников (кто ещё был жив) по пересмотру дел выпускали на волю. Среди них на свободу должен был выйти и бывший директор Воскресенского химкомбината Никита Степанович Опарин (он провёл в заключение 17 лет), но перед этим надо было, чтобы кто-то удостоверил его личность. С Опариным у Матвеева в 1930-е годы сложились очень хорошие

М.Н. Матвеев в бытность директором завода имени Войкова. 1950-56 гг.

доверительные отношения. Когда его арестовали, Михаил Никитич сильно переживал, как такого абсолютно невиновного и заслуженного человека могли зачислить во враги народа. И теперь ему снова довелось встретиться с Опариным. Вспоминает Тамара Михайловна Носоченко: «Когда отец уже работал в Москве, в 1955 году, его вдруг вызвали в военную прокуратуру. На заводе, где он был директором (химический завод имени Войкова) производили секретный химический состав, необходимый для производства искусственных спутников земли, вещество было настолько ценное и трудоёмкое в производстве, что план для завода по его выпуску составлял полкилограмма в год. Отец забеспокоился, что случилась какая-то неприятность в связи с этим секретным веществом из-за чего его и вызвали. Но дело было совсем в другом. В военной прокуратуре Михаилу Никитичу говорят: «Вам необходимо опознать одного человека». Просят его отвернуться. Заводят человека и говорят Матвееву: «Повернитесь, кто это?» Матвеев: «Это Никита Степанович Опарин». Они бросились навстречу друг дугу, обнялись и оба прослезились. Опарина, так как отец его опознал, должны были выпускать, но одет он был очень плохо и отец послал на машине своего шофёра к себе домой, чтобы тот привез для Опарина подходящую одежду».

Опарин переночевал у Матвеева и отправился в Воскресенск, там его снова взяли на работу на химкомбинат и ещё 12 лет Никита Степанович проработал начальником цеха фосмуки и заместителем директора по кадрам. А Михаил Никитич продолжал жить и работать в Москве, как вспоминала Тамара Михайловна, в это время с ним произошел ещё один интересный случай. Однажды к нему звонит секретарь и говорит: «Михаил Никитич! К Вам хочет пройти Шура Кузнецова (работница завода)». «Хорошо, пусть зайдёт». В директорский кабинет заходит женщина с большой бельевой корзиной, заполненной спелой вишней и протягивает корзину Матвееву. Михаил Никитич: «Вы что себе позволяете? Что это значит?» Работница, улыбаясь, говорит: «Михаил Никитич, а ведь это силинская вишня». Оказалось, это была его двоюродная сестра, родом тоже из Силино, из силинских Кузнецовых. Случай этот Михаила Никитича обрадовал, с Шурой они общались, вспоминали былое, она и позднее привозила ему из Силина деревенские гостинцы.

По воспоминаниям племянницы в зрелом возрасте Михаил Никитич был очень похож на известного артиста Ивана Переверзева. Однажды, когда она гостила у дяди в Москве, по телевизору показывали фильм «Моя любовь» с участием Переверзева и, заметив их сходство, Ирина сказала об этом. Михаил Никитич улыбнулся и ответил, что на заводе коллеги ему часто говорят о том же. Он и в самом деле имел много общего с Переверзевым – синеглазый красивый мужчина с правильными чертами лица и чисто русской внешностью.

К этому времени дети Матвеева уже выросли. Старшая дочь Тамара в 1950 году окончила Московский государственный педагогический институт (специальность учитель истории) и уехала работать в Сибирь, сначала в село Куйтун Иркутской области, а с 1953 г. перебралась в город Ангарск того же региона. Её муж Василий Носоченко, участник Великой Отечественной войны был родом из тех мест. Младший сын Матвеева Вячеслав окончил школу и поступил в военно-морское училище в Гатчине.

На заслуженном отдыхе. Внуки

К сожалению, состояние здоровья Михаила Никитича продолжало ухудшаться и в 1956 году ему пришлось оставить работу и уйти на заслуженный отдых. Находясь на пенсии, он продолжал живо интересоваться делами в Воскресенске, несколько раз приезжал в наш город, встречался со своими бывшими подчинёнными. Но большую часть свободного времени Михаил Никитич стал посвящать внукам. Вспоминает Тамара Михайловна: «С 1960 года отец стал ездить на зимний период к нам в Сибирь. Он приезжал обычно ещё в августе. Ему очень нравилась сибирская золотая осень и с крепкими морозами зима. Любил ездить на Байкал. Объектами его заботы стали трое внуков: Андрей, Марина и Миша. Он был с ними нежен, заботлив и терпелив. Вёл себя с каждым из внуков по-разному: со старшим – Андреем, у них были разговоры по душам, на равных, было полное взаимопонимание, они были до последних дней его жизни огромными друзьями.

Марине – он потворствовал, дед и внучка всё время читали. Он привил ей огромную любовь к книге, она начала читать самостоятельно в четыре с половиной года. Она уверенна, что никто не кормил её такими вкусными завтраками, как дед.

На младшего Мишу – дед смотрел с обожанием, как на своё продолжение. Младшие внуки всегда знали, что у деда в кармане пальто ночью «растут» для них конфеты. А когда они собирались все вместе – дед и внуки, мы с завистью слушали их заразительный смех».

Кончина. Судьбы потомков

В феврале Михаил Никитич обычно уезжал обратно в Москву. Здоровье его ухудшалось. В Москве его продолжал лечить В.И. Стручков. Несколько раз он ложился в Боткинскую больницу. А умер Михаил Никитович дома, умер один, так как его вторая жена Мария Евгеньевна Кайяц уехала в туристическую поездку, он сам её уговорил поехать. Утром пришел передать газеты сосед (у него был ключ от квартиры) и обнаружил его уже мертвым. Причина смерти – сердечная недостаточность. Случилось это 24 сентября 1969 года. До своего 70-летия Михаил Никитич не дожил двух месяцев.

На похороны из Воскресенска приехали родственники и три (среди них Н.А. Сизов) сотрудника химкомбината, привезли венок. Тело кремировали, а урну с прахом первоначально поместили в колумбарий кладбища Донского монастыря, во втором ряду, так что даже цветы положить было некуда. Поэтому Тамаре Михайловне хотелось перезахоронить прах отца в другое место: «Стали искать место. Сначала думала найти могилу маминого родственника на Ваганьковском кладбище, но за давностью лет найти их могилы на кладбище не смогли. Тогда урну мы с мачехой захоронили на Новохованском кладбище, оно тогда, как раз было образовано (1972 год) и нам даже предложили самим выбрать место, какое приглянется. Позднее привезли изготовленный в Ангарске большой металлический памятник и установили его на могиле отца. А теперь там же покоятся уже мачеха, мой сын Андрей, брат Вячеслав.

Слава окончил Гатчинское военно-морское училище (Высшее военно-морское инженерное радиотехническое училище в Гатчине). Он по своей воинской специальности был минёр и его, вместе с товари-

На лавочке. М.Н. Матвеев (крайний справа), внучка Марина, зять В.П. Носоченко, дочь Т.М. Носоченко.

Андрей Носоченко во время службы

щем, двоих, распределили в Севастополь и направили в подразделение, занимавшееся разминированием местности, так как после войны в Севастополе осталось огромное количество мин и неразорвавшихся боеприпасов. Однажды во время разминирования, Слава остановился на минутку, чтобы закурить, а его некурящий товарищ-однокурсник не стал ждать напарника и один вошел в заминированное здание и подорвался там, погиб, а Славу взрывной волной отбросило на несколько метров. Никакой вины на нём не было, но брат сильно переживал случившееся. А потом в 1961 году произошло Хрущевское сокращение армии и Слава попал под это сокращение. Он вернулся в Москву, работал какое-то время «на космос», но работа оказалась у него нестабильная, много простоев и брат уехал из Москвы к нам в Ангарск. Умер Вячеслав Михайлович в 1995 году.

Мой сын Андрей хорошо учился, много читал, очень хорошо знал историю, ему ещё не было 18, когда он уже сдал экзамены для поступления в Военную академию имени Дзержинского. Там ему встретились курсанты 3-го курса, они только-только возвратились из Африки с практики (с войны) и вот они эти «практиканты» его отговорили поступать. Он вернулся домой и пошел в армию (отец сказал пусть идёт в армию), служил в погранвойсках на китайской границе в Киргизии. Застава Бахты. Рота связи. В это время как раз в тех местах был пограничный конфликт с китайцами. Служил он как положено и стал отличником пограничных войск, а уже после окончания срока службы по просьбе командования остался еще на несколько месяцев, чтобы подготовить, обучить новобранцев для службы связистами. Из-за этого Андрей не успел поступить в институт в год демобилизации и до следующего лета несколько месяцев работал на гидролизном производстве в Ангарске. А потом он поступил в железнодорожный институт в Москве (МИИТ), сначала на подготовительный курс, а потом и на первый. На первом курсе студенты института дежурили дружинниками, помогали московской милиции в охране общественного порядка. Андрея выбрали командиром отряда дружинников мостостроительного факультета. Возвращаясь с дежурства, в ночь с 1 на 2 ноября 1975 года Андрей трагически погиб, спасая товарища. Было морозно, а возле театра Советской Армии, рядом с трамвайными путями образовалась ледянка. Товарищ Андрея поскользнулся на ней и покатился прямо под колеса трамвая. Находившийся рядом Андрей, не задумываясь, бросился, чтобы вытолкнуть сокурсника из-под колес, товарища он спас, но сам погиб.... Было ему тогда, всего лишь 23 года. Хоронили Андрея всем институтом, профессора, преподаватели, студенты, народу пришло огромное количество....

Трагическая смерть сына стала самой большой болью Тамары Михайловны....

В честь брата дочь Тамары Михайловны – Марина Васильевна назвала Андреем своего сына. Много лет дочь директора Матвеева проработала директором средней школы № 10 в Ангарске. По признанию многих эта школа стала лучшим учебным заведением города. Весь её педагогический стаж составил 48 лет. За многолетние подвижнические труды на ниве народного просвещения в 2008 году Тамаре Михайловне Носоченко присвоено звание почётного гражданина Ангарска. Тамара Михайловна ушла из жизни 9 июля 2018 года на 92-м году жизни... В Ангарске живут её дочь Марина (она заведует детским садом) и внук Андрей. Сын Вячеслава Михайловича – Михаил Вячеславович Матвеев живёт и работает в Москве.

Поездка в Силино

В заключение нашего очерка очень кратко расскажем о поисках сведений о М.Н. Матвееве и его родичах в самой деревне Силино. Благодаря помощи консультанта администрации Ашитковского сельского поселения О.И. Балиной, удалось встретиться с Олимпиадой Арсентьевной Киселёвой, в девичестве Кузнецовой, как выяснилось, директору Матвееву она приходится двоюродной племянницей. Олимпиада Арсентьевна родилась и выросла в Силино, долгое время работала учителем в Леоновской средней школе. Она любезно согласилась побеседовать и показать интересующие меня места. Вот её рассказ: «Я родилась в 1940 году и Матвеевых уже не помню. Спрашивала про них по телефону свою тётку, (материну сестру) ей 87 лет, но она тоже ничего не вспомнила.

Кузнецовых в Силино было четыре двора. Первый двор – Кузнецов Николай Иванович, брат моего отца, 1909 года рождения. Он воевал, был шофёром, вернулся с войны живой.

Умер примерно в 1968 году. Второй двор – мой отец Кузнецов Арсентий Иванович, 1911 года рождения. Он погиб на войне, сгорел в танке в 42 году под Смоленском. Отцова отца звали Иван Борисович Кузнецов, он умер ещё до моего рождения, а его жена – бабушка Татьяна умерла где-то в войну. А третий двор – Арина Кузнецова с детьми (муж этой Арины был крёстным М.Н. Матвеева – А.Ф.). Тётка Арина, помню, водила нас маленьких за грибами в дальний Амченский лес, красноголовики (подосиновики) во мху там были больно хороши. Четвертый – дом Якова Ивановича Кузнецова, у него было три сына и дочь Александра, она работала в Москве.

Кузницу в Силине я хорошо помню, в войну в ней работал кузнецом мой дедушка Спиридон Филиппович Завалов. Она стояла на берегу Длинного пруда. Трудодень в колхозе был пустой, а ему, как кузнецу, давали хлеб и он делился этим хлебом с нами.

Старую начальную школу в Леонове сломали и позднее построили на ее фундаменте новый жилой дом. Ломали школу уже где-то в 70-е годы, в 1960-е после окончания педучилища я начинала в ней работать».

Двоюродная сестра Олимпиады Арсентьевны Татьяна Николаевна (дочь вернувшегося с войны Николая Ивановича Кузнецова и тоже учительница) все-таки вспомнила кое-что о Матвеевых. Был в детстве такой случай. Её отец Николай Иванович, окончивший всего четыре класса, умел, тем не менее, хорошо решать школьные задачки для старших классов и вплоть класса до 8-го решал их для своих детишек играючи. Ему как-то с удивлением об этом указали, и Николай Иванович ответил – удивляться тут нечему, есть в кого, родственники его открывали до революции церковно-приходскую школу и работали в ней учителями, а он, видать, в них пошёл. Добавим, что учителям Алексею, Фёдору и Михаилу Матвеевым Николай Иванович приходился двоюродным братом.

Такие вот дела. Не помнят уже о Матвеевых в Силине. Много воды утекло. Ну, Бог даст, хоть теперь узнают про судьбу Михаила Никитича из очерка. Думаю, помянут и в родной деревне его добрым словечком.

P.S. *В нашем городе две улицы носят имена директоров химкомбината. Это улицы Докторова и Хрипунова. Обе они красивы и современны. Может быть, с течением лет, с возведением в Воскресенске новых городских кварталов, к ним присоединится и третья – улица Матвеева. Как говорят в народе: «Бог любит троицу». Я думаю, что Михаил Никитич Матвеев вполне заслуживает такого признания.*

Дом, стоящий на фундаменте старой Леоновской школы. 2014 г.

ХРАНИТЕЛИ ИСТОРИИ

90-летию газеты «Наше слово» посвящается…

90 лет тому назад, 25 января 1931 года увидел свет первый номер Воскресенской районной газеты «За темпы» (с 11 июля 1938 года – «Коммунист», с 27 августа 1991 года – «Наше слово»).

За девять десятков лет произошло огромное количество событий, многое изменилось: страна, люди, приоритеты. Менялась и газета, её формат, полиграфическое исполнение, название.

Она всегда жила одной жизнью со страной, районом: первые пятилетки, Великая Отечественная война, восстановление народного хозяйства, годы «развитого социализма» и перестройки, противоречивые «девяностые». Бесценна летопись Воскресенска в газетных строках – это дневник, зеркало жизни края, а потому – настоящий кладезь для краеведов. Перелистывая пожелтевшие от времени подшивки газеты, незримо соприкасаешься с судьбами тех, кто вершил и делал историю страны, родного края, проникаешься гордостью за земляков, их дела и свершения.

Юбилейная дата – хороший повод сказать спасибо всем тем, кто в разные годы трудился в редакции «районки». В разные годы редакторами газеты работали Семён Харсон, Владимир Лапшин, А. Овчаров, Яков Русаков, Георгий Зязин, Сергей Мотов, Фёдор Холодов, Иван Родионов, Пётр Минеев, Виктор Голдачёв, Анатолий Сальников, Людмила Башкирова. А ещё сотни людей: редакторы, корреспонденты, литсотрудники, ответственные секретари, фотокоры, корректоры, печатники.

Сегодняшний наш рассказ об одном из колоритнейших сотрудников редакции, отдавшем три десятка лет газетной работе – Сергее Кристи.

ЖУРНАЛИСТ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, КРАЕВЕД СЕРГЕЙ КРИСТИ

Виктор Лысенков,
руководитель Воскресенского литературного объединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова,
член Союза писателей России и Союза журналистов России

Сергей Михайлович Кристи родился 10 июля 1921 года в Петрограде (Ленинград, Санкт-Петербург).

Чтобы понять, как формировались характер и мировоззрение Сергея Михайловича, истоки его широкой эрудиции и художественного вкуса, прежде немного расскажем о его семье.

Михаил Петрович Кристи родился в ноябре 1875 года в Измаиле в семье чиновника городской управы, эмигрировавшего в Бессарабию из Македонии, где славянское население жёстко притеснялось османскими властями. В этой связи возможна версия происхождения фамилии Кристи от переиначенной после переселения болгарской фамилии Христов на местный румынский манер.

Вскоре после рождения Михаила семья (в ней было ещё три сына) переехала в Крым. Здесь Михаил окончил гимназию и в неполные 18 лет увлёкся революционными идеями. С 1895 он сотрудничает в местных газетах либерального направления, преследовался «за вредную политическую агитацию». В 1896-98 гг. призван на военную службу рядовым, где также обвинялся в «противоправительственной агитации среди солдат». В 1898 году вступает в социал-демократическую рабочую партию (РСДРП) Тогда же становится сотрудником, а затем редактором и издателем нескольких, выходящих в Керчи и Симферополе, изданий марксистской направленности: «Накануне», «Крымская газета», «Южный курьер». Открыто критиковал существовавший государственный строй, состоял гласным (т.е. депутатом) городской думы. За активное участие в революции 1905 года был посажен в тюрьму. Но выпущенный на поруки, под залог в тысячу рублей, после покушения на его жизнь, не ожидая суда, в 1906 году эмигрировал за границу – в Швейцарию.

В эмиграции Михаил Петрович работал корреспондентом русских газет, активно участвовал в делах революционных организаций. Под влиянием своего товарища, будущего наркома просвещения РСФСР Анатолия Васильевича Луначарского, окончил искусствоведческий факультет Лозанского университета, изучал искусство и музейное дело во Франции, Италии, Англии. Женился на Надежде Самойловне Сокольской, пианистке, выпускнице Парижской консерватории. Она была младше Михаила на 13 лет. Там у них родились старшие дети: дочь Наталия (1907–1989, ставшая физиком, научным со-

Сергей Михайлович Кристи

Михаил Петрович Кристи. Худ. А.М. Герасимов

трудником Радиотехнического института Академии наук СССР) и сын Леонид (1910–1984, окончивший ВГИК, известный режиссёр документального кино).

В начале 1917 года М.П. Кристи вернулся в Россию в знаменитом «пломбированном вагоне». После Февральской революции 1917 года устанавливал советскую власть в Керчи и, как пишут, спас город от резни, которую много раз порывались устроить пришлые матросы. Тогда же вышел из РСДРП, вследствие, как он указывал, «не согласия с тактикой меньшевистской фракции в революции 1917 года, в которой (фракции) до того состоял». Работал в Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Феодосии, Симферополе и Севастополе. Крымчане оценили его заслуги, и в Керчи одна из городских улиц носит имя Кристи.

С 1918 года Михаил Петрович был уполномоченным Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) в Петрограде – заведовал Ленинградским отделением «Главнаука» (Главное управление научными, художественными и музейными учреждениями), а Надежда Самойловна Кристи-Сокольская руководила Ленинградским Домом учёных. В эти годы М.П. Кристи курирует организацию государственных рентгенологического и радиологического, физико-технического, радиевого, оптического институтов, значителен его вклад в развитие музейного, издательского, театрального дела.

В 1926 году семья переезжает в Москву, где М.П. Кристи назначается заместителем начальника Главнауки Наркомпроса. В 1928 году новый поворот в судьбе Михаила Петровича – с подачи наркома А.В. Луначарского его назначают директором Государственной Третьяковской галереи. Руководил Третьяковкой почти десятилетие. Но в 1937 году был снят с должности и арестован. Одним из поводов для преследования стало размещение в нескольких залах сразу экспозиции российского авангарда под названием «Формальные искания» и решение «выставлять даже нелепые произведения Кандинского и Малевича. <…> Даже такую издевательскую вещь, как “Чёрный квадрат” Малевича». Хотя и обосновывали её как бы для того, чтобы «вредное влияние формализма было ясно не только специалистам, но и широким массам». Отсидел он недолго, в 1938 году вышел на свободу и до 1948 года был

Директора Третьяковки. Щёкотов Н.М,. Скворцов А.М., Щусев В.А., Грабарь И.Э.
Кристи М.П. на открытии выставки И.Э. Грабаря 07.01.1936 г.

художественным руководителем Московского товарищества художников.

Скончался Михаил Петрович Кристи 27 сентября 1956 года, похоронен в Москве на старом Новодевичьем кладбище (3 уч. 11 ряд), недалеко от могил своего предшественника по руководству Третьяковской галереей академика А.В. Щусева.

Вернёмся к нашему герою. Как понимаем, с юных лет большое влияние на Сергея Михайловича Кристи оказывал круг общения его родителей – творческая и научная интеллигенция, а также «сильные мира сего».

С.М. Кристи, середина 1940-х гг.

Но не всё было безоблачно. Его мать Надежда Самойловна рано ушла из жизни, а новая жена отца – Ольга Фёдоровна, по ощущениям Сергея пасынка недолюбливала.

В Москве семья жила на улице Волхонке в доме 18. Сергей учился в знаменитой Опытно-показательной школе-коммуне имени Пантелеймона Лепешинского, коллектив которой подбирала лично Надежда Константиновна Крупская, подходя к делу исключительно серьёзно и основательно. Достаточно отметить, что в этих стенах работали лучшие педагоги Москвы того времени. В 1930-е годы тут учились будущий летчик-испытатель Степан Микоян, учёный-физик Сергей Капица, писатель Анатолий Рыбаков и многие другие известные люди. Ученикам здесь прививали жизненно важное желание – добывать знания. Но в связи с ее расформированием, аттестат зрелости Сергей получает в московской школе № 43.

После уроков Серёжа пропадал в Третьяковке, с экскурсиями и самостоятельно он бродил по залам галереи, сотрудники отца хорошо знали мальчика. Он многое знал о выставленных картинах, знал фамилии художников, читал книги о людях искусства (у отца была большая библиотека), навсегда сохранил любовь к изобразительному искусству.

Учась в школе, Сергей занимался в литературной студии Дома учёных, которой руководила известный историк литературы, пушкиновед Арусяк Георгиевна Гукасова, и в театральном училище при Центральном театре Красной Армии. Увлекался поэзией. Одну из первых песен «О графе Толстом – мужике непростом» («Жил был великий писатель, Лев Николаич Толстой…») он написал в старшем классе школы.

Песни сочинял вместе с друзьями Алексеем Охрименко и Владимиром Шрейбер-гом. Эти песни получили самое широкое распространение в разных вариантах и перепе-вах, начиная с военных лет. Сами того не подозревая, друзья стали основоположниками целого направления русской поэзии XX века. Этот жанр принято называть «поездными» или «вагонными» балладами, потому что в конце сороковых – середине пятидесятых го-дов их любили петь инвалиды, собиравшие подаяния на жизнь в пригородных поездах. О популярности этих вагонных баллад можно судить и по строкам стихотворения Евгения Евтушенко «Мои университеты»: *«Больше, чем у Толстого, / учился я с детства толково / у слепцов, по вагонам хрипевших / про графа Толстого»*.

Песни эти на слуху и сегодня: «Батальонный разведчик» («Я был батальонный разведчик, а он – писаришка штабной…»), «Нарымский рассказ о Шекспире, коварстве, любви и московской квартире», «Отелло», «Гамлет».

Появились слушатели, жаждавшие всё новых весёлых песен. Среди завсегдатаев были, например, Эрнст Неизвестный, тогда студент МГУ (ему, кстати, посвящена одна песня), журналист Аркадий Разгон.

Они сочинили потом и сами о себе песню (Алексей Охрименко жил в Чистом переулке):

Есть в Москве переулочек Чистый,
домик десять, квартирочка два,
кордеончик там есть голосистый,
пианино и радива.
Несмотря на мольбы и протесты,
собирались там трое друзей,
имена их должны быть известны:
се Владимир, Сергей, Алексей.

Хотели даже по аналогии с Козьмой Прутковым («литературная маска» А.К. Толстого и братьев Жемужниковых) взять один общий псевдоним. Как-то

увидели вывеску «Ремонт тростей, зонтов, чемоданов» и решили назваться Тростей Зонтов. Однако подписываться было негде, смешно было и думать, что произведения, так подписанные, можно опубликовать. Потом с удивлением узнали, что песни подхватили. И они навеки остались не только без псевдонима, но и вовсе безымянными.

С.М. Кристи. 1960-е гг.

Троица сочинителей оказалась прародительницей авторской, бардовской песни, эстафету которой подхватили потом Юрий Визбор, Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, и еще многие замечательные песенники.

По окончании средней школы в 1939 году Сергея Кристи приняли на работу артистом в Центральный театр Красной Армии. Началась Великая Отечественная война и в ноябре 1941 года он был призван на действительную военную службу и направлен в 23-й запасный стрелковый полк, дислоцированный в Ижевске.

18 августа 1943 года Молотовский военно-пересыльный пункт направил С.М. Кисти в 3-ю школу пилотов авиации Военно-морского флота в село Борское под Куйбышев (Самара), куда год назад перебазировалось Ейское военно-морское училище. Но в школу морских лётчиков он попал только через год, т.к. был зачислен артистом в ансамбль Наркомата вооружений. «Музы» не должны были молчать и тогда, когда гремели пушки. В составе ансамбля Сергей Михайлович выступал в концертных программах в воинских частях, госпиталях, оборонных заводах, перед фронтовиками и тружениками тыла, не раз бывал на передовых позициях действующей армии. Продолжал он и поэтическое творчество.

В августе 1944 года рядовой Кристи вновь направлен в распоряжение управления 1-й дивизии школ ВВС ВМФ и получил назначение литсотрудником, а затем ответственным секретарём дивизионной газеты «Морской лётчик». Так началась его биография газетчика. На страницах газеты Сергей Михайлович рассказывал о подвигах и фронтовых буднях лётчиков морской авиации. Был награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Демобилизовался он 27 декабря 1945 года и остался с женой Верой и сыном Михаилом жить в селе Борское, работая художественным руководителем Борского районного дома культуры. К сожалению, брак распался, жена с сыном уехали на её родину в станицу Ленинградскую Краснодарского края. Разрыв и невозможность часто видеться с сыном он переживал сильно. Надо сказать, что Михаил и сегодня живёт в кубанской станице Ленинградской, у него родились дочь и сын, который, кстати, полный тёзка деда.

В мастерской народного художника СССР НН Жукова. С.М. Кристи стоит во втором ряду

С.М. Кристи. Худ. Н.Н. Жуков

В начале 1947 года Сергей Михайлович возвращается в Москву. И хотя он был принят в труппу Центрального театра кукол под художественным руководством С.В. Образцова, возможность стать жителем столицы он потерял, заново получить прописку было совсем непросто. К тому же у него не было высшего образования. Это были большие проблемы для трудоустройства.

В 1949 году Сергей Михайлович ненадолго устроился администратором съёмочной группы Центральной студии документальных фильмов, работавшей над созданием таких лент, как «Советская Латвия», «Среднее Поволжье». В этом посодействовал старший брат, известный режиссёр-кинодокументалист Леонид Михайлович Кристи, получивший, к слову, в 1980 году государственную Ленинскую премию за документальный фильм «Великая Отечественная». Потом сотрудничал как внештатный корреспондент в московских газетах, в частности в «Московском комсомольце». По сценариям Сергея Михайловича был сделан ряд передач на Центральном телевидении.

Требовалось какое-то кардинальное решение и в феврале 1951 года, получив приглашение, Кристи уезжает в Поволжье, в места, где недавно ещё велась съемка документального кино – в посёлок Чердаклы Ульяновской области. Здесь три с половиною года работает литсотрудником в районной газете «Колхозная стройка» (сейчас – «Приволжская правда»).

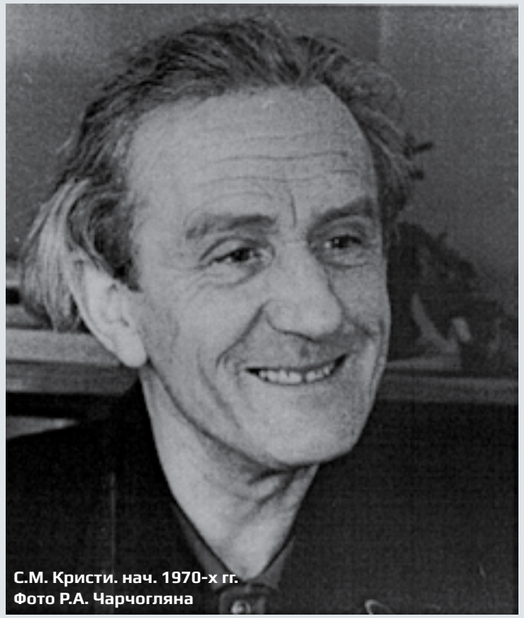

Анна Маркеловна Зайцева. Худ. Н.Н.Жуков.

И всё же Москва, старые друзья, прежние привязанности влекут его. И в 1954 году появилась возможность перебраться поближе к столице – в село Виноградово (в то время центра Виноградовского района). При том, что он был беспартийным, его назначают ответственным секретарём районной газеты «Сталинский путь» (с 1956 года – «Новая жизнь»).

Ответственный секретарь – одна из ключевых фигур редакционного коллектива, собственно, формирующая лицо газеты. По меткому выражению самого Сергея Михайловича, «эта работа схожа с работой режиссёра в театре. Её почти не видно, всё зависит от дарования действующих лиц. Но в воплощении творческих замыслов, в оформлении, в интересных находках проявляется воля секретаря, его почерк, оригинальность».

После объединения в 1958 году Воскресенского и Виноградовского районов он становится литсотрудником, заведующим отделом, а впоследствии ответственным секретарём Воскресенской районной газеты «Коммунист». Он достиг в своём деле высокого профессионализма и не раз признавался областным Управлением по делам издательств и полиграфической промышленности (Упрполиграфиздат Мособлисполкома) одним из лучших ответственных секретарей районной печати. Коллеги избрали его председателем Воскресенской первичной организации Союза журналистов СССР.

На Воскресенской земле он, наконец, обрёл семейное счастье, познакомившись с Анной Маркеловной Зайцевой, местным агрономом. Они поженились и в 1963 году свили гнездо в двух комнатах в доме № 1

С.М. Кристи. нач. 1970-х гг.
Фото Р.А. Чарчогляна

на улице Молодёжной посёлка (теперь – города) Белоозёрский.

Сергей Михайлович был очень интересным собеседником, умел дружить. Круг друзей был довольно широк. Давние тёплые отношения связывали его с известным графиком, народным художником СССР Николаем Николаевичем Жуковым и кинооператором, снимавшим Ленина – Григорием Владимировичем Гибером. В числе друзей были киносценаристы Владлен Бахнов и его жена Нелли Морозова, поэт-переводчик Наум Гребнев, полиглот, бард и переводчик Владимир Вишняк, его жена Нина, занимавшаяся «укладкой» в кинодубляже, режиссер документального кино, писатель-мемуарист Василий Катанян и его жена Инна Генс-Катанян, специалист по японскому кино.

Мне рассказывал наш известный писатель Константин Яковлевич Ваншенкин о том, как им с женой Инной Анатольевной Гофф было интересно, когда к ним в воскресенский дом заглядывал Сергей Михайлович: были общие темы для разговора, общие московские знакомые.

Помимо основной работы, Сергей Михайлович с головой ушёл в краеведение, в исследовательскую публицистику, посвященную истории нашего края. По этим исследованиям и своим публикациям он подготовил брошюру об истории города и района, на основе которой позже, в 1988 году, горком КПСС и редакция газеты издали небольшую книжку к 50-летию Воскресенска «Этапы созидания». В 1980 году в издательстве Московский рабочий» вышла вторая книга трёхтомника «Города Подмосковья», в котором историко-экономический очерк «Воскресенск» принадлежит перу С.М. Кристи. Но основной массив публикаций были газетные и журнальные в центральных и областных изданиях. Например, удачный очерк о народном художнике СССР Николае Жукове, с цветными репродукциями картин, был опубликован в журнале Союза писателей СССР «Юность» № 11 за 1974 год.

Свои статьи и заметки он зачастую подписывал театрально-литературными псев-донимами: «П. Лучино», «С. Агатов».

Среди публикаций Сергея Михайловича особое место принадлежит подвигу знаменитого татарского поэта Мусы Джалиля и его соратнику по подпольной антифашистской борьбе в берлинском логове врага воскресенскому журналисту Ахмету Симаеву, до войны также работавшему ответственным секретарём районной газеты «Коммунист».

Сергей Михайлович был первым и самым последовательным исследователем жизни и подвига нашего земляка. Восстановление доброго имени «джалиловцев» давалось ему нелегко: большинство архивов тогда было напрочь закрыто, огорчало и то, что кропотливый труд не всегда находил понимание у маловеров. Кристи вёл обширную переписку с людьми, обладавшими хотя бы крупицами сведений, был в постоянном поиске, не считаясь с личным временем. И сейчас ссылки на материалы С.М. Кристи мы найдём в трудах всех серьёзных исследователей судеб «джалиловцев». В 1970 году за публикации, посвящённые Ахмету Симаеву и другим соратникам Мусы Джалиля, Сергей Михайлович Кристи был удостоен премии Союза журналистов СССР.

Леонид Михайлович Кристи

С.М. Кристи у потрета Ахмета Симаева

Благодаря инициативе и настойчивости Сергея Михайловича Кристи, в Воскресенске 8 мая 1985 года, в канун празднования 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне на доме № 8 по улице Советской, где когда-то размещалась редакция районной газеты, была установлена мемориальная доска в память Ахмета Садретдиновича Симаева.

Меня всегда поражала энциклопедичность этого с виду немного вальяжного, всегда ироничного интеллигента с пышным ореолом седых волос. Мы и подружились с ним в 1978 году на почве общего интереса к истории Воскресенского края. Его было интересно слушать – он не понаслышке знал о жизни многих знаменитых людей, «кремлёвскую кухню», подоплёку событий, о которых в газетах не писалось.

Публикация С.М. Кристи в газете «Коммунист» 23.08.1984

Сергей Михайлович тоже «заразил» меня темой подвига Ахмета Симаева, подарив только что вышедшую в московском издательстве «Советский писатель» книгу «По следам оборванной песни» Рафаэля Мустафина, с которым, находясь в переписке, обменивался информацией о судьбах «джалиловцев». Под впечатлением от прочтения этой книги в сентябре 1982 года даже появилась моя первая, довольно эмоциональная публикация о Симаеве в районной газете.

Сергей Михайлович был человеком деятельным, увлекающимся. Запомнились как интересно нам удалось организовывать «круглый стол» с бывшими командирами и бойцами Воскресенского истребительного батальона 1941 года, надолго запомнилась встреча в Белоозёрском с ребятами, занимающимся ультракороткой международной любительской радиосвязью, разные малые и большие военно-патриотические и краеведческие дела. Он горячо поддержал мой двухлетний проект к 40-летию Победы по еженедельной публикации ретроспективы номеров районной газеты военного времени под рубрикой «Этих дней не смолкнет слава», за который, кстати, меня признали лучшим общественным корреспондентом газеты за 1985 год.

Теперь искренне сожалею, что в суете и рутине всё-таки недостаточно общался с этим замечательным человеком – не понимая по молодости, что жизнь-то коротка.

Умер Сергей Михайлович Кристи от инфаркта 19 января 1986 года, в больнице, в Москве, после того как в морозный день поехал на похороны друга.

Уйдя незадолго до того на заслуженный отдых, он страстно хотел взяться за книгу, посвященную своим воспоминаниям о встречах и дружбе с яркими личностями, К сожа-лению, это не сбылось.

«ВОСКРЕСЕНСК В КАРТИНАХ МЕСТНЫХ ХУДОЖНИКОВ»

Светлана Мосева. Храм Иоанна-Златоуста. акварель

ШКОЛА ТВОРЧЕСТВА

Светлана Белоус,
заслуженный работник культуры Московской области

ТВОРЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ РАЗЛИЧАЮТСЯ СВОИМ ТЕМПЕРАМЕНТОМ И ХАРАКТЕРОМ. КОМУ-ТО НОВЫЕ РЕШЕНИЯ ДАЮТСЯ С ЛЕГКОСТЬЮ. У ТАКИХ ВНУТРИ ТОЧНО ЕСТЬ ГЕНЕРАТОР ИДЕЙ, КОТОРЫЙ ПОСТОЯННО РАБОТАЕТ И ВЫДАЕТ ЧТО-ТО НОВЕНЬКОЕ. А КОМУ-ТО ТРЕБУЕТСЯ МНОГО ВРЕМЕНИ И СИЛ, ЧТОБЫ ЧТО-ТО СОТВОРИТЬ. НО В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ, ПЕРЕД ИСПОЛНЕНИЕМ ЛЮБОЙ ЗАДУМКИ КАЖДЫЙ СТАВИТ СЕБЕ ЦЕЛЬ, КОТОРАЯ НАЧИНАЕТСЯ С ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ: «ЧТО Я ЛЮБЛЮ? ЧЕГО Я ХОЧУ? ДЛЯ КОГО Я ЭТО ДЕЛАЮ И ЗАЧЕМ?».

До определенного возраста важной частью досуга ребенка становится рисование. Дети могут самозабвенно предаваться этому занятию часами, выплескивая на лист бумаги все свои эмоции. Но без должного развития этот навык постепенно утрачивается, и большинство из нас теряет способность самовыражаться с помощью изобразительных средств рисунка и живописи. И вот здесь выступает на первый план личность педагога-художника или художника-педагога. Сможет ли он увлечь, «заразить», предугадать, удержать и погрузить в атмосферу художественного творчества маленькую личность, и сделать так, чтобы ребенок почувствовал себя причастным к великому Миру Живописи.

Двадцать восемь лет назад в подмосковном городе Воскресенске родилась изостудия «Карандаш», на долгие годы ставшая удивительным и добрым миром творчества для многих детей и взрослых…

Художники-педагоги
Светлана Мосева (Катасонова)
и Ольга Катасонова

Задумана она была художником и педагогом Ольгой Юрьевной Катасоновой как домашняя школа рисования для соседских ребятишек, не справлявшихся на уроках ИЗО в общеобразовательной школе.

Своё название студия получила в честь доброго клоуна Карандаша, который выступал с собакой Кляксой – ведь занятия в ней проводились в весёлой игровой форме: со сказками, песнями и увлекательными путешествиями в историю родной стороны и далёких краёв.

В 1994 году директор Дворца Культуры «Химик» Алла Георгиевна Орлова пригласила деятельного художника-педагога Ольгу Катасонову трудиться в стенах знаменитого в городе Дворца. Так, из маленькой мастерской художника, «Карандаш» вырос в художественную студию изобразительного искусства для детей и взрослых.

Сегодня здесь работает уже двое преподавателей. Творческую династию продолжает дочь Ольги Юрьевны – Светлана. Работая вместе, два педагога удачно дополняют друг друга, образуя интересный творческий тандем. Увлечённость изобразительным искусством, творческий подход к любимому делу носит в этой семье преемственный характер.

Ещё дед – Александр Михайлович Лещёв, столярничая, вырезал из оставшихся чурочек удивительные «безделушки»: лошадок, орлов, солдатиков, тележек и дарил детям – послевоенное детство тяжёлое, а тут столько радости ребятишкам.

Его дочь – Лидия Александровна, получив профессию шеф-повара, всегда с большой любовью и

Абрамочкина Маргарита. 14 лет. Дождь в моем городе

ревностью относилась к эстетической части своей работы: украшение выпечки, салатов, оформление столов и зала обычной советской столовой – чтобы всё радовало глаз посетителей.

Ярким огоньком разгорелся художественный талант и во внучке Александра Михайловича – Ольге. На одарённость девочки обратили внимание воспитательницы детского садика. Будучи сами творческими натурами и большими мастерицами на удивительные поделки с воспитанниками, они стали для Оли первыми проводниками в волшебный мир изобразительного творчества.

После окончания детской художественной школы Ольга продолжила профессиональное художественное и педагогическое обучение в Государственном педагогическом институте.

Годы работы молодого специалиста в общеобразовательных школах отточили полученные навыки, научили выдержке, выработали креативный подход к подаче учебного материала. Собственные дети Ольги Юрьевны, в буквальном смысле, подрастали на уроках у мамы. Младший сын Максим, в последствие получивший профессию ветеринара, в свободное от любимой работы время развивается как фотохудожник. Старшая дочь Светлана стала достойной преемницей и продолжательницей дела мамы. И если Ольга Юрьевна, с детства мечтала стать художником, то мечтой Светланы Олеговны была именно профессия педагога.

Ольга Катасонова. Ночной Воскресенск. 2020 г.

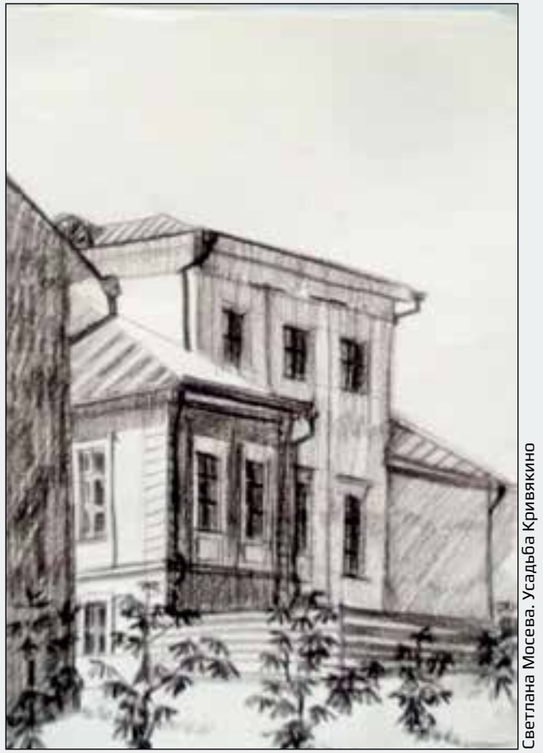
Наблюдая с малых лет за уроками матери, Светлана исподволь освоила программу и переняла подход к преподаванию. Помогая маме в подготовке к урокам, она с детства научилась замешивать грунты для бумаги, сгибать каркасы, оформлять рисунки в паспарту, расставлять и регулировать мольберты для работы. Поздними вечерами они вместе оформляли и развешивали выставки. Всё детство Светланы прошло среди кистей и красок, в художественных мастерских и в пленэрных походах, в компании товарищей, объединённых общим интересом с учениками Ольги Юрьевны.

В 2008 году Светлана окончила в МГОУ факультет ИЗО и НР, с дополнительной специализацией «Портретная живопись». Проработав некоторое время одновременно в изостудии «Карандаш» при ДК «Химик», преподавателем в ДШИ «Лира» и в ДШИ № 3, приглашённым специалистом в детском саду, Светлана Олеговна осознала недостаточность своих компетенций для более продуктивной работы с разновозрастной аудиторией и в 2015 году получила специальность психолога, окончив факультет психологии МГОСГИ.

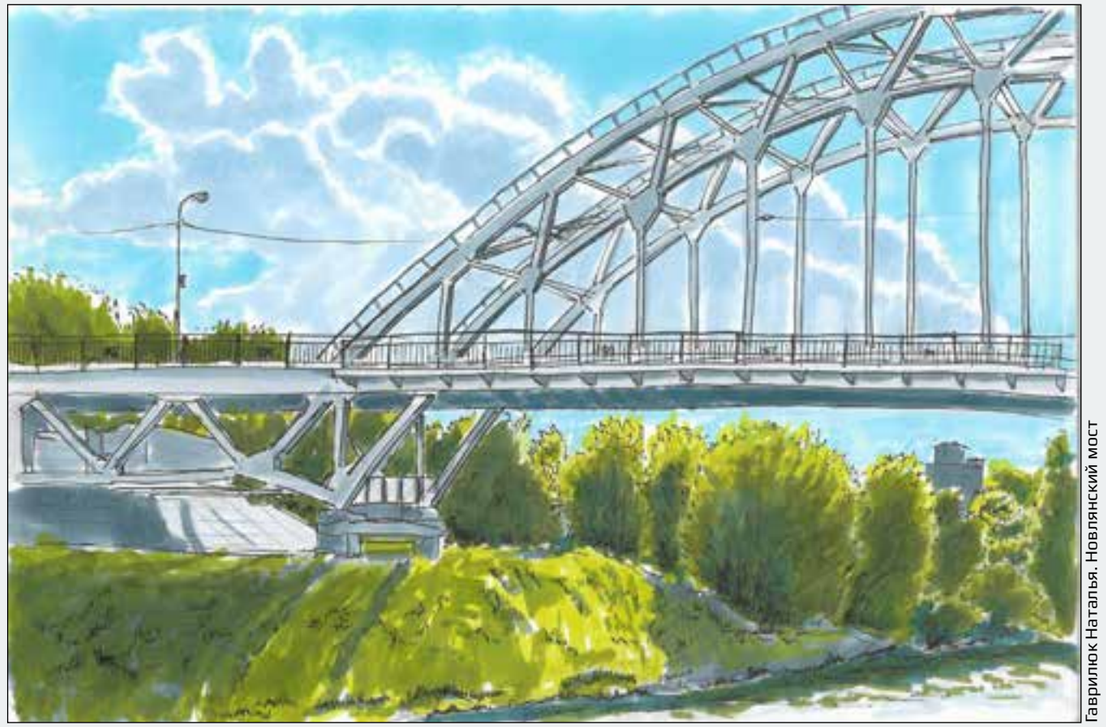
По словам педагогов, любое творческое задание, формирующее художественный вкус, должно быть связано с жизнью. Поэтому они постоянно приобщают своих учеников к природе, развивают умение наблюдать ее во всем разнообразии. Изучают листья и цветы, бабочек и жучков, открывая для себя их естественную красоту. И совершенство этих маленьких существ и предметов помогает лучше разглядеть красоту большого мира.

Выход на этюды в родной город, зарисовки с натуры улиц, переулков, дворов, зданий, дает ощущение причастности не только к современной жизни округа, но и его истории. Прежде чем писать тот или иной уголок нашего края, учителя рассказывают своим воспитанникам о его прошлом, о людях, живших здесь столетия назад, о событиях, происходивших на этой земле. Этюды и наброски, сделанные во время этих уроков, впоследствии служат основой для творческих композиций.

А еще, перед тем как сесть за мольберты, студийцы обязательно слушают рассказы преподавателей о языке искусства, о мастерах рисунка и живописи, смотрят книги, репродукции, обсуждают работы. Учителя тактично внушают – без развитого

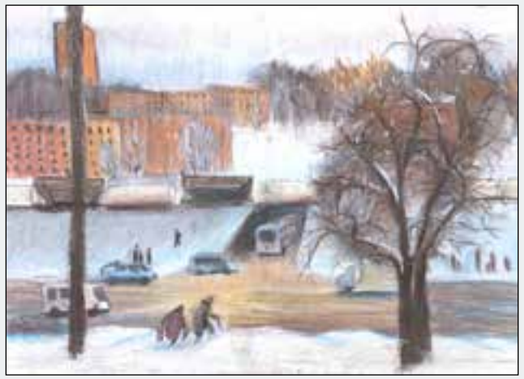
Светлана Мосева. Усадьба Кривякино

Гаврилюк Наталья. Новлянский мост

Гаврилюк Наталья. Усадебный парк

Строкина Настя. 12 лет.
Воскресенск. Станция Замоскворецкая

Катасонова Ольга.
Вид на храм Иоанна-Златоуста 1989 г.

творческого и логического мышления рассчитывать на успех трудно: ведь в искусстве, как и в науке, успех – результат самостоятельной мыслительной деятельности. Поэтому и творческие работы учеников удивляют зрителей своей яркостью, индивидуальностью сюжетов, техническим разнообразием, смелостью и мастерством.

Да, педагоги умеют вселить в учеников уверенность в своих силах, основанную на желании трудиться, узнавать и создавать новое. Они стараются вовремя дать нужные знания и навыки, снабдить необходимой грамотой рисунка и живописи, чтобы учащиеся не разочаровались в своих возможностях из-за неумения выразить задуманное.

В 2010 году при студии было открыто еще одно отделение, но уже для взрослых людей, которые почувствовали потребность в художественном творчестве. Названо это отделение в честь художника Ван Гога – «Винсент». Здесь получают возможность развить свои творческие способности, обрести компанию «единомышленников» многие замечательные воскресенцы. Вдохновляемые своим руководителем, они увлеченно участвуют в ежегодных творческих проектах.

То, что с каждым годом количество желающих обучаться именно в этой студии увеличивается, говорит само за себя. Огромное внимание педагогов уделяется творческой индивидуальности. К каждому воспитаннику, независимо от возраста и степени одаренности Ольга Юрьевна и Светлана Олеговна относятся с большим уважением и любовью, поддерживают в трудную минуту, живут с ними одними радостями и огорчениями. Многие ученики теперь, спустя годы, стали их близкими друзьями.

Бывшие воспитанники Ольги Юрьевны и Светланы Олеговны трудятся в различных сферах: врачи и журналисты, инженеры и педагоги. Но большая часть выпускников продолжает свое профессионально-художественное образование в средне-специальных и высших художественных учебных заведениях. Есть они в Московской художественно-промышленной академии им. С.Г. Строганова, в Гжельском государственном университете на кафедре декоративно-прикладного искусства и дизайна, в Национальном исследовательском строительном университете Москвы и многих других.

Великое достижение труда талантливых педагогов состоит и в том, что их выпускники теперь сами работают преподавателями художественного творчества в школах искусств, в студиях и кружках нашего города.

Катасонова Ольга. Воскресенск. Индустриальный пейзаж

Рублева Екатерина 14 лет Осенние свадьбы

СЛУЖУ ОТЕЧЕСТВУ

СРЕДИ ВОСЬМИ СЕЛЕНИЙ ВОСКРЕСЕНСКОГО РАЙОНА, УНИЧТОЖЕННЫХ В 1970-Е – 1980-Е ГОДЫ ИЗ-ЗА РАЗРАБОТКИ ФОСФОРИТНЫХ КАРЬЕРОВ, БЫЛА И СТАРИННАЯ ДЕРЕВНЯ КЛИМОВО. КЛИМОВО СНЕСЛИ В 1972 ГОДУ. ПЕРЕД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ В КЛИМОВЕ СТОЯЛО ПОЛТОРАСТА ДВОРОВ. ПРОШЛОЕ ЭТОГО НАСЕЛЁННОГО ПУНКТА ПОДРОБНО РАССМОТРЕНО НАМИ В БОЛЬШОМ ОЧЕРКЕ «КЛИМОВО. ИСТОРИЯ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ДЕРЕВНИ». ЭТОТ ОЧЕРК ОПУБЛИКОВАН В ВОСКРЕСЕНСКОЙ ГАЗЕТЕ «НАШЕ СЛОВО» И В ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОМ АЛЬМАНАХЕ «ГУСЛИЦЫ». ЗДЕСЬ ЧИТАТЕЛЯМ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ОТРЫВОК ИЗ НЕГО, ГДЕ РАССКАЗАНО О КЛИМОВСКОМ УРОЖЕНЦЕ – ГЕРОЕ 1812 ГОДА ГЕНЕРАЛЕ ВАСИЛИИ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ВЯЗЕМСКОМ. ТАКЖЕ, ДОПОЛНЕНО О МЕСТЕ ЕГО ПОГРЕБЕНИЯ.

Эскадра адмирала Сенявина в бою. Картина «Афонское сражение». Худ. А. Боголюбов

ГЕНЕРАЛ ВАСИЛИЙ ВЯЗЕМСКИЙ – ГЕРОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Андрей Фролов,
историк, краевед

В середине XVIII века помещицей в селе Климово Усмерского стана Коломенского уезда числилась генеральша Прасковья Волкова. Ещё при её муже в Климово построили деревянную церковь во имя Рождества Христова. После генеральши Волковой владельцами Климовской вотчины становятся князья Вяземские. По данным Экономических примечаний 1800 г. «село Климово с пустошми» числится за князьями Александром и Василием Васильевичами Вяземскими. По 5-й ревизии 1795 года в Климове 108 крестьянских дворов, душ 351 мужского пола и 357 – женского, итого 708. *«Село на левом берегу истока безымянного. Церковь во имя Рождества Христова. Церковная земля на левом берегу речки Мощеницы. Земля пещаная и ко урожаю хлеба: ржи и греча способна; покосы худшия, лес дровяной, березовый и осиновый, в котором водятся звери: зайцы и лисицы; птицы: тетерева, соловьи, дрозды и чижи. Крестьяне на оброке, занимаются хлебопашеством, а сверх сего промысел имеют по урожаю в их огороде хмеля, продажей онаго, також в извозах по дорогам. Женщины прядут лен и посконь и ткут холсты».*

Климово на межевой карте Бронницкого уезда

Герой 1812 года

Из двух упомянутых выше климовских совладельцев особого рассказа заслуживает здешний уроженец, герой войны 1812 года генерал-майор князь Василий Васильевич Вяземский (1775-1812). Историк-архивист Сергей Шумихин обратил внимание, исследовал и частично опубликовал его дневники. Дневники (сам князь именовал их «Журнал») хранятся ныне в отделе рукописей РГБ и представляют собой шесть объемных тетрадей, заполненных плохоразборчивым княжеским почерком и выполненными собственноручно иллюстрациями и зарисовками. Кроме того, имеются схемы сражений, которые начертаны твердой рукой чертежника или писаря. Мне тоже довелось читать эти тетради. Благодаря сохранившимся дневникам мы знаем о князе довольно много. Вот что он пишет: *«Родился (я) в 1775 году в декабре месяце в деревне отца моего – селе Климове от Москвы за 90 вёрст. 776, 777, 778, 779, 780-х годов был с моим отцом в городе Тамбове, где отец мой умер. В 1780 году с матерью моею поехал я в вышепомянутую деревню Климово, а оттуда в Москву. 1781 года мать моя была со мною в деревне и потом в Москве».* В 1783 году семилетний княжич отдан учиться в пансион Московского университета, а в следующем 1784-м переведен в частный пансион Дебофа в Москве, где и пробыл 1785 год. В 1788-м умерла его мать, и 12-летний Вася остался круглым

Александр Васильевич Суворов.
Картина художника С. Ефошкина

сиротой. Заботу о мальчике возложила на себя его старшая сестра[1] и ее муж, статский советник Смирнов. С 1787 г. мальчик учился в Горном корпусе, а в 1789 году взят из Горного корпуса и «для окончания наук» отдан в пансион Венденефа. Ну, прямо как в известном романе: «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь».

Далее Вяземский вспоминает: *«Воспитание мое зависело от опекуна моего Смирнова и сестры моей, где я воспитан с великим небрежением и не малейшего попечения обо мне не было.... В 1790 году поступил я в лейб-гвардии Преображенской полк сержантом на службу. С самых малых лет чувствовал я чрезвычайную страсть к военной службе. В детских летах всякой ребенок чувствует некоторую как бы склонность: он беспрерывно играет ружьем, барабаном, палочками – но сие происходит от игрушек, а, входя в лета, страсть его обнаруживается уже у иных – к торговле, у иных к художеству. Но я, вступивши в службу, счел себя совершенно благополучным и радовался, что страсть брата моего к лошадям и более к голубям – пустая страсть!*

Но сия пустая страсть отвратила его от службы или лучше сказать с пути к чести, а как я выше сказал о худом за нами смотрении и о непопечении о нас, тоже самое и брата моего довело до обращения с подобными охотниками животных. Я же торжествовал, когда достанется он мне в караул и идти за брата .... Нес я службу как за брата моего, так и за других, с великой охотой.

1792-го году в июле месяце отпущен я от полку в отпуск и с братом и опекуном нашим статскими советником Смирновым; отправлены были мы в деревни для обозрения нашего имения. Я был тогда еще в таких летах, в которых уже волнуется кровь при всяком взгляде на девушку – в доме зятя моего была подлого рождения, но благородной мысли прекрасная М....».

В том же 1792 г. 17-летний Василий Вяземский в качестве ординарца, а затем и одного из адъютантов А.В. Суворова совершает свои первые походы, привыкая к тяготам кочевой жизни, которую суждено ему было отныне вести до конца дней. *«В декабре 1792 года открыл мне путь к щастью Герой Суворов, – вспоминал Вяземский. – (Он) был тогда генерал-аншефом, и подполковник Преображенского полка потребовал ему 2-х ординарцев. Спросили охотников – явилось их мало, ибо разглашено по гвардии было о странности жизни сего Героя, а особливо, когда надобно было оставить роскошную столицу и ехать в степи. Назначенные двое заболели, потом другие двое, не вынеся трудов, просились опять в полк. Тогда бедный дворянин Страхов и я искали быть ординарцами. Нас приняли».*

С. Шумихин о Вяземском

О дальнейшей службе нашего земляка рассказывает исследователь его дневников историк-архивист Сергей Шумихин:

«Находясь при Суворове, Вяземский получил боевое крещение в Польском походе 1794 г., участвовал в штурме и взятии Варшавы (имеется в виду штурм варшавского предместья Прага. – А.Ф.). Указом Екатерины II он «за отличность противу мятежников польских», как было сказано в рескрипте, был повышен в звании на два чина против обычного производства, став премьер-майором... Служба в армии вначале пошла вполне успешно. К 1803 г. Вяземский уже командует 13-м егерским полком; в этом же году 28-летний полковник получает генерал-майорский чин. Вместе со своим полком он отправляется в 1804 г. морем из Одессы в Ионическую республику, на остров Корфу, где в то время концентрируются значительные русские силы. Здесь, командуя авангардом войск Третьей антифранцузской коалиции, Вяземский совершает поход в Неаполитанское королевство. Это была бескровная операция, больше напоминающая увеселительную прогулку по прекрасной Италии; однако, после прибытия в воды Адриатики эскадры адмирала Д.Н. Сенявина, события приобретают иной оборот. Вяземский некоторое время исполнял обязанности главнокомандующего всеми приданными эскадре сухопутными силами и принимал участие во всех крупных сражениях, ключевым из которых явилась битва под Новой Рагузой (современный Дубровник в Югославии), когда русские егеря, соединенные с отрядами черногорских добровольцев, наголову разбили превосходящие силы французского генерала Лористона. (В этом сражении 4700 русских солдат и черногорских добровольцев противостояли 7000 французам. Противник был разбит и загнан в крепость. Французы потеряли 19 офицеров и 900 солдат, около 100 человек было взято в плен. Наши потери: убиты 1 офицер и 16 рядовых, ранено 3 офицера и 30 рядовых, убито и ранено около 100 черногорцев. – А.Ф.)

Однако военные успехи русского оружия не были закреплены, ибо после Аустерлицкого поражения Александр I, согласно условиям Тильзитского мира, вынужден был отказаться от всех блестящих побед в Адриатике. Эскадра Сенявина ушла морем, а сухопутные войска, в том числе и полк Вяземского, были эвакуированы с Адриатического побережья и из Ионической республики. Вновь находясь в составе авангарда, Вяземский пересек с юга на север весь Апеннинский полуостров, для того чтобы присоединиться со своим полком к Молдавской армии и принять участие в русско-турецкой войне. Во время этого похода 1 декабря 1807 г. в итальянском городе Падуе Вяземскому довелось видеть Бонапарта и удостоиться 10-минутного разговора с императором Франции.

В марте 1812 г., в связи с концентрацией в Варшавском герцогстве крупных соединений французских и австрийских войск, часть Молдавской армии, в том числе и егерский полк Вяземского, были переброшены на Волынь. Здесь из этих частей была сформирована 3-я Западная армия под командованием А.П. Тормасова. Вяземский находился в её составе, когда пришло известие о заключении мира с Оттоманской Портой. Здесь же, близ западных границ России и, по странному стечению обстоятельств, в тех же местах, где он когда-то, находясь рядом с Суворовым, принял участие в своих первых сражениях, Вяземский встретил начало Отечественной войны. (В начале войны Вяземской командовал пехотной бригадой. – А.Ф.) В сентябре 1812 г. 3-я Западная армия объединилась с прибывшей для ее подкрепления с юга Дунайской армией, и общее командование принял адмирал П.В. Чичагов. Бои шли преимущественно с союзными Франции австрийскими войсками; когда же «Великая армия» Наполеона двинулась из Москвы к западным границам, преследуемая армией Кутузова, части 3-й Западной армии, отрезали ей пути к отступлению. Русскими был взят Минск; после этого последним важным стратегическим пунктом на пути отступавшей французской армии перед рекой Березиной оставался город Борисов. К городу рвались с трех сторон французские части, союзные

Дубровник. Место ратной славы В.В. Вяземского.

им польские легионы под командованием генерала Домбровского и авангард армии Чичагова. Борисов несколько раз переходил из рук в руки; сражение за город было последней крупной битвой Отечественной войны 1812 г. на территории России. Прозвучавшие впоследствии обвинения в адрес адмирала Чичагова, что он из-за своей нераспорядительности и нерешительности позволил большой части французской армии переправиться через Березину и уйти от преследования, ни в коей мере не могут умалить героизма русских войск при штурме

[1] *Старшая сестра В.В. Вяземского Ева-Александра родилась в 1771 г. в сельце Кудаево Серпуховского уезда. Будучи 79 лет от роду она написала воспоминания, которые позднее опубликованы в журнале «Русская старина» в № 10 за 1883 год. Речь там идет в основном про её деда – Данилу Яковлевича Земского и его родню. Д.Я. Земсков был одним из «птенцов гнезда Петрова». Петр I посылал его учиться мануфактурному делу в Голландию, а позднее сделал его владельцем шелкоткацкой мануфактуры. Со своими товарами тот ездил торговать в Персию.*

Борисова. Вновь командуя авангардом, Вяземский был тяжело ранен. Около месяца провел он в лазарете. Спасти его жизнь не удалось, и 5 декабря 1812 г. Вяземский умер от полученных ранений [2].

Таков краткий очерк жизни 37-летнего генерала, участника нескольких войн, которые вела Россия на изломе XVIII и в начале XIX в. Однако по причинам, которые остаются до конца невыясненными, генерал-майор Вяземский – личность в русской военной истории почти совершенно неизвестная. Если в записках участников похода эскадры Д. Н. Сенявина (В.Б. Броневского, Г.М. Мельникова, П.П. Свиньина) или же участников и историков русско-турецкой войны (таких, как генерала А.Ф. Ланжерона, А.И. Михайловского-Данилевского, А.Н. Петрова) упоминания о Вяземском и его 13-м егерском полке еще встречаются, то в литературе о войне 1812 г. имя этого генерала можно найти лишь в сводных списках генералов 3-й Западной армии и в расписаниях войск – более о нем ни слова ни у современников событий, ни у позднейших историков.

Не попал портрет Вяземского и в «Военную галерею 1812 года». Напомним, что галерея была задумана как собрание портретов всех генералов, участвовавших в военных действиях в кампаниях 1812 –1814 гг. Однако из-за несовершенной организации в списках, которые составлялись Генеральным штабом, были пропущены около 70 боевых генералов (большинство из них, подобно Вяземскому, воевали в армии Тормасова-Чичагова или же в ополченских частях). ....

Поэтому главным источником для воссоздания основных вех биографии В. В. Вяземского послужил его собственный «Журнал» – многотомный дневник, который велся князем с 1803 до ноября 1812 г., а также его формулярный список, позволивший уточнить датировку некоторых событий.

«Журнал» Вяземского – это шесть переплетенных в кожу тетрадей общим объемом около 880 листов; пять тетрадей форматом в лист писчей бумаги, одна – в поллиста. Записи сделаны черными чернилами на голубоватой или белой бумаге с водяными знаками, позволяющими датировать ее первым десятилетием XIX в. Начав свой «Журнал» перед тем, как отправиться вместе с полком на остров Корфу, Вяземский предварил его несколькими страницами мемуарного характера, где в сжатом виде описал свою прежнюю жизнь, начало службы в Преображенском полку, Польский поход. В дальнейшем «Журнал» сопутствовал князю во всех его переездах и переходах. Записи часто делались в походной обстановке, кое-где на внутренней стороне переплета заметны следы от бывшей там когда-то плесени, некоторые страницы подпорчены водой, но в целом сохранился «Журнал» хорошо.

Генерал Карл Осипович Ламберт.

Очень скоро «Журнал», начатый как личный дневник, приобрел черты военно-походного журнала, т. е. документа, который Вяземский мог бы использовать и для своих служебных и командирских надобностей. На его страницах, наряду с зарисованными Вяземским экзотическими растениями, животными, изображениями развалин античных крепостей, появляются выполненные рукой писаря карты боевых действий и передвижений 13-го егерского полка; так же рукой писаря в «Журнал» вносятся копии приказов по армии, диспозиции войск и другой официальный материал.

Содержание «Журнала» весьма разнообразно. Записи Вяземского во многих случаях по-новому освещают известные из истории эпизоды, а иногда являются единственным источником информации о событиях, представляющих исторический интерес. В первую очередь это относится к описаниям сражений, участником которых был Вяземский. Важен «Журнал» и как источник для изучения мировоззрения того слоя русского общества, к которому принадлежал Вяземский. Читая его рассуждения о политических событиях, о Екатерине II и Павле I, об отношении к князю двора и лично Александра I, об Аракчееве, об иностранных монархиях и республиках, жизнь которых он наблюдает, вспоминаешь, что по своему возрасту, по своему кругу общения князь принадлежал к прототипам героев эпопеи «Война и мир». ....

Военные сюжеты – далеко не единственная тема, затронутая Вяземским в дневнике. На страницах «Журнала» отразились увлечения князя театром и оперой. Литературные интересы выразились в упоминании о чтении книг Гельвеция и Руссо. О культурном уровне Вяземского свидетельствует свободное владение французским и итальянским языками, знание латыни. В описании островов Ионического моря, впервые увиденных берегов Греции и Турции автор «Журнала» демонстрирует недурное знание древней истории и мифологии. Описано посещение Вяземским с группой офицеров монастыря Монте-Кассино, где им показали хранившуюся в особой комнате в специальной нише одну из мадонн кисти Рафаэля. Вяземский о своем впечатлении сказал так: *«Встаньте, встаньте, все писатели с того света, встаньте! Вот вам пук перьев, опишите эту картину. Вы не берётесь? Ну, так мне ли же её описывать»*. Рассказано на страницах «Журнала» и об осмотре развалин Помпеи, восхождении на Везувий и многом другом. ....

Можно остановиться на некоторых чертах психологического портрета Вяземского, в чём-то очень характерных для того полного противоречий, переломного времени, когда он жил. С одной стороны – перед нами хорошо образованный человек, проявляющий в духе Вольтера и Монтескье известную широту взглядов. Например, католические священники и монахи именуются в «Журнале» не иначе, как тунеядцами, о коренных обитателях Корфу Вяземский пишет: *«Чернь честна и благородна, дворяне без чести и характера, но обманывают наружным блеском и богачеством (...) правление замешано всегда в интригах и весьма угнетает народ»*. Князь задумывается о безнравственности войн вообще – рассуждения его по этому поводу достаточно необычны для боевого генерала. По-видимому, Вяземского любили солдаты и недолюбливало начальство – немало строк в дневнике Вяземский посвящает своему «гонению двором», резкой критике Александра I и других, менее высокопоставленных персон. С другой стороны, перед нами – почти «хрестоматийный» помещик конца XVIII – начала XIX в. Он может, например, находясь за тысячи километров от своих деревенек, решать, кого из крепостных пора женить, а кого следует отдать в рекруты. Вот примеры отправляемых старосте подмосковной деревни Кудаево распоряжений, по-военному названных «приказами»: *«Вдовы умершей Аграфены сына Пимона предписываю женить на дочери Андреяна Иванова, девке Аксинье. Если не ближняя родня и поп будет венчать, то безоговорочно отдать, а если в родне и поп венчать не будет, тогда отослать девку в Климово за другого крестьянина, за кого там староста отдаст (...) Крестьянина Луку Иванова отдать в Москву на полгода в смирительный дом, а не исправится и там, то я найду места. Сына Василия Михайлова за чужой лесок высечь больно при всём мире, а с его отца взыскать 25 рублей за несмотрение за сыном и отдать сверх положенного тому, кто пойдёт в рекруты, а если ещё раз хоть щепку чужую возьмёт, то отдать, не спрашивая меня, в солдаты (...)»*.

Изучая дневник Вяземского, можно высказать некоторые предположения по поводу того, отчего после смерти генерала постигло столь долгое официальное забвение. Возможно, что поводом к «гонениям» на Вяземского послужило крайне неудачное командование им колонной егерей при штурме турецкой крепости Браилов в ночь с 19 на 20 апреля 1809 г. Недостаточно подготовленный штурм окончился полной неудачей. Колонна, которой командовал Вяземский, сбилась с пути в темноте, попала в осадный ров и подверглась уничтожающему обстрелу со стороны осажденных турок. В полку Вяземского было потеряно убитыми и ранеными чуть ли не две трети – около 900 солдат и офицеров, и лишь сам Вяземский остался невредимым – по счастливой случайности он один из всего офицерского состава полка не был даже ранен. Всего же потери русской армии во время этой несчастной бойни составили более 2000 человек. В столицу полетели рапорты бездарного главнокомандующего А.А. Прозоровского, который должен был нести полную ответственность за неудачный штурм, но, «желая оправдать себя, клеветал на войска и обвинял подчиненных». Для расследования действий Вяземского и других начальников колонн была назначена специальная комиссия, которая не

[2] *Согласно метрической записи смерть наступила 3 декабря 1812 года. См. ниже..*

установила за ними какой-либо вины. Однако, зная злопамятность Александра I и опираясь на некоторые намеки в «Журнале», можно предположить, что эта военная неудача перечеркнула прошлые боевые заслуги Вяземского и тёмным пятном легла даже на его посмертную репутацию. Однако все это остается только предположениями, ибо формулярный список Вяземского, каких-либо официально зафиксированных следов опалы или наложенных на князя взысканий не сохранил. ....

Исторически сложилось так, что боевые действия 3-й Западной армии (во время Отечественной войны 1812 г. – А.Ф.) изучены менее подробно, чем 1-й Западной (которой командовал Барклай-де-Толли, затем Кутузов) или 2-й Западной (под командованием П.И. Багратиона). В то же время 3-я Западная армия, ведя фланговые бои, оттянула на себя до 115 тысяч неприятельских войск и существенно влияла на общий ход войны. После того как 15 (27) июля 1812 г. у Кобрина был разбит саксонский корпус под командованием Ж. Ренье (Вяземский описал это сражение в «Журнале»), основные действия развернулись против австрийского корпуса К. Шварценберга. Вяземский, очевидец и участник боевых действий, рассказывает в своем дневнике о бесконечном маневрировании войск по лесам и болотам западных областей; в то же время крупные прямые столкновения воюющих сторон были относительно редки. Марши изматывали русскую армию (как, вероятно, и противника) едва ли не больше, чем бои, стычки и атаки; в «Журнале» упоминаются и павшие лошади, и солдаты, умершие (!) на марше от усталости. То обстоятельство, что польское население областей, где проходили военные действия 3-й армии, преимущественно было настроено враждебно по отношению к царскому правительству, видя в Наполеоне своего освободителя, наложило на эти действия своеобразный отпечаток, который Вяземский не мог не заметить и по мере сил передал на страницах своего дневника.

Любопытны отклики Вяземского на действия Главного штаба и Кутузова (в частности, на тактику отступления и оставление Москвы французам), попытки политических и исторических прогнозов о судьбах России. Обращает на себя внимание оценка влияния Аракчеева на события 1812 г. и непосредственно на Александра I (оценка, разумеется, отрицательная, ибо в ненависти к временщику все слои общества были на редкость единодушны).

Как известно, ряд проблем и частных вопросов в истории Отечественной войны (вроде пожара Москвы) остаются еще недостаточно изученными либо запутанными. Можно сказать, что последняя крупная битва 1812 г. на территории России – штурм и взятие Борисова также исследована историками еще недостаточно. Известно, что командующий авангардом армии Чичагова генерал К.О. Ламберт был при штурме ранен; в авангарде находился и отряд Вяземского, однако свидетельств о том, что он принял командование, не осталось, хотя это надлежало сделать именно ему (может быть, был ранен тут же или даже раньше, чем Ламберт?). Борисов в конце концов был взят отрядом под командованием корпусного командира генерала графа А.Ф. Ланжерона. Последняя запись в «Журнале» рукой Вяземского сделана 8 ноября 1812 г.; ниже выставлено число «9», но записать что-нибудь под этим числом Вяземский уже не успел....». Конец цитаты.

Таковы собранные свидетельства о князе Василии Васильевиче Вяземском. К моменту своего смертельного ранения наш земляк исполнял обязанности начальника 15-й пехотной дивизии. На сегодняшний день это единственный документально установленный уроженец селений будущего Воскресенского района, ставший генералом и героем войны 12-го года.

Чтобы читатель имел хоть какое-то представление о мыслях Вяземского, не могу удержаться и не привести коротенькой цитаты из его дневника: *«Артисты чрезвычайно умножились, хлебопашцы уменшены. ... Граждане познали роскошь, чернь не верит чудотворным, духовенство распутно, учёные привыкли мешатся в придворные интриги, привыкли брать болшое жалованье, – истинных патриотов мало, а кто и оказался, так поздно; просвящение распространено и на лакея, а захочет ли просвящённой служить, не имея сам слуг? Множество училищей, но мало хорошего, настоящего, ндравственного училища. Сии как бутто для того, чтоб в них выучивались читать на чужих языках всю развратность и всё то, что разрушает общею связь. – Столицы привыкли к роскоши, привыкли ко всему иностранному, введены в них сибаритские обычаи, порокам даны другие названия, и они уже не есть пороки: игрок назван нужным в обществе, лжец – приятным в собрании, пьяница – настоящим англичанином, курва – светскою и любезною женщиною. Характер русских теперь составлен из характеров всех наций: из французской лживости, гишпанской гордости, италианской распутности, греческой ехидности, иудейской интересности, – а старой характер русской называется мизантропиею, нелюдимостью и даже свинством. Пусть мущины обратятся к своим должностям, наши женщины им соревнуют и будут знать должности: матери, хозяйки, жены, – лишь толко изгони проклятую методу жене мешатся в дела мужа и любовницу велможи (начни) называть курвою тайного канцлера, а не Аксиньею Антоновной, Марьею Ивановной, etc, etc»*. Эти строки писаны 30 августа 1812 года, на четвертый день после Бородинской битвы, но, насколько, же они злободневны!

Забытая могила

Сравнительно недавно – в 2019 году один из исследователей истории из Белоруси по имени Михаил обнаружил в местных метрических книгах запись о смерти и погребении князя Василия Васильевича Вяземского. Об этом Михаил (фамилия его, к сожалению, мне неизвестна) написал в Интернете на форуме по генеалогии и краеведению Вилейского уезда [3]. Тяжело раненый генерал скончался 3 декабря 1812 года в местечке Илья к северу от Минска и был погребен на следующий день в Никольском приделе греко-католической церкви святого Ильи в указанном местечке. Ныне, Илья – одноимённый агрогородок в Вилейском районе Минской области Беларуси. Вот эта запись (перевод на русский исследователя Михаила):

«Года 1812 месяца декабря 3 дня.

По принятию святых таинств исповеди и причастия ушёл из этого мира в местечке Илья Его Благородие Князь Его милость Василий Вязимский, Генерал Майор, шеф 13 Егерского Полка,

дня 4-го того же месяца декабря, его тело погребено в Ильской (так!) Церкви под титулом Св. пророка Ильи при алтаре Св. Николая по приказу Его Высокопревосходительства Генерал Майора Падейского, шефа Козловского полка, и адъютантов покойного – Коновальского и Литвинова, в имении Ясновельможной Панны Каролины Володковичовой, Маршалковой Губернской Минской, с Её ведома, при военной помощи и при собравшихся – Преподобных Петре Лавецком, Администраторе церкви Костыцкой, Габриэле Лесневском, Администраторе церкви Старинской и Йозефе Боровском, помощнике настоятеля Ильского костёла.

Местечко Илья на карте 1800 г.

Свидетельствует ксёндз Базыль Радзивинович Администратор Церкви Ильской»[4] .

Администратор – это, видимо, настоятель храма. Таким образом, после рокового боя в начале ноября раненый ещё почти месяц боролся со смертью. 3 декабря генерал умер. Умер он, согласно записи в метрической книге, в местечке Илья, которое состояло во владении помещицы Каролины Володкович на похоронах не отмечено.

Впоследствии деревянный униатский Ильинский храм в местечке Илья был утрачен вместе с могилой генерала Вяземского. Так проходит мирская слава...

От нашего земляка не осталось даже могилы, не уцелел его портрет, но остались свидетельства его ратной славы, а также «Журнал» – замечательный источник о жизни самого генерала и событиях вокруг него. Эти тексты до сих пор целиком не опубликованы. Увидела свет пока лишь часть записок – посвящённая событиям войны 1812 года.

[3] *http://vilejski-uezd.by/threads/knjaz-vasilij-vasilevich-vjazemskij.1430/*

[4] *Литовский государственный исторический архив, фонд 634, опись 4, дело 44, лист 9 (оборот).*

80-летию со дня начала Великой Отечественной войны посвящается...

ВОСКРЕСЕНСК В 1941 ГОДУ

Галина Васильчук,
главный хранитель фондов отдела краеведения Центральной библиотеки городского округа Воскресенск,
член Союза писателей России

ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО НАД НАРОДНОЙ ПАМЯТЬЮ. И ХОТЯ ВОЙНА ВСЕ ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ УХОДИТ В ПРОШЛОЕ, ПОТОМКИ ВСЕГДА БУДУТ ЧТИТЬ ПАМЯТЬ ТЕХ, КТО ОТДАЛ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗА РОДИНУ И КТО КОВАЛ ПОБЕДУ В ТЫЛУ.

Медперсонал госпиталя 28-29

В Воскресенском крае нет семьи, которая не участвовала бы в войне, не принесла своих жертв. У всех разные судьбы, разные воспоминания, но один день был у всех общий, общий день беды – 22 июня.

Последняя мирная суббота 21 июня 1941 года. Разгар лета, тепло. В городском парке играет оркестр, работает лодочная станция, открыты буфеты. Слышны удары по мячу – молодежь играет в волейбол. Выпускники отмечают окончание школы, строят планы на будущее. Быстро пролетает самая короткая ночь в году. А на следующее утро у горкома партии, возле которого возвышался столб с репродуктором, воскресенцы узнали о нападении фашистов на нашу страну.

В первые дни войны Воскресенским и Виноградовским райвоенкоматами (тогда, до 1958 года, существовало два отдельных района) были призваны и героически воевали на всех фронтах более 30 тысяч человек. Сотни ушли добровольцами в ополчение.

3 июля 1941 года на многолюдном митинге коллектива Воскресенского химического комбината председатель заводского комитета профсоюза Салтыков заявил: «Одиннадцать дней прошло, как Гитлер, нарушив международное право, протянул свои кровавые лапы к нашим священным рубежам. Это разбойничье нападение гневом и возмущением наполнило сердца всех трудящихся, взрослых и детей. Товарищи! Я иду добровольно в ряды нашей доблестной Красной Армии. Я даю вам честное слово большевика и гражданина в том, что буду мужественно и храбро защищать свою священную Родину. Вы, оставаясь на производстве, работайте самоотверженно и честно». Подобные слова можно было услышать и на других собраниях рабочих промышленных предприятий и колхозников. Оставшиеся в тылу старики, женщины и подростки заменили у станков, на лесозаготовках, стройках, за рулем трактора и штурвалом комбайна ушедших на фронт отцов, мужей, братьев.

Спокойный город химиков, никогда до того не слышавший разрывов снарядов и воя авиационных бомб, с первых месяцев войны огласился гулом вражеских самолетов. Фронт приближался к Москве. Через деревни Ильино, Елкино, поселок Хорлово перегоняли колхозный скот из западных районов в сторону Владимирской области. Особое значение в трудные первые месяцы войны обрела для всей

А.С.Филин рабочий цеха оборонной продукции. Погиб в 1942 г.

Елагин Григорий Яковлевич

страны Московско-Казанская железная дорога. Станция Воскресенск стала важным перевалочным пунктом с одной стороны для промышленных предприятий, эвакуированных с временно оккупированной фашистами территории, с другой – для пропуска без задержки эшелонов с войсками, орудиями, снарядами, направлявшимися на фронт с Востока – из Сибири и Урала.

Самолеты фашистов пролетали через Воскресенск со стороны Каширы, направляясь бомбить Горький и Ярославль. Подвергались бомбежке и наши станции – Воскресенск, Фаустово, Виноградово, деревня Цыбино.

Станция Воскресенск для гитлеровского командования была воротами на Восток. Они старались

Комиссар Шилов

Силаев Пётр Андреевич

Хлюхлин Иван Васильевич

самолетами с воздуха разрушить важный в стратегическом отношении железнодорожный узел, чтобы заблокировать вывоз продукции и подвоз сырья. В городе все чаще объявляли воздушную тревогу. Немецкие самолеты регулярно наведывались к городу, причем с немецкой педантичностью – всегда в одно и то же время, в 10 часов утра.

Особенно массированным был налет на станцию Воскресенск 16 ноября 1941 года. Вражеские летчики сбросили 30 бомб, каждая весом 500 кг. Из них разорвалось три бомбы, в результате было уничтожено два дома близ станции, погибли семь человек. 27 неразорвавшихся бомб лежало между путями.

Химический комбинат немцы не бомбили – хотели взять его целым и использовать в своих интересах. Дело в том, что вся химическая технология на комбинате была в основном немецкой, аппараты и реакторы – немецкой конструкции, об этом фашисты были прекрасно осведомлены.

На химкомбинате появились воинские части и подразделения. Штаб одной из таких частей разместился в здании заводоуправления. Большинство абонентов телефонной станции комбината было переключено на этот штаб и объекты гражданской обороны.

На территории города и района вдоль берега Москвы-реки рылись окопы, противотанковые рвы, создавались узлы сопротивления.

В первые же месяцы войны был организован Воскресенский истребительный батальон, задачей которого (в случае необходимости) была борьба с вражескими парашютистами, диверсантами, лазутчиками. Возглавлял его старший лейтенант Иван Васильевич Хлюхлин. Вскоре после создания батальона его бойцы получили боевое крещение. Произошло это на станции Воскресенск. 2 декабря 1941 года в 23 часа 45 минут неожиданно появился вражеский самолет и на бреющем полете сбросил зажигательные бомбы. В это время на станции находились сотни вагонов, среди которых были и с боеприпасами. Благодаря мужеству бойцов истребительного батальона из 54 вагонов 44 вагона было спасено.

Участвовал батальон и в сложных боевых операциях. Осенью 1941 года в лесной массив Звенигородского района был сброшен вражеский десант.

В составе сводных истребительных частей бойцы воскресенского батальона двое суток прочесывали лес и задержали несколько вражеских десантников. Особо отличились во время этой операции Куренев, Хомутов, Ильин, Максимов, братья Рудницкие и братья Филины.

В ноябре 1941 года 12 бойцов Воскресенского истребительного батальона приняли участие в Угодско-Заводской диверсионной операции по уничтожению штаба армейского корпуса немцев, об удачном завершении которой сообщалось в сводке Совинформбюро 29 ноября 1941 года.

Группа бойцов из 45 воскресенцев во главе с командиром взвода А.С. Филиным и комиссаром Шиловым влилась в войска народного ополчения и участвовала в битве за Москву.

В трудные 1941-1942 годы 150 бойцов батальона два месяца работали на добыче торфа для Шатурской электростанции. Выполняли бойцы и операции по поимке дезертиров и грабителей.

В крупных населенных пунктах появились отряды самозащиты. Вооружение бойцов в таких отрядах состояло из винтовок и бутылок с горючей смесью. Они несли охрану промышленных объектов, дежурили на железнодорожных станциях. В селениях Петровское, Воскресенское, Осташово создавались посты наблюдения за вражескими самолетами.

Замотаева
Галина Ивановна

Труженики города и района готовились к партизанской войне. Было организовано 2 партизанских отряда, подготовка бойцов проходила в близлежащих лесах за поселком Хорлово, где разместились опорные партизанские базы. Один партизанский отряд базировался в районе деревни Новочеркасское, другой – в лесах близ поселка имени Цюрупы.

Предприятия района, несмотря на военное время, продолжали работать в полную силу. На смену ушедшим на фронт мужчинам, пришли женщины, старики, подростки. Им приходилось в максимально короткие сроки осваивать аппараты и машины, производственные навыки они получали прямо на рабочих местах. Готовило новые кадры и ремесленное училище № 15.

Слесарь-инструментальщик химического комбината А. Никифорова выразила общий настрой трудящихся: «Мы встанем за любую машину, за любой станок, выполним любую работу, которую выполняли мужчины. Мы еще больше будем вырабатывать продукции и снабдим нашу доблестную Красную Армию всем, что нужно для полного разгрома фашистов».

И это были не просто красивые слова, так было на самом деле. Невиданный трудовой подъем царил на всех предприятиях и в колхозах. Но оскудели деревни мужской силой; женщины, старики, подростки взвалили на свои плечи все колхозные и производственные заботы. В Воскресенском районе десятки женщин прошли курсы трактористов, сотни женщин и подростков заменили в цехах ушедших на фронт мужчин.

Близко, совсем близко была война. Осенью 1941 года орудийные раскаты были слышны в Лопатине, Барановском, Воскресенске. Надо было быть готовыми эвакуировать колхозное имущество, скот в восточные районы страны.

Производство не могло оставаться в условиях военного времени полностью прежним. Необходимо было наладить выпуск продукции, которую ждали на фронте, и такую продукцию стали вырабатывать.

Комбинат «Красный Строитель» выпускал боеприпасы – противотанковые и противопехотные мины в асбоцементных оболочках. До пяти вагонов в день отгружалось этой продукции на оборонительные рубежи.

На фетровой фабрике производство перестроили на выпуск прокладок, фитилей и других изделий. Райком партии предложил организовать выпуск валяной обуви. А сделать это надо было в самые короткие сроки – приближалась зима. На фабрике же не было необходимого количества колодок. Но выход был найден. Около комбината «Красный Строитель» на Москве-реке стояла вмерзшая в лед баржа с дровами, часть которых передали фабрике для изготовления колодок. Вскоре первые 600 пар валенок были готовы, их отправили бойцам на фронт.

Хорловский химический завод выпускал колесную мазь, желатин, жидкое мыло, дубленую кожу для полушубков.

Химический комбинат уже в сентябре выдал первые тонны оборонной продукции. От цеха коллоидно-графитовых препаратов отъезжали вереницы машин, гружённые динамоном (взрывчаткой). Для береговых и флотских артиллерийских батарей комбинат производил маскировочный препарат «пламегаситель», для авиации – «антиобледенитель». В механическом цехе изготавливались детали снарядов гвардейских минометов «Катюша», корпуса ручных гранат-«лимонок», «стойки» – детали для двигателей тракторов и танков, противотанковые ежи и ежи-колючки. На Лопатинском руднике, который входил в систему комбината, были организованы производства по выпуску «кислородных таблеток», обеспечивающей длительное автономное плавание подводных лодок, и сырья для детонаторов (металлического натрия и калия).

Сизов Николай Александрович

Воскресенский завод «Гигант» по решению Государственного Комитета Обороны СССР в 18 часов 22 июня 1941 года был остановлен. Погасли огнедышащие факелы вращающихся печей. В двухдневный срок на основании приказа были рассчитаны все военнообязанные рабочие, служащие и инженерно-технические работники (ИТР) завода, которым предстояло защищать Родину от фашистов. Оставшиеся женщины и мужчины, освобожденные от воинской службы, стали готовить оборудование к консервации. Но уже в июле 1941 года по приказу вышестоящих организаций заводу было поручено освоить выпуск мин противотанкового назначения. В связи с этим на заводе было организовано 3 цеха: 1-й цех – в отделении угольных мельниц, 2-й цех – под печами № 1 и 2, 3-й цех – в сушильном отделении. Работа осуществлялась в 2 смены по 12 часов. Рабочих не хватало, их места занимали подростки от 12 до 16 лет. Многие ребята жили в ближайших деревнях, и взрослым приходилось в зимнее время провожать их, так как они боялись идти домой одни. Шли с факелами и трещотками, чтобы распугать волков, которых в ту пору развелось очень много. Кроме работы на заводе, подростков и женщин посылали на рытье окопов и противотанковых рвов в районе Воскресенска и под Москвой.

Андрес Владимир Вильгельмович

Рабочие хорловской фабрики «Молот и Серп» ходили копать окопы под Неверово, ездили рыть противотанковые рвы к Коломне, устанавливали надолбы, таскали мешки с песком, помогали грузить дрова для фабрики. Чаще всего приходилось это делать после ночных смен, которые бывали не день-два, а несколько недель. В первые дни войны на фабрике были созданы фронтовые бригады, бравшие на себя повышенные обязательства. Заботы о ремонте оборудования, о техническом обслуживании станков, бывшая мужская работа легли на плечи женщин. Работали по 10-12 часов, многие рабочие не уходили домой, особенно те, кто жил в деревнях, ложились спать прямо в цехах.

Работали женщины и в военизированной охране фабрики. В любых условиях, в дождь и снег, в холод и пургу охраняли фабрику, стояли на посту по 5-6 часов.

Предприятия Воскресенского района не теряли связи с фронтом. Кроме выпуска военной продукции наши земляки собирали небольшие, но многочисленные посылки фронтовикам: мыло, табак, конфеты, сухари, бумагу, конверты, зачастую отказывая себе в самом необходимом. В каждую посылку клали теплое письмо неизвестному солдату. Вязали бойцам носки, варежки.

Коллектив цеха Воскресенского химкомбината (начальник М.А. Кочетков), отработав выходной день, отправил 2500 рублей на организацию посылок на фронт. Коллектив другого цеха (начальник Морозов) поддержал почин своих коллег и собрал 1500 рублей добровольных взносов на посылки.

Многие жители района сдавали в фонд обороны свои личные сбережения, труженики тыла брали на себя повышенные обязательства.

Не оставляли фабрично-заводские комитеты без внимания и семьи мобилизованных. Например, с октября по декабрь 1941 года 400 семей мобилизованных работников химкомбината получили материальную помощь и вещи. Предприятия стали большими семьями, где общей была и радость, и беда.

Эвакуация предприятий

1941 год... Как ни старались удержать противника, не допустить его близко к Москве, бойцам Красной Армии не удалось сдержать стремительного продвижения гитлеровцев. Государственный Комитет Обороны принимает решение об эвакуации крупных промышленных предприятий на Восток.

Согласно приказу наркома химической промышленности, в середине октября 1941 года началась эвакуация Воскресенского химического комбината. Не подлежали эвакуации цех коллоидно-графитовых препаратов, механический и вспомогательный цеха, выпускавшие продукцию для фронта.

В октябре-декабре 1941 года комбинат находился под охраной воинской части. Прибыли саперы. Неэвакуированное оборудование и промышленные объекты подлежали минированию. Цеха комбината были подготовлены к взрыву. Выполнение этой нелегкой операции по уничтожению химического гиганта было поручено Петру Андреевичу Силаеву и Петру Сергеевичу Соловьеву. На них возложили контроль за готовностью зарядов. Но взрыв приказано было произвести только в случае отхода наших войсковых частей.

В сложившихся условиях начался демонтаж оборудования цехов: выпускающего боеприпасы, сернокислотного башенного, преципитатного и других. Последним демонтировалось оборудование контактного цеха, где вырабатывался олеум, в котором очень нуждались пороховые заводы. Последний эшелон под погрузку демонтированного оборудования прибыл на комбинат 10 декабря 1941 года. Но уже 6 декабря началось героическое наступление наших войск под Москвой. 14 декабря эвакуация комбината была прекращена. Последний эшелон с оборудованием и людьми, подготовленный к отправке на Урал, был разгружен. Комбинат разминировали, начались восстановительные работы. Первые же эшелоны с оборудованием уходили в Среднюю Азию, в Кувасай, в Новосибирскую область – в Белово, в Красноуральск.

Благодаря мужеству и патриотизму Воскресенских железнодорожников тысячи вагонов были отправлены со станции в глубокий тыл. Таким образом, народнохозяйственные и военные ценности не только не достались врагу, но с первых же недель после эвакуации были использованы на новых местах для выпуска важной стратегической продукции.

На базе оборудования, вывезенного с комбината «Красный Строитель», в городе Беготове Узбекской ССР возник асботрубный завод. Контактные аппараты с Воскресенского химического комбината в очень короткий срок смонтировали на готовых фундаментах Красноуральского химического завода, что помогло решить задачу увеличения выпуска серной кислоты для оборонных заводов.

Врач А.Л.Калинина

Чаще всего эвакуированные работники, отправляясь в дальний путь, не знали тех мест, куда они ехали, что и как они будут делать. Но все понимали: так нужно.

Эшелоны двигались медленно, на некоторых станциях простаивали по несколько дней, так как дорога была перегружена поездами с грузами, направлявшимися на фронт. Начальником эшелона № 1 был назначен Иван Степанович Калинушкин, эшелоном № 2 руководил Михаил Алексеевич Кочетков. Конечный пункт назначения – станция Белово в Западной Сибири – встретил воскресенцев морозами. Всех эвакуированных разместили первоначально в клубе железнодорожников, а потом – по частным квартирам.

Фабрика «Молот и Серп» также готовилась к эвакуации. Необходимо было в короткий срок демонтировать станки, все оборудование, упаковать в ящики и вывезти на станцию Хорлово. Не хватало

Работники химкомбината, награждённые правительственными наградами в годы войны

пиломатериалов и транспортных средств. На стадионе был разобран летний театр, и все доски пошли на упаковку машин. На станции Хорлово стояло 70 вагонов с фабричным оборудованием, ожидая отправки в глубокий тыл. Несколько вагонов с оборудованием было отправлено, но вскоре немецко-фашистские войска были разгромлены под Москвой, и необходимость в эвакуации отпала. В январе 1942 года все оборудование было доставлено обратно и установлено на прежнем месте. После небольшого перерыва фабрика «Молот и Серп» приступила к выпуску продукции – бельтинга.

Весной 1942 года пришло решение о возвращении оборудования химкомбината в Воскресенск.

Их вылечил и приютил Воскресенск

Особое место в военной летописи нашего города занимают страницы, связанные с историей госпиталя, разместившегося в здании школы № 2.

Летом 1941 года в условиях стремительного наступления фашистов в направлении на Москву, ГКО принимает решение о создании сети специальных лечебных учреждений, находящихся на территории Московской области. Согласно этому решению, в городе Воскресенске в здании школы № 2 разместился ГЛР (госпиталь легкораненых) № 28-29. С организацией госпиталя неразрывно связано имя капитана медицинской службы Марии Михайловны Дутовой, именно она была назначена начальником этого госпиталя в июне 1941 года. Вспоминая то время, она с благодарностью отзывалась о тех, кто помогал обустройству госпиталя: «Предприятия и организации города, жители и учащиеся школы оказывали помощь в оснащении госпиталя мебелью, инвентарем, посудой, продуктами. А 18 августа 1941 года поступили первые раненые.» Сутками медицинский персонал работал не покладая рук. Сложность состояла в том, что многие врачи в первые дни войны были направлены на фронт, остались в основном те, у кого были малолетние дети. Как быть, когда почти нет хирургов, не хватает перевязочного материала, испытывается недостаток донорской крови, а в это время из прифронтовых госпиталей все прибывают и прибывают тяжелораненые?.. «Как быть?..» – этот вопрос задавали себе и заведующая хирургическим отделением и станцией переливания крови Клавдия Федоровна Воронцова, и врач А.Л. Калинина, и медсестры С.М. Некрасова, Л.И. Баранова, Е.К. Анурова. Этот вопрос задавали себе все, кто работал в госпитале № 28-29.

Общая беда сплотила людей, заставила их найти в себе силы, чтобы ответить на этот, казалось бы, неразрешимый вопрос.

Медицинский персонал мужественно справлялся со своими обязанностями, многие медики добровольно сдавали кровь для переливания тяжелораненым. Районное общество Красного Креста, возглавляемое Галиной Ивановной Замотаевой, проводило большую работу по развитию донорства среди населения. Районная газета «Коммунист» сообщала: «За период Великой Отечественной войны Смирнова сдала 14 литров крови, Ефремова – 10 литров, Столяров – 5 литров. Все они за спасение жизни многих раненых представлены к награждению знаком «Почетный донор».

Скрасить тяжелую жизнь раненых, поддержать их моральный дух старались не только сотрудники госпиталя, но и юные воскресенцы. Дети приходили в госпиталь ухаживать за ранеными, а также устраивали для них концерты.

Заводская многотиражка как зеркало войны

Многотиражная газета химкомбината «Куйбышевец» на протяжении всей войны была голосом фронта и тыла, голосом Времени. Вот как он звучал:

«Куйбышевец» № 38
от 28 июня 1941 года:
«26 июня заводской комитет профсоюза провел совещание с женами и родственниками мобилизованных в Красную Армию, на защиту отечественных границ от нападков германского фашизма. На совещании обсуждался вопрос о расширении детских учреждений: детских садов, яслей, площадок, чтобы дать возможность матерям работать на производстве».

«Куйбышевец» № 46
от 4 сентября 1941 года:
«Образцово работают бригады слесарей механического цеха… Выполняют по полторы с лишним нормы. Токарей, ушедших на фронт с успехом заменяют женщины, осваивая новую для них профессию.
И. Ильин, заместитель начальника механического цеха».

«Куйбышевец» № 42
от 2 августа 1941 года:
«Граждане! Выполняйте свой долг перед родиной, становитесь в ряды доноров, чтобы спасти жизнь наших доблестных бойцов, героически защищающих нашу родину от стервятников-фашистов.
П. Дубова, врач амбулатории ВХК».

«Куйбышевец» № 39
от 5 июля 1941 года:
Коллектив нашего цеха единодушно решил увеличить рабочий день на 2 часа без дополнительной оплаты. Это позволит нам повысить выпуск продукции и дать дополнительные средства на нужды отечественной войны.
Коллектив цеха суперфосфата».

«Куйбышевец» № 40
от 12 июня 1941 года:
«Еще в начале войны я подала заявление в райвоенкомат с просьбой послать меня на фронт, где я смогу работать в подвижном госпитале, а если нужно будет, то сяду за руль автомашины, так как я окончила курсы шоферов. Я с нетерпением жду того дня, когда меня зачислят в действующую Красную Армию.
Комсомолка М. Горшкова, сернокислотный цех.»

Вместе со всем советским народом десятки тысяч воскресенцев участвовали в боях с врагом на суше, в воздухе и на море. Они стояли насмерть у стен Москвы и Сталинграда, в Крыму и Заполярье, штурмовали Берлин и добивали японских самураев на Дальнем Востоке.

Многие не вернулись с поля боя, но они остались в памяти народной так же, как и те, кто ковал эту Победу в тылу.

** Статья составлена на основе архивных материалов и краеведческого сборника «Город на 55-й параллели» (Воскресенск, 2003)*

Госпиталь в здании школы номер 2

«Я – ЛЕТЧИК-ПОГРАНИЧНИК И ГОРЖУСЬ ЭТИМ ЗВАНИЕМ»

Виктор Неробеев
военный летчик 1-го класса

ВОЕННЫЙ ЛЕТЧИК 1-ГО КЛАССА ВИКТОР НЕРОБЕЕВ ПРОСЛУЖИЛ В АВИАЦИИ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК КГБ СССР 27 ЛЕТ В КАЛЕНДАРНОМ И 43 ГОДА В «ЛЬГОТНОМ» ИСЧИСЛЕНИИ. ЗА ЭТО ВРЕМЯ ОН ПРОВЕЛ В ВОЗДУХЕ 6300 ЧАСОВ, СОВЕРШИЛ БОЛЕЕ 1000 БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ В АФГАНИСТАНЕ. КАРЕЛИЯ, АЗЕРБАЙДЖАН, АРМЕНИЯ, ГРУЗИЯ, КАЗАХСТАН, ПРИМОРЬЕ, АРКТИКА, СРЕДНЯЯ АЗИЯ И АФГАНИСТАН – ЕМУ ПРИХОДИЛОСЬ ПОДНИМАТЬ ВЕРТОЛЕТ НА САМЫХ РАЗНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ШИРОТАХ. НО ОДНО ОСТАВАЛОСЬ ОБЩИМ – ЛЕТАТЬ ПРИХОДИЛОСЬ НА ГРАНИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МАШИНЫ И ЧЕЛОВЕКА.

Инспекторская проверка воркутинской эскадрильи. Воркута. 1978

Виктор Неробеев с женой Надеждой Дмитриевной. 50 лет совместной жизни. 2018.

У каждого летчика путь в авиацию особый. Не стал исключением и я, Виктор Неробеев. Два момента повлияли на мой выбор профессии. Летом у нас в колхозе производилась обработка полей химикатами с самолета Ан-2 и Як-12. Летчики позволяли нам, деревенским ребятишкам посидеть в кабине, а один раз даже подняли в воздух. Восторгу не было предела. Работа пилота, множество приборов, тумблеров, переключателей и рычажков поразили воображение. Возникла мысль, как это все можно запомнить и как сложно. Мы расспрашивали пилотов, как они ими стали, где и как учились, под силу это нам? На ночь самолет стоял в поле, а охранял его мой дедушка. Кабина Як-12 не закрывалась. Однажды я упросил деда взять меня с ним на ночь охранять самолет. Дед отдыхал за самолетом. Я тихонечко забрался в кабину самолета. Внимательно осматривал оборудование кабины. Мое внимание привлек обыкновенный вентиль. Я попробовал его отвернуть. В это время двигатель заурчал, и начали вращаться лопасти винта. Испугавшись, быстро завернул вентиль, не понимая, почему винт стал вращаться. Только когда учился в училище, я понял, что я сделал. Двигатель на таком типе самолетов запускался сжатым воздухом. Дед испугался больше, чем я.

А вот стать летчиком, причем военным, принял решение после встречи с выпускником нашей школы. Он приехал к нам в интернат после того, как его зачислили курсантом военного училища. В красивой военной парадной форме, подтянутый, стройный, он рассказывал нам, как поступил в училище, кем станет по окончанию, условия учебы и службы. Все это, вместе собранное воедино, определило мою дальнейшую судьбу.

Я поступил в Сызранское военное авиационное училище летчиков, которое успешно окончил в 1967 году. В звании лейтенанта получил распределение в Пограничные войска КГБ СССР. Первым местом службы стала Карелия, в должности летчика – штурмана вертолета МИ-4. Со временем вырос до командира экипажа. Проходил службу в Закавказье. После окончания Военно-политической академии имени В.И. Ленина был направлен во Владивосток, на должность замполита эскадрильи.

В те годы на дальнем востоке обстановка на границе была сложной. Приходилось часто летать на охрану границы. Однажды пришлось после известных событий на острове Даманском, лично, по линии МИД СССР выполнить аэрофотосъемку района, куда часто наведывались китайцы.

Следующую главу своей военной биографии, службу в Арктике я считаю интересной и насыщенной. Отдельная Арктическая эскадрилья, где я был заместителем командира, базировалась в Воркуте. Зона ответственности эскадрильи простиралась от мыса Каменный Нос, в Архангельской области до Шмидта на Чукотке, расстояние более 5000 км. Авиаторы части доставляли пограничников и грузы на Землю Франца-Иосифа, острова Колгуев, Вайгач, Средний. В то время я был ведущим летчиком эскадрильи, здесь на мою долю выпало немало полетов в сложных метеоусловиях, с неустойчивой связью и сложной навигацией.

Помимо прочего, моему экипажу пришлось участвовать в обеспечении работы представителей Центра подготовки космонавтов. Отрабатывались действия по поиску и спасению экипажей спускаемых аппаратов, посчастливилось работать с героями космоса – Береговым, Жолобовым и Лазаревым.

Настоящим испытанием в судьбе стал Афганистан. Из северной Воркуты я был переведен в Среднюю Азию на должность начальника политотдела Отдельного полка. Должность не предусматривала обязательного участия в боевых действиях, но это было не в моём характере. Следующие шесть лет во всех операциях пришлось личным примером увлекать своих подчиненных за собой.

Особенно запомнилось 11 мая 1984 года, когда высаживали десант для захвата базы «Анжир». В той операции я был ведущим авиационной группы. Высадка десанта осуществлялась поочередно парами вертолетов. Интервал между парами минутный. При

заходе на площадку стало ясно, парой не сядешь, мало места. Тогда я принял решение, что сам сяду на самый пупок горушки, а ведомый сядет ниже на площадку, прикрытую этим пупком. Когда приступили к высадке десанта, по ведущему противник открыл огонь из крупнокалиберного пулемета ДШК. Взлетать, пока не высадишь десант нельзя, тогда душманы уничтожат не полностью высаженную группу. И только, когда борттехник доложил: «Командир, группа высажена, дверь закрыта», взлетели парой. При взлете сразу отработали парой по работающему ДШК, встали в круг, прикрывая высадку остальными парами. При прилете на базу, борттехник насчитал в борту три пробоины.

В июне 1985 года авиагруппа, возглавляемая комиссаром, на предельно малой высоте сумела подойти к месту сосредоточения крупного отряда моджахедов и нанесла по нему ракетно-бомбовый удар. В результате попадания 250-килограммовой бомбы опорный пункт бандитов был уничтожен. В ходе последующего десантирования авиагруппа угодила под шквальный огонь двух, хорошо замаскированных огневых точек, которые были уничтожены из бортового оружия, что обеспечило в конечном итоге успех всей операции.

Но не всегда тактического мастерства было достаточно. Часто требовалась готовность идти на смертельный риск. Так, при проведении операции «Анжир» в июне 1985 года, было задействовано две авиагруппы от разных авиаполков. В каждой группе было по 8 Ми-8 и 4 Ми-24. Тогда душанбинской группой командовал я, подполковник Неробеев. База боевиков была превосходно оборудована и располагалась в ущелье, напоминающем букву «У». Отвесные склоны ущелья, глубиной метров 400, прицельно простреливались боевиками, так, что к ним было невозможно пробраться безопасно. Внизу подходы к ущелью были заминированы. При

Согласование боевых задач перед вылетом на задание. Афганистан. 1985

высадке первого десанта Авиагруппа Марийского полка попала под шквальный огонь противника и на земле, в момент высадки потеряла 2 борта. Экипажи живы. При прилете на точку за следующим десантом, меня вызвали на КП и приказали этой авиагруппе выделить один вертолет Ми-8, чтобы не было дисбаланса при высадке. Я выполнил приказ и направил экипаж капитана Рускевича в их распоряжение. Во время высадки, на одной из ранее высаженной площадке появились раненые. Старший группы направил Рускевича на площадку забрать раненых. Рускевич, чтобы сократить время, полетел через позиции противника. Пуля из ДШК попала в тягу управления несущим винтом и перебила ее. Вертолет, из-за разбалансировки винта лег на спину и с пикированием градусов 70, упал в ущелье. У экипажа в этой ситуации не было шансов на спасение. Попытка вытащить тела экипажа силами десантников не увенчалась успехом.

Вечером я и офицер из группы вооружения посоветовались как вытащить из ущелья экипаж, и доложили руководству операцией. План был утвержден и на следующее утро был успешно реализован. Суть плана заключалась в следующем. На узлы бомбодержателей закрепили проволокой пехотные дымшашки повышенной мощности. Их размер был равен 200-литровой бочке. От них протянули провода в салон вертолета, которые вооружейник должен по команде командира замкнуть на аккумулятор, чтобы их зажечь. Вышли на цель на высоте 1500 метров, за 2 минуты до сброса подожгли дымшашки. Первую сбросили за 300 метров до сбитого вертолета, вторую на 300 метров за ним. Ветра не было, дым от шашек быстро распространился по ущелью.

Экипаж майора Неробеева В.И. с генерал-лейтенантом Береговым Г.Т. Воркута. 1985.

Встреча в кабинете генерал-лейтенанта Берегового Г.Т. Звёздный городок. 1981

Десантники с сапером пробились к экипажу и вытащили его. За эту операцию мой экипаж был представлен к правительственным наградам.

Постепенно совершенствовалась тактика применения авиации. Так, в выше описанной операции при высадке десанта, вертолеты прикрытия Ми-24 находились над десантируемыми вертолетами с превышением 400-500 метров и своевременно не могли помочь, как было при потере трёх Ми-8. Я в своей группе изменил тактику высадки. Два Ми-24 шли впереди всей группы и при выходе на площадку десантирования обрабатывали её с дистанции 1500 метров ракетами, а с 500 метров бортовым стрелково-пушечным вооружением. И только после этого группа приступала к десантированию в то место, куда стреляли Ми-24. В результате, в этой операции, благодаря правильному тактическому мышлению, Душанбинская авиагруппа не только не потеряла ни один вертолет, но даже не получила ни одного прямого попадания от противника.

За 6 лет службы в Афганистане было немало случаев и ситуаций, которые заслуживают внимания.

За время участия в афганских событиях, подполковник Неробеев В.И. награжден орденами «Красная звезда» и Боевое Красное знамя», более 20 медалями СССР и Республики Афганистан. Сегодня Виктор Иванович находится на заслуженном отдыхе, однако продолжает вести активный образ жизни, занимается общественной работой.

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

В ПЕРВОМ НОМЕРЕ АЛЬМАНАХА «ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ» МЫ НАЧАЛИ ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ О РАБОТЕ ПОИСКОВЫХ ОТРЯДОВ НА МЕСТАХ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА УЧАСТКЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ПАРФИНСКОМ РАЙОНЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ, В КОТОРОЙ ПРИНИМАЕТ УЧАСТИЕ НАШ НЕУТОМИМЫЙ КРАЕВЕД ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ СОЛОВЬЁВ. ПОБЫВАВ НА РАСКОПКАХ В 2021 ГОДУ, ОН ПРИВЁЗ НОВЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, КАСАЮЩИЕСЯ НАШИХ ЗЕМЛЯКОВ.

Мемориал в селе Нагово

ИМЯ НА ОБЕЛИСКЕ

Евгений Соловьёв,
краевед заместитель начальника территориального отдела № 27 Госадмтехнадзора Московской области, старший государственный инспектор в области охраны окружающей среды

Продолжая изучать события, происходящие во время Великой Отечественной Войны на Северо-Западном фронте, я по-прежнему выезжаю на места проведения боёв, встречаюсь с поисковиками и краеведами, добывая новые материалы о ходе боевых действий на данном направлении.

В последнее время тема «Демянского котла» вызывает особый интерес, поэтому меня приглашают читать лекции для военнослужащих, школьников и юнармейцев Коломны и Воскресенска. Я рассказываю о том, как развивался театр военных действий на тех или иных участках Северо-Западного фронта.

В ходе одной из таких бесед во Дворце культуры «Химик» в городе Воскресенске, на первом ряду я заметил пожилую женщину, которая очень внимательно слушала мой доклад. После его окончания она подошла ко мне и сказала, что её родной дядя погиб в 1942 году под Старой Руссой Новгородской области, и похоронен в братской могиле на мемориале села Нагово. Вот так я познакомился с Людмилой Петровной Семичевой, которая с 2011 года проживает в городе Воскресенске Московской области. Во время своей очередной поездки в Старую Руссу я пообещал Людмиле Петровне заехать в село Нагово и посетить Мемориал воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. В эту поездку я взял с собой сына Александра с тем, чтобы показать, где захоронен его прадед, и на месте рассказать о боевой операции, в которой он участвовал и был смертельно ранен.

Когда мы ехали из Старой Руссы в Великий Новгород, я вдруг увидел табличку с надписью «с. Нагово» и вспомнил, что нам необходимо туда заехать. Вот так мы оказались на Мемориале в селе Нагово. Среди множества фамилий, нанесённых на более чем семидесяти каменных табличках, я отыскал одну, на которой прочитал имя: Зауторов Николай Асикритович. Это и был дядя Семичевой Людмилы Павловны – родной брат её мамы Александры Асикритовны.

Из рассказа Людмилы Павловны я узнал, что Николай родился в 1898 году в Вологодской губернии,

Семичева Л.П. и Соловьев Е.Н.

Вологодского уезда, в деревне Мынчаково, что примерно в 60 километрах от Вологды, в семье крестьянина. Всего же у Зауторовых было четверо детей, кроме старшего Николая брат Валентин и две сестры: Александра и Фаина.

В данной местности, где проживала семья Зауторовых, помещиков не было, местная власть выделяла семьям крестьян земельные наделы, которые они обрабатывали, и за счёт которых кормились, поставляя сельскохозяйственную продукцию в город. Однако у Николая душа не лежала к сельскому хозяйству, и он, окончив 3 класса церковно-приходской школы, начал пробовать себя в совсем других занятиях.

До Великой Октябрьской социалистической революции Николай уехал в Вологду, где проработал помощником у зубного врача. Помимо этого осваивал он плетение знаменитого Вологодского кружева и даже участвовал в спектаклях, которые организовывала сельская интеллигенция. Но после революции Николай вынужден был вернулся в родную деревню, начал работать в колхозе и заниматься своим подсобным хозяйством.

Николай Асикритович женился и в браке с Зинаидой Александровной у них родились пятеро детей:

Зинаида, София, Николай, Галина и Юлия. Вот так и жила простая советская крестьянская семья: работали в колхозе, воспитывали детей, занимались подсобным хозяйством, пока фашистская Германия не нарушила покой наших граждан, вероломно напав на нашу Родину 22 июня 1941 года.

В стране начинается всеобщая мобилизация. Но под обязательный призыв попадают лица от 1905 до 1918 года рождения включительно. Большая часть призываемых были крестьяне, так как многие рабочие имели «бронь» и ковали победу в тылу, имели «бронь» учителя и многие другие категории людей, однако к 1942 году в связи с огромными потерями эти грани сравнялись, и на фронт стали призывать всех и даже тех, кому за пятьдесят. Николаю Асикритовичу на начало войны было 43 года, поэтому он попадает под призыв 1942 года, и в январе того года Кубено-Озёрским РВК Кубено-Озёрского района Вологодской области Николай призывается на военную службу и становится красноармейцем. Направляют его на Северо-Западный фронт, где зачисляют в 41-й стрелковый полк 84-й стрелковой дивизии, командовал которой генерал-майор П.И. Фоменко.

Воевать ему пришлось недолго, всего немного больше месяца и 22 февраля 1942 года при попытке захватить деревню Рашуча в составе 41-го стрелкового полка Николай Асикритович был убит и захоронен у деревни Рашуча.

1 января 1942 года 84-я стрелковая дивизия была переброшена под Старую Руссу для совместных действий с другими соединениями 11-й армии по освобождению этого города.

1 августа 1941 года Красная армия вела ожесточённые бои на линии старорусских полевых укреплений, отражая одну за одной беспрерывные атаки фашистов. Каждый день под напором врага наши подразделения отступали, пока бои не перешли непосредственно в город. Решающие бои за Старую Руссу происходили 6 августа, когда наши части повели наступление в направлении Нагово-Катилёво.

Мемориал Зауторова в Нагово

Находки поисковиков

Противник нанёс контрудар и сломил сопротивление частей Красной Армии, в результате чего фашисты ворвались в западную часть города. А 9 августа немцы окончательно овладели городом и сумели продвинуться на 4-5 километров восточнее реки Порусьи.

С тех пор наши войска предпринимали неоднократные попытки освободить Старую Руссу, но все они были тщетны. С этим городом немцы связывали огромные планы. Старая Русса являлась важным железнодорожным узлом, сюда поступали все поставки для немецкого фронта между озёрами Ильмень и Селигер, поэтому сдача его означала бы падение всего фронта. В связи с этим немцы, учитывая важное стратегическое положение города, возвели очень мощные укрепления на окраинах. В Старой Руссе не осталось практически ни одного деревянного здания. Все они были сожжены или разобраны для создания укреплений, или просто разрушены, чтобы не мешать огневой системе обороны города вести прицельный огонь.

Зима 1942 года была очень суровая, морозы достигали иногда до -50 градусов, а -30 градусов было нормой, поэтому командование Северо-Западного фронта решило использовать замёрзшее озеро Ильмень и нанести удар по Старой Руссе. Тщательная разведка, знание советских тактических приёмов позволило немецкому командованию узнать о готовящемся наступлении на Старую Руссу и сосредоточить вокруг города дополнительные части, снятые с других участков фронта, в частности из Шимска и Коростыни.

Вот в такую обстановку прибыл в 41-й стрелковый полк 84-й стрелковой дивизии крестьянин из Вологодской области Николай Асикритович Зауторов, толком не обученный, никогда не державший оружия. И это против фашистских ассов, вооружённых до зубов моторизованных и пехотных дивизий, пехотной дивизии СС «Мёртвая голова».

84-я стрелковая дивизия согласно боевой задачи готовилась наступать на Старую Руссу силами 201-го, 382-го и 41-го стрелковых полков в трёх направлениях. 41-й стрелковый полк должен был наступать в направлении деревни Рашуча. Из журнала боевых действий 84 сд: «16-17.02.1942 41 сп достиг рубеж 300 метров юго-восточней деревни Рашуча, ведёт огневой бой за овладение населённым пунктом Рашуча».

Ещё к 8.00 12.01.1942 года 1-я рота 201 сп и 25-й отдельный лыжный батальон овладели деревней Рашуча, но к исходу 12 января в ходе яростных атак фашистам удалось выбить наши подразделения из этого населённого пункта. Наши войска рвались к Старой Руссе, поэтому вновь на пути встала деревня Рашуча. Части дивизии продолжали удерживать занимаемые рубежи, преодолевая сильное огневое сопротивление противника, неся огромные потери.

22 февраля 1942 года 41 сп в течение дня продолжал удерживать рубеж на дороге Дубовицы – Нагово, и в этом бою вблизи деревни Рашуча Николай Асикритович Зауторов погиб.

Так при освобождении города Старая Русса закончился боевой путь Николая Асикритовича. Уже после войны местные власти приняли решение перезахоронить останки бойца в братской могиле на Мемориальном комплексе в селе Нагово, где он покоится и ныне.

После моего возвращения с Новгородской области мы встретились с Людмилой Павловной Семичевой. Я передал ей горсть земли с братской могилы, где захоронен её дядя, и мы долго вели беседу, из которой я узнал много интересного об этом человеке.

Родилась Людмила Павловна в 1940 году в деревне Мынчаково Вологодской области, и когда началась война, ей был всего год. Отец Павел Александрович Дмитряшев был председателем колхоза, но не стал отсиживаться в тылу, ушёл на фронт и в 1942 году, находясь в эшелоне, попал под бомбёжку и пропал без вести. Мама Александра осталась одна воспитывать пятерых детей, познав все тяготы и лишения войны и пережив тяжелейшее послевоенное время.

Старшая сестра Антонина, закончив в 1945 году школу, поступила в Пермский университет, а после его окончания перетащила всю семью в Галич Костромской области. Несмотря на то, что семья проживала в одной комнате студенческого общежития, это был лучший вариант, чем испытывать нужду в деревне. А уже в 1955 году Людмила Павловна пятнадцатилетней девочкой вместе с Антониной перебралась в Шадринск Курганской области.

Сестра Антонина сыграла огромную роль в жизни Людмилы Павловны, практически воспитав её и оказав ей помощь в получении образования. Окончив Челябинский политехнический институт, Людмила Павловна переехала в Екатеринбург, прожила в нём 45 лет, работая инженером-конструктором радиоаппаратуры. А когда дочь Людмилы Павловны оказалась в Москве, то решила переселить маму поближе, чтобы она была рядом. Выбор пал на Воскресенск, потому что понравилось название города, да и от Москвы недалеко. Вот так Людмила Павловна Сечинова стала жительницей славного города Воскресенска.

Неясна для неё судьба троих родственников, один из которых отец, а двое других её дяди. Они пропали без вести, данные по ним отсутствуют, и остаётся лишь надеяться, что в скором времени поисковикам удастся выйти на их след или какая-то информация откроется в архивах.

Хочется пожелать Людмиле Павловне крепкого здоровья, огромного человеческого счастья и скорейшего прояснения ситуации с её остальными родственниками. После встречи с Людмилой Павловной у меня на душе стало легче, потому что я теперь не одинок в своих изысканиях, и я уверен, что в ближайшее время новые герои Северо-Западного фронта обязательно объявятся в Воскресенске.

В наше время архивы приоткрываются, активно работают поисковики, добывая ту или иную информацию для установления истины о событиях на Северо-Западном фронте. Солдаты и офицеры Красной Армии, не щадя своей жизни, дрались на этом направлении с фашистскими захватчиками, умирая в лесах и болотах Новгородчины.

В числе этих бойцов сражались и погибли мой дед Никита Иванович Железнов и Николай Асикритович Зауторов. Вечная всем воинам слава и вечная им память! Подвиг ваш бессмертен!

Ложка-Вилка Вермахта

Воронка от крупнокалиберного снаряда

РАБОТАЕМ В АРХИВЕ

ВАЖНОЙ ЗАДАЧЕЙ КРАЕВЕДЕНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ОТКРЫТИЕ И ВВЕДЕНИЕ В ОБОРОТ НЕИЗВЕСТНЫХ РАНЕЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ХРАНЯЩИХСЯ В МЕСТНЫХ, А ТАКЖЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АРХИВАХ. ВЕДЬ ИМЕННО АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДАЮТ ВОЗМОЖНОСТЬ РАСКРЫТЬ ТАИНСТВЕННЫЙ МИР ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО, РАСПУТАТЬ СЛОЖНЫЕ ДЕЛА, ВОСКРЕСИТЬ ИЗ НЕБЫТИЯ ТЕХ, КТО ЗАСЛУЖИВАЕТ ВНИМАНИЯ.

ОСОБЕННО ЦЕННА ИНФОРМАЦИЯ, КОТОРАЯ ПРИНОСИТ КОНКРЕТНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ, КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В НАШЕМ ГОРОДЕ В ЭТОМ ГОДУ.

ИМЕНА ВОИНОВ-ВОСКРЕСЕНЦЕВ УВЕКОВЕЧЕНЫ НА ПЛИТАХ МЕМОРИАЛА

Светлана Белоус,
заслуженный работник культуры Московской области, руководитель творческого объединения «Воскресенский краевед

5 мая 2021 года состоялась церемония увековечивания памяти вновь открытых имен погибших воинов-воскресенцев у Мемориала Воинской славы. 9546 имен было выбито в камне при его открытии в День 70-летия Победы. А благодаря поисковой работе совета ветеранов, краеведов, помощи родных и близких наших земляков, архивного отдела администрации г.о. Воскресенск, сегодня вернулись на родную землю еще 5 имен наших соотечественников,

Со словами благодарности на церемонии выступили родные и близкие погибших. Все присутствующие почтили память не вернувшихся с войны земляков Минутой Молчания, и возложили цветы к Мемориалу Воинской Славы.

НЕТ БЕЗЫМЯННЫХ СОЛДАТ

В Воскресенский архив ежегодно приходит большое количество разнообразных запросов. Отдельно хочется выделить запросы из Службы Розыска, которые редкие и особенные. Московская поисковая организация разыскивает родственников солдат, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, чьи останки удалось идентифицировать.

В августе 2015 года международной экспедицией «Поклон кораблям Великой Победы», в 20 милях от финского берега, на глубине 58 метров была найдена подводная лодка Щ-324. Носовая часть субмарины разорвана мощным взрывом. Скорее всего, подлодка столкнулась с глубоководной миной, которыми был нашпигован Финский залив. Лодка и весь экипаж погибли моментально.

Щ-324 за 3 дня до гибели вышла из порта Кронштадт. 5 ноября 1941 года командир подлодки последний раз выходил на связь. На борту находились 39 человек экипажа.

Одним из членов экипажа был наш земляк, уроженец деревни Косяково, СТУПИН НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ, 1915 года рождения, старшина 1 статьи, радист подлодки Щ-324.

Писать о том, сколько было пересмотрено различных документов, хранящихся в архиве, от протоколов заседаний исполкома Косяковского сельского Совета до похозяйственных книг, нет смысла. Это кропотливая работа: сопоставлять имена, отчества, фамилии, даты, выбирать нужную тебе информацию. Одна запись, сделанная карандашом на странице похозяйственной книги: «Получает пенсию за погибшего сына» смогла помочь нам в поисках. Людмила Ивановна, младшая дочь родного брата Ступина Николая Кузьмича – Ступина Ивана Кузьмича, 1918 года рождения (родная племянница Ступина Н.К.) проживает сегодня в деревне Косяково.

5 ноября 2021 года исполнится 80 лет подвигу моряков подводной лодки Щ-324. На месте гибели подлодки установлен красный водолазный буй, указывающий кораблям место братской могилы в темных водах Балтики.

Л. В. Пугина
начальник архивного отдела управления делами администрации г.о. Воскресенск.

Благодарим сотрудника Управления ЗАГС М.В. Попову за помощь в розыске.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ БОРИХИН родился в 1922 году в селе Хорлово в очень дружной и трудолюбивой семье потомственных русских крестьян.

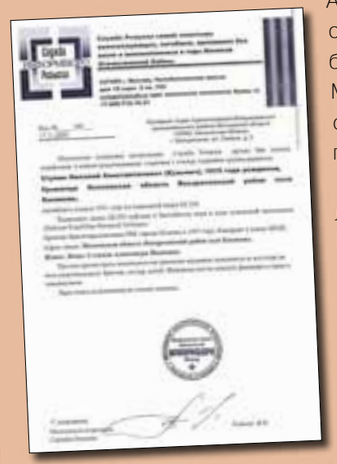
Призван Воскресенским РВК в 1941 году. Алексей на фронте стал санинструктором, человеком, спасавшим жизни раненых солдат и офицеров на поле сражения. В 1942 году он был награждён медалью «За отвагу» за то, что, не щадя себя, под огнём противника оказал первую помощь, вынес с поля боя, спас от смерти 17 раненых бойцов.

Документ, найденный в архиве (1945 г.)

В 1943 году за проявленные личное мужество и стойкость гвардии сержант санинструктор 113-го гвардейского стрелкового полка Алексей Борихин был награждён медалью «За боевые заслуги».

Родные героя вспоминают о кратковременном отпуске Алексея, который неожиданно прибыл с фронта, порадовал родителей и всех односельчан. Прошёлся по родной улице, красивый, высокий, очень ласковый с детишками, которых и на плечах «прокатил», и свои медали дал потрогать – как в наши дни вспоминают его племянницы. Рассказывал кратко о сложном военном труде фронтовой разведки, о сложностях пребывания в засадах, внезапных рейдах в расположение противника, о том, что повезло служить с самыми надёжными и смелыми парнями.

Запрос Службы розыска Информбюро

А в этот период Алексей был переведён в воздушный десант, разведрота которого состояла из спортсменов, имевших супер-подготовку, и он всё умея делать своими руками, обладая отменной силой воли и выносливостью, стал в бою их надеждой на спасение. Этой принадлежностью к разведке он очень гордился, конечно, рисковал собой, пережил тягостные для сердца потери друзей.

Подробности службы поведать не мог, всё было секретно. Только один эпизод военных будней остался в памяти родителей, горькие сожаления сына о том, что не смог спасти земляка, которого вели на расстрел фашисты. Он и его товарищи расположились в засаде, еле сдерживались, чтобы не открыть огонь и вызволить красноармейца. Они не могли себя выдать, это значило бы разрушить план командования. Фамилия в воспоминаниях не прозвучала, невольную свою вину наш Алексей искупал спасением тех, кого он мог перевязать, укрыть, перенести, то есть спасти на поле боя. Война – это всегда трагические испытания, проверяющие личность «на излом».

Орден Красной Звезды был вручён старшине, командиру санитарного отделения отдельной разведроты 6-й армии 9-й воздушно-десантной бригады за проявленные мужество и героизм в спасении солдат и командиров в период ожесточённых боёв с февраля по конец марта 1945 года.

Гвардии старшина, санинструктор-разведчик Алексей Михайлович Борихин погиб смертью храбрых: был убит в штурмовом бою за взятие крепости Бреслау. Отцу Михаилу Петровичу прислали извещение о том, что его сын погиб 6 апреля 1945 года.

Бреслау – это по-немецки, для поляков – Вроцлав, стал местом жесточайших сражений, там почти три месяца дрались в своей цитадели до последнего фашисты. В городе Бреслау по данным советской войсковой разведки была окружена следующая группировка противника: части 20-й танковой дивизии; 236-й бригады штурмовых орудий сводной танковой спецроты «Бреслау»; артиллерийские и зенитные подразделения, а также 38 батальонов фольксштурма. Согласно показаниям пленных, в первой линии обороны противник имел: 25710 человек, 1443 пулемета, 1885 фаустпатронов, 101 миномет, 68 орудий разных калибров, около 20 танков и САУ.

Алексей Борихин с ротой разведчиков-десантников находился в самом пекле битвы, где погибли более 8000 советских воинов.

Почтальон в дом Борихиных победной весной 1945 принёс две «похоронки»: 24 апреля – о гибели Алексея, а 10 мая отец расписался в получении извещения о том, что погиб и старший сын Пётр.

Пётр Борихин, 1916 года рождения, старшина 213-й танковой бригады был ранен в голову и умер по дороге в госпиталь в Восточной Пруссии 17 апреля 1945 года. Разница в 11 дней между датами гибели братьев.

Старшина медицинской службы Алексей Борихин похоронен под Вроцлавом, в Польше с отданием воинских почестей в братской солдатской могиле, там захоронено 7 тысяч наших солдат.

Пробитое осколками Боевое Красное Знамя 9-й воздушно-десантной бригады представлено в качестве священной реликвии в экспозиции музея истории ВДВ.

Имя Алексея Михайловича Борихина не было внесено ранее в списки воскресенцев, погибших в Великой Отечественной войне по причине неразборчивого написания в извещении его фамилии. Удалось это сделать в 2021 году – он увековечен теперь на мраморных плитах мемориала у Вечного Огня. В этот памятный день у Вечного Огня присутствовал Алексей Евгеньевич Рязанов – племянник, названный в честь героя.

ЖЕЛЕЗКИН АФАНАСИЙ ДОРОФЕЕВИЧ родился в деревне Кладьково в 1916 году. До войны работал трактористом. Призван Воскресенским РВК в 1941

году. Военная специальность: механик-водитель.

Старший сержант Афанасий Железкин служил в 256-й танковой бригаде и в составе 160-го отдельного танкового батальона участвовал в Жиздринской военной операции на Западном Фронте. В танковых боях особое значение имела подготовленность, манёвренность, смекалка механика-водителя. Афанасий Железкин и был таким надёжным и мудрым.

10 февраля 1943 года пришёл приказ о переходе бригады в состав 16-й армии Западного фронта. Бригада совершила марш в район Печки-Слободка-Котовичи.

24 февраля 1943 года танковая бригада сосредоточилась в лесу в 1 км севернее деревни Котовичи, войдя в подчинение 247-й стрелковой дивизии. В тот момент бригада имела на вооружении двадцать семь танков Т-34, двенадцать танков Т-60, два танка Т-70, один танк Т-30, четыре танка МК-2, восемь танков МК-3; Бригада получила задачу: овладеть селом Ключевское. Было уничтожено нашими танкистами: семь ДЗОТов, шесть ПТО, одна самоходка, двенадцать пулемётов, десять подвод с боеприпасами. В жестоких боях конца февраля бригада потеряла девять танков Т-60, и один танк Т-70.

Скорее всего, наш Афанасий Железкин воевал на лёгком танке Т-60, который почти забыт в наше время. Главный конструктор танка Н.А. Астров был назначен заместителем главного конструктора предприятия по танкостроению на Горьковском Автостроительном Заводе, а в начале 1942-го он по-

Котовичи. Пехотинцы на легком танке Т-60

лучил Сталинскую премию за создание Т-40 и Т-60. Что интересно, к производству броневых корпусов танка Т-60 были привлечены цехи Коломенского машиностроительного завода имени Куйбышева. В октябре 1941 года часть из них, включая те, что выпускали корпуса танков Т-60 для завода № 37, эвакуировали в Киров, на площадку машиностроительного завода НКПС имени 1 Мая. Здесь был создан новый завод № 38 и уже в январе 1942-го из его ворот вышли первые Т-60.

Недостаточно бронированный и слабо вооружённый Т-60 обладал очень низкой устойчивостью на поле боя, становясь лёгкой добычей средних и тяжёлых танков противника. Танкисты не особенно любили эти легкобронированные и слабовооружённые машины с пожароопасными бензиновыми двигателями, называя их «БМ-2 – братская могила на двоих». Эти машины, редко когда переживавшие одну атаку, часто называют танками-смертниками. Без малого шесть тысяч Т-60 буквально сгорели в горниле войны. Причём сгорели почти без следа: относительно немного осталось фронтовых фотографий этих машин, мало хранится в архивах и документов об их боевом применении. Командиры танковых бригад докладывали: Т-60 «в условиях снежного покрова 30-40 см по снегу двигаться не могут. Узкая гусеница прорезает снег до грунта, днищем садится на прессованный снег и буксует». Однако танки Т-60 выполнили свою миссию: смогли взять на себя хотя бы часть задач по непосредственной поддержке пехоты, а танкисты на лёгких танках проявили настоящий героизм.

Афанасий погиб в танковой атаке 26 февраля 1943 года, сгорел в танке под Жиздрой. Территория Жиздринского района стала прифронтовой полосой на подступах к долговременным оборонительным укреплениям, созданным немцами на подступах к городу Брянску.

Извещение о гибели сына получил отец Дорофей Евсеевич, там сообщалось, что с отданием воинских почестей, танкист, гвардии старший сержант Афанасий Железкин, 27 лет, был похоронен в братской могиле д. Слободка Жиздринского района Орловской (ныне Калужской) области.

Брат Александр Дорофеевич Железкин вернулся с фронта.

Афанасия не смогли внести в первоначальные списки погибших земляков по причине ряда неточностей в извещении о потере солдата. Славное имя героя-танкиста Афанасия Дорофеевича Железкина теперь увековечено на мраморной плите Мемориала в г. Воскресенске.

Марина Горидько

член Союза писателей России, краевед

СТРЕЛЬЦОВ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ родился в 1912 году. До войны работал на цементном заводе «Гигант». Призван Виноградовским РВК.

Сержант Константин Стрельцов пропал без вести в сентябре 1944 года. Извещение было получено женой Галиной Алексеевной Стрельцовой, проживавшей в г. Воскресенске, в сентябре 1945 года.

Бирюков Александр Иосифович

БИРЮКОВ АЛЕКСАНДР ИОСИФОВИЧ родился 18 октября 1922 года в деревне Титовка Губинского сельского совета Виноградовского района. Был призван Виноградовским РВК.

Гвардии младший сержант 6-го гвардейского мотострелкового полка 3-й мотострелковой дивизии был убит в бою 7 августа 1942 года в сражениях за изгнание фашистов со Смоленской земли. Место захоронения героя: село Ветрово, Кармановский район Смоленская область.

Сведения найдены по запросам Совета ветеранов г.о. Воскресенск и родственниками погибших.

Да, все эти герои из разных сёл и деревень нашего края, у каждого из них по-разному сложилась солдатская судьба. Но в тяжелый час испытаний, проявив мужество и героизм, они отдали свою жизнь за честь и независимость нашей Родины. А местные краеведы, родственники и поисковики смогли вернуть их имена на родную землю.

А сколько их, ещё не вернувшихся...

ПОГИБШИМ ВОИНАМ-ВОСКРЕСЕНЦАМ

* * *

Посвящается подводнику
Николаю Ступину

Ноябрь сорок первого года.
Покинула «Щука» Кронштадт...
- «Как в Финском заливе погода?
И как настроенье ребят?»

В селе Косяково забота,
Письмо не прислал Николай –
Подводник Балтийского флота.
«Любимая, мне пожелай...
Спокойного моря течений,
Подъёмов, атак без преград,
В эфир – курсовых подключений
И только побед, без утрат!»

- Подлодка вернулась на базу,
Не встретив «апольдовских» мин?
- Прощайте, погибли не сразу...
Оборвана связь из глубин.

Всё ждали, не верили горю...
Но время – неподнятый пласт...
Они были преданы морю,
И море своих не предаст...

* * *

Танкисту Афонасию Железкину
и его боевым товарищам посвящается...

Шёл бой, и в яростной атаке
Сошлись бригады под Орлом,
Там в 43-м проверялись на излом
Геройские ребята в танке.

- Как хорошо б остаться на земле!
Сказал механик – в танке «вседержитель».
Убит неунывающий водитель.
Уже расстрелян боевой комплект...

В смертельном мраке, в огненной броне
На поле битвы в сломанном пейзаже
Сердца сгорели на войне
Три юных сердца в лучшем экипаже...

Марина ГОРИДЬКО

ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

«В ЭТОМ ДОМЕ С 1936 ПО 1940 Г. РАБОТАЛ АХМЕТ СИМАЕВ – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «КОММУНИСТ», ЧЛЕН АНТИФАШИСТСКОЙ ГРУППЫ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ, ПОГИБШИЙ В 1944 Г. В ТЫЛУ ВРАГА», – ГЛАСИТ НАДПИСЬ НА ТЁМНО-КРАСНОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКЕ, УСТАНОВЛЕННОЙ НА ФАСАДЕ ДВУХЭТАЖНОГО ЗДАНИЯ № 8 ПО УЛИЦЕ СОВЕТСКОЙ В ГОРОДЕ ВОСКРЕСЕНСКЕ. СЕЙЧАС ЗДЕСЬ РАСПОЛАГАЮТСЯ УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И КОНЦЕРТНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ, А ДО НАЧАЛА 1980-Х ГОДОВ НАХОДИЛИСЬ ОРГАНЫ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ: ИСПОЛКОМ ГОРСОВЕТА, ГОРКОМ ПАРТИИ, А ТАКЖЕ РЕДАКЦИЯ ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ.

Мемориальна доска Ахмету Симаеву на доме № 8 по улице Советской в г. Воскресенске

Здание Воскресенского райисполкома, где располагалась редакция газеты

«СИМАЙ, СИМАЙ, ОТЧИЗНЫ НАШЕЙ СОКОЛ...»

Виктор Лысенков,
руководитель Воскресенского литературного объединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова,
член Союза писателей России и Союза журналистов России

Ахмет, я у тебя учусь как воин
И мужеству, и стойкости бойца.
Муса Джалиль

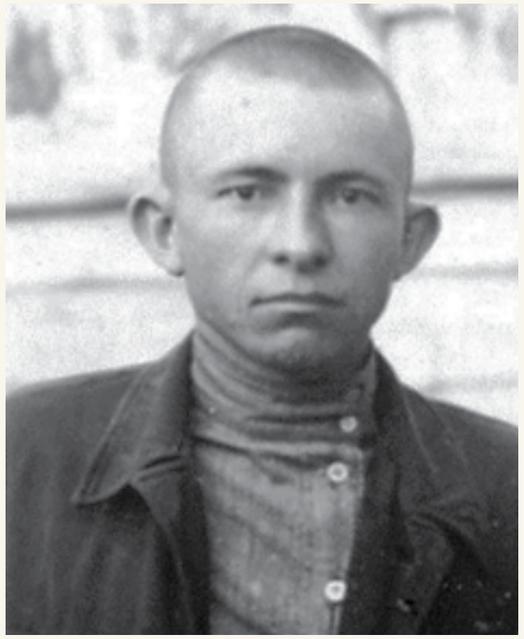
Родился Ахмет Садретдинович (Содриддинович) Симаев (на татарском языке – Әхмәт Симай) 28 декабря 1915 года в татарской семье в деревне Усть-Рахмановка Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне Краснослободский район Республики Мордовия). У его родителей – Симаевых Садретдина и Шарифы (урождённая Старкова) было семеро детей.

После окончания семи классов школы, в 1931 году, Ахмет ухал в Москву к старшему брату Фаттаху, который тогда работал литейщиком на заводе. В столице юноша поступил в строительный техникум. Получив специальность лаборанта по бетону, он с 1933 года трудился на строительстве первой очереди Московского метрополитена, а впоследствии строил полиграфический комбинат «Правда». В то время это были самые грандиозные московские стройки, отличавшиеся не только своими масштабами, но и напряжённостью, тяжестью физического труда, а также многонациональностью строителей.

Для татар-метростроителей регулярно выпускались специальные номера многотиражной газеты «Ударник Метростроя» на татарском языке, и Ахмет Симаев был среди её постоянных корреспондентов. Писал о товарищах, их труде и буднях. Были у него и хлёсткие заметки, бичующие производственные недостатки. В той же газете публиковал и свои первые стихи с такими говорящими за себя названиями «Метрострой», «Бригадир Кугошев», «Письмо из колхоза». В стихах он показывал нелёгкий труд горняков.

Позднее, уже в фашистских застенках, Ахмет Симаев не раз повторял своим товарищам, что его специальностью была проверка бетона на прочность. «А теперь, – говорил он, – наступила пора испытания на прочность человеческих характеров, человеческой воли».

Живя в Москве, он участвовал в литературно-творческом кружке при Татарском общественном культурном центре («Доме Асадуллаева») в Замоскворечье. Здесь, в Малом Татарском переулке, познакомился с руководителем кружка – известным татарским поэтом Мусой Джалилем, который тогда в Москве редактировал центральные детско-юношеские журналы на татарском языке «Кечкенә иптәшләр» («Юные товарищи») и «Октябрь баласы» («Дитя Октября» – «Октябрёнок»), а потом заведовал отделом литературы и искусства татарской га-

Ахмет Симаев. Начало 1930-х годов

зеты «Коммунист». Джалиль был старше Ахмета на девять лет, он заметил талант юноши, поддержал его первые шаги в литературе, щедро делился знаниями и творческим опытом

Писателю Абдурахману Абсалямову, который в те годы также посещал кружок Джалиля, Симаев запомнился простым рабочим парнем, ничем вроде не отличавшимся от своих сверстников. «Ходил в чёрном демисезонном пальто, большой чёрной кепке. Среднего роста. Лицо открытое, доброе, а вот глаза иногда изумляли: цвет в памяти точно не сохранился, но взгляд острый, реакция мгновенная, будто моментально принял единственно правильное решение. Казалось, ему нельзя врать или говорить неискренне: он всё равно быстро узнает неправду. Ахмет одновременно писал на русском и татарском языках. Был одним из самых активных кружковцев».

Творческие встречи Джалиля и Симаева постепенно переросли в дружбу, которая продолжалась и после того, как Ахмет, решив целиком посвятить себя газетной работе, перебрался в Воскресенск.

В 1936 году Ахмет Симаев переехал в подмосковный Воскресенский район – в рабочий посёлок Воскресенск. О хорошем уровне знания Ахметом русского языка говорит тот факт, что он был принят на работу помощником корректора в районную газету «За темпы», которая после обретения Воскресенском 11 июля 1938 года статуса города получила новое название – «Коммунист» (с 1991 года – «Наше слово»).

Вскоре он уже работал литсотрудником, а затем и ответственным секретарём – одной из ключевых фигур редакционного коллектива.

Литкружок при Татарском культурном центре в Замрскворечье (в центре сидит Муса Джалиль, во втором ряду слева - А.Симаев). Нач. 1930-х гг.

Рафаэль Мустафин в своей книге-поиске «По следам оборванной песни» (М.: Советский писатель, 1981) даёт портрет Ахмета Симаева:

«Невысокий, худой, подвижный, с монгольским разрезом хитровато прищуренных глаз, он обладал способностью мгновенно загораться и так же быстро остывать. Любил шутки, анекдоты, всякие весёлые истории и мастерски рассказывал их. Порой мог прикинуться этаким простачком, недотёпой. Но того, кто «клевал» на эту удочку, немедленно жестоко разыгрывал и выставлял на всеобщее посмешище. Иные упрекали его в несерьёзности, легкомысленности. И только ближайшие друзья знали, что за маской беспечного рубахи-парня и балагура скрываются и высокая образованность, и недюжинный ум, и прочный внутренний стерженёк, который нельзя было ни согнуть, ни сломать».

В газете у каждого сотрудника были свои направления деятельности. Симаев отвечал за отдел культуры и быта. И всестороннему освещению этих сторон жизни района уделял много внимания.

В связи со строительством большого химического комбината, шиферного и второго цементного заводов население Воскресенска прирастало за счёт приезжих из разных краёв страны, отличаясь многонациональностью и многоконфессиональностью.

Немалую часть новых жителей составили выходцы с Поволжья: татары, башкиры, чуваши, мордва, марийцы... Здесь они обретали вторую малую родину, сохраняя свои традиции, постигали русский язык и культуру, укоренялись и создавали семьи, нередко национально-смешанные. Между прочим, в воскресенских школах в то время имелись классы для младших школьников с преподаванием на татарском языке, работала татарская библиотека.

Пытливому Ахмету не было здесь одиноко, у него появились новые друзья. Он много писал, переводил с татарского языка на русский и с русского на татарский. С особым увлечением занимался переводами стихов Сергея Есенина, но публиковать их не торопился.

В Воскресенске в 1939 году молодой журналист обрёл семью, женившись на Валентине Григорьевне Листопад, работавшей в редакции газеты машинисткой. Жили молодожёны в доме № 8 по улице Стандартной, в маленькой комнате

квартиры № 7. Ахмет много писал дома, и, по воспоминаниям коллег, свет в его окне на первом этаже горел допоздна. Редакционная работа отнимала много времени и сил. Ежедневно Ахмет перечитывал и осмысливал множество статей.

В 1939 году он поступил заочно на литературный факультет Московского педагогического института. Через год учёбу пришлось прервать. Осенью 1940 года 24-летнего Ахмета призвали на срочную службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. А Валя ко времени призыва мужа была уже беременной.

23 января 1941 года родилась дочь Людмила, но отцу её увидеть так и не довелось.

Находясь в армии, он беспокоится о своих родных. Вот письмо от 2 марта 1941 года из Даурии (Забайкалье): «...Валя, ради бога, береги своё здоровье и нашу с тобой дочь, пойми ты, господи, как я вас люблю, как я хочу вас видеть...». А ещё в каждом письме спрашивает о здоровье матери, пишет, что «постоянно думает о ней, не забывает её ни на минуту».

В армии он освоил специальность радиотелеграфиста. Сначала служил в 23-м кавалерийском полку 15-й кавалерийской Кубанской дивизии, расквартированной в южных предгорьях Нерчинского хребта в пристанционном посёлке Харанор. После расформирования дивизии в мае 1941 года Симаева перевели в Монголию в 130-й батальон связи 82-й моторизованной дивизии, а потом в заново сформированный в составе этой дивизии 250-й мотострелковый полк. Дислоцировалась дивизия в городе Баян-Тумен (в 1941 году переименованном в Чойбалсан).

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, и меняется тон вестей домой от Ахмета Симаева. 16 сентября он пишет жене: «... Страшно переживаю войну, навязанную моему жизнерадостному свободному народу этими насильниками, чёрными извергами рода человеческого».

Обстановка на фронтах с каждым днём всё более обостряется. 5 октября 1941 года 82-я дивизия, переформированная в мотострелковую, была погружена в железнодорожные вагоны и через 17 дней переброшена к Москве – в Загорск (Сергиев Посад). Через станцию Воскресенск дальневосточный эшелон прошёл без остановки. А ещё через два дня дивизия, поднятая по тревоге, уже разворачивала свои боевые порядки восточнее Можайска, влившись в 5-ю армию Западного фронта.

В составе дивизии на защиту столицы встал и 250-й стрелковый полк, в котором ефрейтор Ахмет Симаев служил начальником полковой радиостанции.

Ахмет Симаев. 1936

5-я армия находилась на очень важном участке обороны Москвы – Можайском направлении. Здесь под Кубинкой личный состав получил боевое крещение. Несмотря на мощные артналёты, частые штурмовки с воздуха, беспрерывные атаки танковых и пехотных подразделений, бойцы удержали рубежи обороны.

15 ноября 1941 года Ахмет Симаев пишет домой «большое» послание с некоторыми «окопными» подробностями: *«Фронт. Ночь холодная и тёмная, но сравнительно спокойная; лишь изредка, разрывая тишину и сотрясая землю, охают дальнобойные орудия. В землянке тесно, дымно и темно. Ребята, полулёжа, почти друг на друге, спят крепким, тревожным сном, часто тормошась и бормоча. Ночь длинная, а сон их короткий. Скоро начнётся рассвет, с грохотом, треском, в огне появится день, боевой день! Зима, война, фронт...*

Во мне ещё не отошли привычки давней юности моей, по-прежнему люблю думать наедине, когда кругом всё спит и молчит. Вот и сейчас сижу и думаю, думаю; хочу написать тебе хорошее письмо, такое, чтобы оно хоть немного изгладило, уменьшило твою тревожную тоску, чтобы оно донесло до тебя теплоту моего сердца, искринки моей живучей души и чтобы ты никогда не думала о том, о чём ты

Валентина и Ахмет Симаевы. 1940 г.

невольно думала до этого и ещё больше будешь думать после этого письма.

Но что я могу написать тебе сейчас, кроме сказанного, да ещё нескольких заранее известных, какой-то сот раз повторяющихся общих фраз о том, что пока жив и здоров, что соскучился, тоскую по тебе, страшно хочу видеть тебя!..

Валя, как провели праздник, что в редакции, пришли мне фото, где мы с Сашей осенью на празднике засняты. Твой Сима».

В ходе контрнаступления под Москвой и общего наступления советских войск зимой 1941/1942 годов дивизия участвовала в освобождении Дорохова, Можайска, Бородина и других городов и посёлков.

В середине декабря 1941 года 250-й мотострелковый полк отвели в район Внуково на переформирование в воздушно-десантный полк с тем же номером. Командиром полка был назначен майор Николай Лаврентьевич Солдатов (впоследствии ставший генерал-лейтенантом). И вновь переброска на фронт.

В это время Ахмет Симаев пишет чернильным карандашом на серой в линейку бумаге ученической тетради письмо своему другу в редакции воскресенской газеты Анне Дмитриевне Жерновковой:

«9 января 1942 г. Западный фронт.

Здравствуй, мой старый друг! Война, фронт, зима... Самая беспощадная война, бесконечная, неумолимая. Каждый день полон потрясающих впечатлений. Иногда, вдруг, оторвёшься от движения времени, зарю с закатом путаешь, забываешь себя, и вот в такие минуты получаешь письмо – от жены ли, от друга ли, от брата ли – всё равно кажется долгожданным и неизмеримо дорогим, несравнимо тёплым и нежным. Оно приносит дыхание былой жизни на кошмарное поле битвы, где вместе с вьюгами пляшет смерть, то завывая и зловеще свистя, то уныло рыдая. И вдруг в памяти предстанет что-то живое и чудесное, близкое и родное, и вспоминаешь, вспоминаешь...

А затем снова война, жестокая, всепожирающая, и только что прилетевшее впечатление мигом пожирается, поглощается чем-то жестоким и безумным. Я ещё до этого основательно перелистал большую и реальную книгу жизни. О, какое безумство, какое чёрное варварство – эта война, какую глубокую трагедию несёт она человечеству! И вот я воюю, Аня, воюю так, как хотела бы ты и тысячи других, тебе подобных. Воюю жестоко, с рвением, потому что я очень хочу жить, жить, мечтать, желать, надеяться, строить, творить, жить и получать ответы на это своё письмо и ещё много-много других писем от тебя, жены, родных и знакомых.

Я последние несколько дней жил почти совсем около Москвы, но поехать в Москву и тем более туда, к вам, не имел никакой возможности. Как жаль, как хочется побывать дома! Кстати, теперь вы несколько спокойны: «вояки» эти захлебнулись, слава нам. Да это ли ещё впереди, плохо они чувствуют себя, ой, как плохо. Так называемая «великая третья империя» будет похоронена именно в снегах России, так же, как и «светлая» слава Бонапарта. Вернусь живым – расскажу о многом...

Передай привет мой Мотову, Успенскому и другим сотрудникам редакции. Будьте счастливы и здоровы!

Ваш Сима».

Судьбоносным для Ахмета Симаева стало участие в одной из первых и самых массовых воздушно-десантных операций Великой Отечественной войны – Вяземской (Ржевско-Вяземская наступательная операция).

Участникам операции ставилась задача перерезать шоссе из Вязьмы на Юхнов и железную дорогу Вязьма – Брянск, пресечь коммуникации противника и содействовать войскам Западного фронта в окружении юхновской группировки немцев.

С 18 по 22 января 1942 года десантная группа 250-го полка самолётами «Дуглас» была высажена ночью в тыл немецких войск на полевом аэродроме Плеснево (Плеснеево) в сорока километрах к югу от Вязьмы.

За месяц, что полк был переименован в воздушно-десантный, он, по сути, так и остался стрелковым. Никакого опыта прыжков с парашютом бойцы не имели, прошли лишь краткое обучение бою в ночных условиях и подрывному делу. Поэтому основные силы десанта высаживали посадочным способом.

Командующий войсками Западного фронта генерал Г.К. Жуков поставил лично майору Н.Л. Солдатову задачу: после высадки захватить станцию Мятлево и хотя бы временно прервать все пути сообщения из Медыни на Юхнов. Кроме того, от десантников требовалось перерезать дорогу от Медыни на Кременское и все пути к северо-западу от Медыни, а также шоссе, ведущее от Полотняного завода, тем самым не допустив отхода противника от Медыни вплоть до подхода в этот район основных сил.

Десантированные в немецкий тыл части 33-й армии в течение полумесяца активно действовали в отрыве от своих войск. Беспрерывно ведя бои, десантники сумели удержать большую территорию, нанесли противнику огромный урон, нарушили тыловые коммуникации юхновской группировки врага, сумели прочно приковать к себе значительные силы немецких войск. Это способствовало начавшемуся наступлению Западного фронта от подмосковных рубежей.

Трудно переоценить важность для управления войсками во вражеском окружении связи с командованием и подразделениями. На начальнике радиостанции лежит сверхответственная и сложная задача оперативно и бесперебойно осуществлять эту связь. А на радиостанцию 250-го полка к тому ж легла и дополнительная нагрузка по обеспечению связью со штабом Западного фронта командования дивизии, утратившего собственную радиостанцию.

О ратных заслугах Ахмета Симаева в десантной операции свидетельствуют скупые строки наградного листа на представление его к медали «За боевые заслуги»:

«Симаев Ахмет Садретдинович, 1915 г. рождения, ефрейтор, начальник рации, татарин, беспартийный, в Красной Армии с 1940 г.

В период выполнения полком боевых задач в тылу врага с 20.1.42 г. держал бесперебойную связь со штабом Западного фронта в сложных метеорологических и боевых условиях».

Подписали реляцию командир 250-го воздушно-десантного полка майор Солдатов, комиссар полка старший политрук Сычушкин и начальник штаба полка капитан Подлобко.

Внизу резолюция командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П.А.Белова и военкома корпуса батальонного комиссара Щелаковского – «Достоин Правительственной награды». Это высокая оценка – в первый год войны награждали не часто.

Награду Ахмет получить не успел – приказ о награждении медалью «За боевые заслуги» был подписан командующим войсками Западного фронта генералом армии Г.К. Жуковым 31 мая 1942 года, а уже 7 марта Симаев оказался в плену.

На последней пришедшей в Воскресенск весточке стоит дата – 12 февраля 1942 года. В ней Ахмет сообщает Валентине: «*Я на своей земле, но пока не нашей. Я – в командировке. Мне обещали, что, когда вернусь, отпустят домой на побывку. Ждите... Ваш Сима».*

Сотни раз перечитывали короткую открытку, рассматривали её со всех сторон, не осталось ли чего-то недосказанного, недописанного. Кто-то из близких обратил внимание на еле различимое, мелкими буквами написанное слово: «Смоленск».

Больше писем не приходило.

О дальнейшей судьбе мужа и отца семья Симаева узнала лишь спустя одиннадцать лет после окончания войны. Но и тогда много было неясного и недоговорённого.

Бытует несколько версий пленения Ахмета Симаева. По одной из них, якобы, самолёт, на котором летел десантник-радист, был сбит над территорией, занятой немецкими войсками. Но если такое и могло быть, то только в случае эвакуации радиостанции из окружения.

Наиболее вероятно, что такого полёта не было, а в глубоком тылу врага он оказался в ходе упомянутой Вяземской воздушно-десантной операции.

Предполагалось, что основные силы фронта в результате операции соединятся с десантниками через двое-трое суток. Но не всё пошло по плану: сил и средств оказалось недостаточно. Встречный прорыв не удался, и не имевшие тяжёлого вооруже-

Дом № 8 по улице Стандартной в г. Воскресенске

ния и материального снабжения части были вынуждены под жестоким танковым и артиллерийским натиском немцев выходить из окружения отдельными отрядами и подразделениями. Вышли не все – кто погиб, кто попал в плен. В итоге через боевые порядки противника из всего десанта смогли просочиться примерно 700 человек.

Доблестно сражавшийся 250-й воздушно-десантный полк оказался в полосе действия 5-й танковой дивизии вермахта. 10 марта майор Николай Солдатов вывел в расположение 1-го гвардейского кавалерийского корпуса остатки полка – 75 лыжников. А первоначально численность полка составляла 1425 человек. Из-за больших потерь полк вскоре расформировали.

Ахмет Симаев был пленён 7 марта 1942 года у деревни Панфилово в 14 километрах южнее Вязьмы.

Некоторые исследователи тех событий предполагают, что Ахмет Симаев, подготовленный разведшколой, специально был оставлен для ведения диверсионно-подрывной деятельности в тылу врага. Косвенным подкреплением этой версии можно считать обвинение, впоследствии предъявленное ему гестапо, в том, что он советский разведчик, засланный в Германию с диверсионными целями.

Так или иначе, но 7 марта на первом допросе в разведотделе 23-й немецкой пехотной дивизии он излагает свою легенду, по которой родился в узбекском Коканде, был приговорён в 1936 году за антиправительственные высказывания к 21 месяцу тюрьмы, срок отбывал на принудительных работах в Карелии, освободился летом 1938 года и потом работал корректором в газете. Отец его тоже был осуждён за антисоветскую деятельность и пропал. Во время службы в Монголии Симаев будто бы надеялся, что, когда начнётся война с Японией, у него будет возможность побега. Согласно протоколу допроса, он уверял дознавателей, что является «фанатичным татарским националистом», «хочет участвовать в борьбе против советской власти пропагандистским путём».

Как видим, показания не соответствуют официальной биографии во всём, что немцам невозможно было перепроверить. И наоборот, предлагаются моменты, могущие представить его идейным коллаборационистом.

Наградной лист на Ахмета Симаева. Февраль 1942 года

Ответы пленённого показались допрашивающим правдоподобными, и последовал вывод: «Учитывая его интеллект и сообразительность, Симаев будет полезен в пропагандистских целях – возможно, также для агентской работы».

Далее были лагеря для военнопленных – от пересыльного в Вязьме до специальной школы в берлинском пригороде Вульхайде (Wuhlheide).

Провал планов молниеносной войны и разгром фашистских войск под Москвой привели к тому, что немецкая армия стала ощущать недостаток в живой силе. И тогда рейхсминистр оккупированных территорий Востока Альфред Розенберг предложил свой план: использовать в качестве «пушечного мяса» военнопленных. В первый год войны в немецком плену оказалось около трёх миллионов советских граждан. Всячески раздувая национальную рознь, гитлеровцы хотели заставить пленных воевать против собственной Родины.

15 августа 1942 года был подписан приказ верховного командования сухопутных сил вермахта о создании из военнопленных поволжских национальностей, преимущественно татар и башкир Волжско-татарского легиона «Идель-Урал» (Идель – татарское название реки Волги).

За время войны из уроженцев междуречья Волги и Урала было сформировано семь полевых батальонов, а также 15 отдельных рот: строительные, железнодорожные, транспортные и прочие вспомогательные подразделения обслуживания германской армии, но не предназначенных для непосредственного участия в боевых действиях.

Готовя легион к решению боевых задач, немцы отнеслись к его комплектованию серьёзно. Каждый полевой батальон имел в своём составе три стрелковые, пулемётную и штабную роты по 130–200 человек в каждой; в стрелковой роте – три стрелковых и пулемётный взводы, в штабной – взводы противотанковый, миномётный, сапёрный и связи.

Батальоны насчитывали по 800-1000 солдат и офицеров, в том числе 60 человек германского кадрового персонала: четыре офицера, один чиновник, 32 унтер-офицера и 23 рядовых.

Ахмет Симаев. 1940 г.

У немецких командиров батальонов и рот были заместители из числа представителей национальности легионеров. Командный состав ниже ротного звена был исключительно национальным. На вооружении батальона имелись три противотанковые пушки (45-мм), 15 лёгких и тяжёлых миномётов, 52 ручных и станковых пулемёта, винтовки и автоматы (в основном трофейные советские).

Параллельно нацисты формировали политические структуры, призванные работать с татарами и представителями других народов, проживавших в Поволжье и Приуралье.

Для идеологической обработки пленных в Берлине был создан комитет «Идель-Урал», или «Татарское посредничество». Во главе комитета стоял турецкий подданный Абдрахман Шафи Алмас (Габдрахман Галиуллин). Начала издаваться на татарском языке газета «Идель-Урал», ежедневно вёл передачи на татарском языке отдел радиовещания.

Ещё в лагере военнопленных Ахмет Симаев был одним из инициаторов создания антифашистского подполья. Руководителем организации стал двадцатитрёхлетний учитель – лейтенант Гайнан Курмашев.

Уже в конце 1942 года Симаев был внедрён в комитет «Идель-Урал». «Национальный комитет» осуществлял набор военнопленных татар и башкир в батальоны, которые, кстати, буквально через несколько месяцев восстали против немцев.

Журналист Ахмет Симаев руководил изданием и распространением патриотических листовок по лагерям военнопленных.

Именно Симаев, по свидетельству многих легионеров, в частности Салиха Ганеева, нашёл в лагере для военнопленных попавшего раненым в плен на Волховском фронте под Новгородом в июне 1942 года старшего политрука Мусу Джалиля и привлёк к подпольной работе в легионе. Под его ответственность в марте 1943 года немцы перевели военнопленного Гумерова (под этой фамилией Муса Джалиль значился в «национальном комитете») в спецлагерь в Вустрау. Известно и то, что Ахмет Симаев предложил Джалилю сформировать группу для связи с Красной Армией.

Симаев сам писал стихи и переводил на русский язык поэзию старшего друга. Свидетельством их близкой дружбы и роли, которую играл наш земляк в судьбе Мусы Джалиля, может служить дошедшее до нас стихотворение, посвящённое в 1944 году Джалилем Ахмету Симаеву («□хм□т Симайга»): Поэт Вадим Рахманов перевёл это стихотворение с татарского языка на русский так:

Не ты ли, друг, сомненьями не мучась,
Пожал при встрече руку крепко мне,
В неволе разделивший мою участь,
Мои страданья облегчив в тюрьме?
Не ты ли словом смелого батыра
Мне вновь надежду обрести помог
И сердцем, что в неволе не остыло,
В моей душе огонь борьбы зажёг?
Да, ты, Ахмет. В день нашей первой встречи
Слезам твоим нежданным был я рад.
Ты целовал меня, сказав в тот вечер:
«Поэт мой, друг мой, мой земляк, мой брат!»
Мне не забыть той радостной минуты,
Когда во мне ты душу воскресил.
Ты разве клятву нашу позабыл?
Ахмет, молчишь сегодня почему ты?
Болит душа, и сердцу одиноко.
Хотя обиду я простил давно...
Симай, Симай, Отчизны нашей сокол,
С друзьями так вести себя грешно.
Ты наделён умом и сильной волей.
А сердцем верен правде до конца...
Ахмет, я у тебя учусь как воин
И мужеству, и стойкости бойца.
Я верю, что тебя услышу снова...
Хоть спрятан за тюремный ты засов,
Но жаром поэтического слова
Испепеляй орду фашистских псов!
Когда придёт свободы день заветный,
Мы, встретившись, обнимемся с тобой...
Пусть этот день таким же будет светлым,
Как час той клятвы, что вела нас в бой!

Лагерь легиона Идель-Урал в Едлино (Польша)

Музыкальная капелла легионеров Идель-Урал

Как видно из стихотворения, нацисты всячески пытались посеять раздор, недоверие среди легионеров, чтобы играть на человеческих слабостях, неприязни, сплетнях. Джалиль призывает друга не верить клевете и помнить о главном – совместной борьбе. Нет и тени сомнения, что они верили в победу над фашизмом.

Пропагандистская работа среди военнопленных с призывами к борьбе против врага проводилась подпольщиками ещё до встречи с Джалилем, но с его приходом в организацию эта деятельность активизировалась.

Подпольщики поставили перед собой задачу сорвать замыслы фашистов, «взорвать легион изнутри», как говорил Муса Джалиль, повернуть вложенное в руки легионеров оружие против самих гитлеровцев. Нелёгок и опасен был путь борьбы. Чтобы войти в доверие к фашистам, подпольщики для виду дали согласие сотрудничать с ними. Одни из них попали в легион, другие в комитет «Идель-Урал» в Берлине, третьи – в редакцию газеты «Идель-Урал».

На Симаева возлагались наиболее рискованные и ответственные поручения. Он прилично владел немецким языком, и ему не нужен был переводчик.

В подполье открылись новые грани характера Ахмета: он был умным и хитрым. Как бы ни были хорошо подготовлены гитлеровские разведчики, они не могли проникнуть в глубину его души – он казался им вполне лояльным. Они даже дали ему бумагу о том, что «в политическом отношении он благонадёжен» и разрешили свободное перемещение по Берлину и всей Германии. В Берлине он снимал частную квартиру в округе Шарлоттенбург на улице Вильмерсдорферштрассе, 15. Здесь он также встречался со связными из лагерей военнопленных для передачи листовок.

Многие знали, что Симаев как радиокорреспондент «Идель-Урал» имел аудиенцию у рейхсминистра восточных оккупированных территорий Альфреда Розенберга и у Шафи Алмаса. Всё это отводило от Симаева излишние подозрения.

Ахмет Симаев входил в группу подпольщиков, которая работала в одном из восточных отделов легиона «Идель-Урал», недалеко от Потсдамерплац, в Берлине. Став переводчиком в радиостудии «Винета» комитета «Идель-Урал», Симаев вместе с другими подпольщиками слушал радиопередачи из Москвы. Записывая сводки Совинформбюро, подпольщики размножали их на ротаторе (машине трафаретной печати) в виде листовок и переправляли в расположенный в 100 километрах южнее Варшавы под городом Радом Центральный Едлинский лагерь, где находился Джалиль. Распространялись листовки и среди «Ostarbeiter» («восточных рабочих») – советских людей, насильно угнанных в Германию.

Основное ядро подпольщиков в легионе группировалось вокруг музыкально-хоровой капеллы, созданной для культурного обслуживания военнопленных. Художественным руководителем и режиссером капеллы был Гайнан Курмашев. Разъезжая с концертами по лагерям, подпольщики распространяли антифашистские листовки, устанавливали новые связи, расширяли сферу своей деятельности.

В начале 1943 года немцы отправили в войска три полевых волжско-татарских батальона (825-й, 826-й и 827-й), а во второй половине 1943-го – ещё четыре (с 828-го по 831-й).

Труды подпольщиков не пропали даром. Первый (825-й) батальон легиона численностью около 900 человек 14 февраля 1943 года торжественно отправили на Восточный фронт. 19 февраля он прибыл в Витебск, где его основная часть была дислоцирована в деревне Гралево на левом берегу Западной Двины. Уже 21 февраля представители легионеров, действуя по поручению подпольной организации, связались с белорусскими партизанами и договорились об общем восстании батальона 22 февраля в 23.00. Несмотря на то, что немцам стало известно о планах легионеров и они за час до восстания провели аресты, схватив руководителей восстания, всё же под руководством Хусаина Мухамедова около 500-600 легионеров с оружием в руках и с большим количеством снаряжения перешли на сторону партизан. Бежать не удалось только двум взводам батальона (их не успели известить) и арестованным легионерам. Оставшихся немцы срочно отвели в тыл и приписали к другим подразделениям.

Причём набором военнопленных в этот батальон непосредственно занимался Ахмет Симаев.

Около половины третьего и четвёртого батальонов тоже ушли к партизанам Украины. Многие другие легионеры присоединились к голландским, польским и французским участникам Сопротивления. Оставшиеся батальоны легиона были расформированы самими гитлеровцами как политически неблагонадёжные, большинство легионеров возвращены в концлагеря в Германии и Польше.

Подпольная группа в Берлине существовала до 12 августа 1943 года. В результате предательской деятельности проникшего в организацию провокатора руководящая группа подпольщиков была арестована. Также считается, что роковую роль сыграл дефект некой литеры пишущей машинки с русским шрифтом, на которой печатали на восковой бумаге трафареты для ротатора. По ней гестапо и вышло на подпольщиков.

Кроме Мусы Джалиля и Ахмета Симаева в группу входили Абдулла Алишев, Фуат Булатов, Гариф Шабаев. Внезапный налёт агентов тайной полиции в ночь с 11 на 12 августа застал подпольщиков в редакции «Идель-Урал», когда они, настроив приёмник, начали слушать и записывать сводку Совинформбюро – далеко на Родине шла кровопролитная Курская битва.

Всего в разных местах были арестованы около сорока человек из подразделения пропаганды легиона. Однако, благодаря тому, что Джалиль, Симаев, Алишев и некоторые другие взяли всю вину на себя, им удалось спасти тех из своих товарищей, против которых у гитлеровцев не было достаточно улик.

После провала подпольной организации берлинскую группу увезли в тюрьму гестапо на Курфюрстендамм и держали около месяца в одиночках, расположенных под землёй. Затем их присоединили к основной группе в тюрьме Моабит.

Дела особой важности – о государственной измене, заговорах против Третьего рейха, подрывной деятельности рассматривал Имперский суд.

С 7 по 12 февраля 1944 года в Дрездене Второй сенат Имперского суда разбирал дело «Курмашев

Выписка из протокола Имперского суда от 12 февраля 1944 года

и десять других» («Kurmaschew und zehn Andere») о подрывной работе против немецкого рейха, создании подпольной антифашистской организации в комитете «Идель-Урал» и Волго-Татарском легионе, печатании и распространении листовок, призывавших легионеров повернуть оружие против немецких войск.

Высокий уровень судебного рассмотрения военных и политических преступлений арестованных – неоспоримое свидетельство того, что они действительно нанесли ощутимый ущерб нацистской Германии.

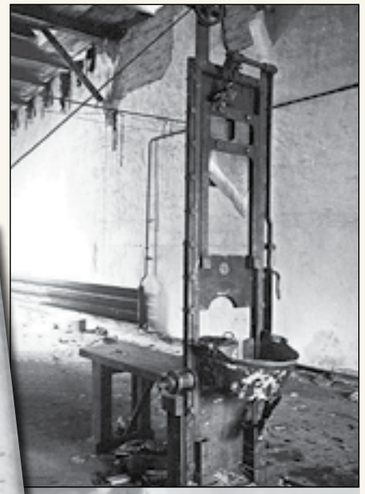
Одиннадцать арестованных руководителей подпольного центра – Абдулла Алиш (Алишев), Ахат Атнашев, Абдулла Баттал (Баталов), Фуат Булатов, Салим Бухаров (Галлянур Бухараев), Муса Джалиль, Гайнан Курмаш (Курмашев), Фуат Сайфельмулюков, Ахмет Симаев, Зиннат Хасанов (Хуснуллин) и Гариф Шабаев были приговорены к смертной казни.

В пражском архиве найдена выписка из приговора Второго сената Имперского суда от 12 февраля 1944 года. Документ имеет в верхнем левом углу номер «36/44» и заголовок «Курмашев и 10 других». Он датирован 12 февраля 1944 года. В скобках указана фамилия судьи – Фляйшман. Указано место суда – Дрезден. Ниже дан список приговорённых к смертной казни: одиннадцать фамилий с указанием года рождения и профессии. Основанием для приговора Курмашеву, Алишеву, Булатову, Гумерову (Джалилю), Шабаеву, Симаеву, Батталову записано «содействие врагу» и «подрыв военной мощи». Сайфельмулюкову инкриминировано «военное предательство» и «подрыв военной мощи». Для трёх последних в списке осуждённых – Хасанова, Атнашева, Бухарова – основанием для смертного приговора указано «недонесение» и «военная измена».

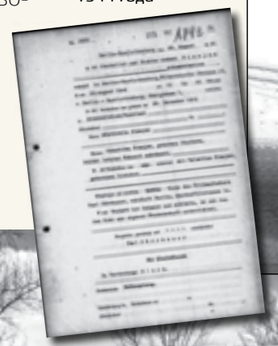
Ещё полгода они ожидали исполнения приговора сначала в камерах смертников Тегельской тюрьмы, а затем в крепости Шпандау. Всё это время от них изощрённо требовали подписания каких-то документов. Но ничто не смогло сломить воли патриотов.

После покушения на жизнь Адольфа Гитлера, совершённого 20 июля 1944 года подполковником Клаусом фон Штауффенбергом, были арестованы несколько тысяч подозреваемых в антигитлеровском заговоре немцев. По-видимому, понадобились места в тюрьмах, и последовало распоряжение рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера привести в исполнение ранее вынесенные приговоры.

Гильотина в тюрьме Плётцензее

Свидетельство о смерти Ахмета Симаева 25 августа 1944 года

Дом смерти в берлинской тюрьме Плётцензее

Казнили подпольщиков как государственных преступников на гильотине в полдень 25 августа 1944 года в берлинской тюрьме Плётцензее. Поочерёдно с интервалом в три минуты с 12.06 до 12.36 их бросали на гильотину. Первым, согласно порядку, указанному в обвинительном заключении, был казнён Гайнан Курмашев, следом – Фуат Сайфельмулюков, Абдулла Алишев, Фуат Булатов, Муса Джалиль, Гариф Шабаев, Ахмет Симаев, Абдулла Баттало в, Зиннат Хасанов, Ахат Атнашев, Салим Бухаров.

В уже упомянутой книге «По следам оборванной песни» Рафаэль Мустафин так описывает последний путь приговорённых к месту казни в тюремном «доме смерти»: «От тяжёлых, выкрашенных охрой дверей центрального блока тюрьмы Плётцензее до приземистого кирпичного строения в глубине двора сто четырнадцать шагов. Сто четырнадцать шагов – сначала по стёршимся каменным плитам, потом по утоптанному щебню вдоль высокой тюремной ограды, затем по неширокой, аккуратно посыпанной жёлтым песком дорожке...».

Последним с Симаевым общался заключённый итальянский антифашист Рениеро Ланфредини, которого в середине августа перевели в камеру № 153 тюрьмы Шпандау, где сидели Абдулла Алишев, Абдулла Батталов и Ахмет Симаев. Ланфредини вспоминал: «В пятницу, 25 августа 1944 года, в 6 часов утра камера открылась. Охранник вошёл с листом, на котором были фамилии и имена осуждённых. Выкрикнув Симаева, Алишева и Батталова, он громко произнёс: «Всё кончено для вас, ваша смертная казнь утверждена»». Уходя из камеры, Ахмет порывисто обнял Рениеро и сказал ему: «Ты так боялся умереть... Теперь мы идём умирать». На выходе друзья попрощались с ним по-итальянски и своим обычным «салям».

Немцы, присутствовавшие в тюрьме Плётцензее и видевшие заключённых татар в последние минуты их жизни, рассказывали, что держались они с удивительным достоинством.

Помощник надзирателя Пауль Дюррхауэр признавался: «Мне ещё не приходилось видеть, чтобы люди шли на место казни с гордо поднятой головой и пели при этом какую-то песню».

Католический пастор Георгий Юрытко также вспоминал, что, когда узников вывели из камер, они все вместе громко запели татарскую песню. А может, это была молитва?..

Ахмету Симаеву исполнилось всего лишь 28 лет.

В тюремном архиве сохранилась регистрационная карточка Ахмета Симаева:

«Тюрьма Плётцензее в Берлине.
Имя, фамилия – Ахмет Симаев.
Номер карточки – 827/44.
Дата рождения – 28.12.1915.
Место рождения – Краснослободск (Россия).
Профессия – журналист, татарский легионер.
Помещение (блок) – IV.
Помещён – 25.8.1944 г. в 8 час. из военной тюрьмы Шпандау.
Исполнительный орган и № дела – РКА-II-343/43.
Преступление – подрывная деятельность.
Приговор – смертная казнь.
Причина выбытия – казнён 25.8.1944 г.
Печать (генерального прокурора города Берлина).
Подпись (заведующего канцелярией)».

Немецкий писатель-публицист Леон Небенцаль разыскал в архиве берлинского загса (Standesamt) Свидетельство о смерти № 2972:

«Берлин-Шарлоттенбург, 26 августа 1944 г., журналист и поэт Ахмед (так имя записано в документе – В.Л.) Симаев, мусульманин, проживавший в Берлин-Шарлоттенбург, Вильмерсдорферштрассе, 15, умер 25 августа 1944 года в 12 часов 24 минуты в Берлин-Шарлоттенбург, Кёнигсдамм, 7.

Виктор Лысенков у стелы с барельефами джалиловцев на площади 1-го Ма я в Казани

Умерший родился 28 декабря 1915 года в Краснослободске (Россия). Отец – Садретдин Симаев, мать – Шарифа Симаева, урождённая Старкова, место жительства обоих неизвестно.

Умерший был женат на Валентине Симаевой, урождённой Листопад.

Заявлено и удостоверено: помощник надзирателя Пауль Дюррхауэр, проживающий: Берлин, Мантойфельштрассе, 10.

Сообщивший известен и заявил, что является личным свидетелем смерти.

Заявлено, прочитано и подписано: Пауль Дюррхауэр.

Причина смерти: обезглавлен».

После освобождения дрезденской тюрьмы на стене одной из камер была обнаружена надпись:

«Здесь сидел Ахмет Симаев, журналист, москвич. Нас из России 11 человек. Все мы осуждены

вторым германским имперским судом на смертную казнь. Кто обнаружит эту надпись и вернётся живым на родину, прошу сообщить родным и близким о нашей судьбе. 24 марта 1944 года». Здесь же был указан адрес брата Ахмета Симаева – Фаттаха.

Позже на хлопчатобумажном ставне, которым маскировали окно камеры во время авианалётов, была обнаружена ещё одна запись:

Виктор Лысенков и Наталья Таланова, правнучка Ахмета Симаева

«Здесь сидел Симаев, журналист, москвич, 13 февраля 1944 года приговорён германским имперским судом к смерти. Нас всего одиннадцать человек русских, все приговорены к смертной казни за политику. Кто прочтёт эти строки и живым вернётся на Россию, прошу передать моей жене Валентине Листопад, город Воскресенск, Московская область, или моим братьям и близким родственникам в Москве – Симаевым. К сему Симаев, 17 февраля 1944 года».

В Воскресенске о гибели земляка узнали лишь после окончания войны. В городской военный комиссариат поступило извещение из Управления по учёту погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава Народного комиссариата обороны СССР со стандартной формулировкой:

«По уточнённым данным кр<асноармеец> Симаев Ахмет Сатардинович (так отчество написано в документе – В.Л.)

Уроженец ... 1915 г. рождения, призванный Воскресенским горвоенкоматом, погиб в концентрационном лагере в германском плену ... февраль 1944 г.

По нашим данным семья прожив. г. Воскресенск ул. Стандартная д. 8 кв. 7.

Замените семье выданное ранее извещение, а если семья не имеет извещения, то выдайте согласно приказа НКО № 023 1944 г. (этим приказом установлена форма бланка извещения – В.Л.)».

Даты на извещении нет, но скорее всего оно получено в ноябре 1945 года.

Долгим и трудным был путь к реабилитации нашего героя и его сподвижников на родине. Ведь поначалу, в 1946 году, Министерством государственной безопасности СССР все они обвинялись в измене Родине и пособничестве врагу.

В 1952 году проведенная Министерством государственной безопасности проверка установила, что Ахмет Симаев, Муса Джалиль и их соратники действительно вели подпольную работу, за что и казнены гитлеровцами. В августе 1952 года они были полностью реабилитированы.

2 февраля 1956 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за исключительную стойкость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, поэту Мусе Мустафовичу Джалилю (Залилову) было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Благодаря уцелевшим сокамерникам до нас дошли две тетради стихов Мусы Джалиля – стихи сильного духом человека, настоящего сына своей Родины. Сохранились и некоторые стихи Ахмета Симаева.

Постановлением Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР от 22 апреля 1957 года ему присуждена Ленинская премия «за цикл стихотворений «Моабитская тетрадь»». Его именем названы город в Татарстане, улицы и площади многих населённых пунктов. Имя Джалиля присвоено Татарскому государственному театру оперы и балета. В Москве поэт-патриот увековечен памятной плитой на доме № 11 в Столешниковом переулке (здесь он жил с 1935 по 1941 год) и монументом, установленным в 2012 году на улице, носящей его имя.

Десять соратников Джалиля: Абдулла Бареевич Алишев, Ахат Махмутович Атнашев, Абдулла Вазыхович Батталов, Фуат Зиятдинович Булатов, Галлянур Мустафович Бухараев, Муса Джалиль, Гайнан Нуриевич Курмашев, Фуат Хаджеахметович Сайфельмулюков, Ахмет Садретдинович Симаев, Зиннат Хуснуллович Хуснуллин и Гариф Хафизович Шабаев Указом Президента СССР М.С. Горбачёва от 5 мая 1990 года № 116 за активную патриотическую деятельность в подпольной антифашистской группе и проявленные при этом стойкость и мужество посмертно награждены орденом Отечественной войны I степени.

В столице Татарстана – Казани, на площади 1-го Мая, на самом высоком месте у Спасской башни Казанского кремля, в 1966 году воздвигнут памятник Мусе Джалилю, а в 1994 году установлена стела с барельефами его десяти соратников, среди которых и наш земляк Ахмет Симаев.

Каждый год 25 августа, в день гибели джалиловцев, здесь проводятся митинги, посвящённые гибели поэта и его товарищей по подпольной организации.

По распоряжению Сената Берлина в тюрьме Плётцензее, где во времена Третьего рейха было казнено более 1800 человек, в 1952 году создан мемориал жертвам нацизма в Германии, открыт музей. Перед зданием, где проводились казни, возведена мемориальная стела с надписью: «Жертвам гитлеровской диктатуры 1933–1945 гг.».

В Воскресенске мемориальная доска в память Ахмета Садретдиновича Симаева на здании, где когда-то размещалась редакция районной газеты, была установлена 8 мая 1985 года, в канун празднования 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Инициатором этого исторического события стал член Союза журналистов СССР, ответственный секретарь редакции Воскресенской газеты «Коммунист» Сергей Михайлович Кристи (1921–1986), который был первым и самым последовательным исследователем жизни и подвига нашего земляка, многое сделавший для восстановления и увековечения его доброго имени.

\ Краеведов всегда интересовала дальнейшая судьба семьи Ахмета Симаева. Было только известно, что вдова погибшего героя через годы соединила свою судьбу с работавшим в районной газете фронтовиком Николая Ивановича Антроповым, а потом с семьёй переехала на жительство в подмосковный город Химки.

И вот история нашла продолжение.

После выхода в свет мой книги «Ахмет Симаев – журналист, подпольщик, соратник Мусы Джалиля» (М.: Серебро Слов, 2020) неожиданно пришло по электронной почте пришло письмо из Химок. На связь вышла правнучка Ахмета Симаева – Наталья Сергеевна Таланова. А 30 января 2021 года в отделе краеведения Центральной библиотеки городского округа Воскресенск (в историко-краеведческом музее) состоялась наша встреча. Наталья приехала с мужем Павлом. На встрече также пришли воскресенские краеведы, руководители ветеранских организаций и мусульманских общин из Коломны и Воскресенска.

Оказалось, что Наталья унаследовала литературные способности прадеда, окончила факультет гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, работает в информационном агентстве ТАСС.

После небольшой экскурсии по отделу краеведения, произошло взаимоинтересное общение – Наталья рассказала о воспоминаниях о Ахмете Симаеве, сохранившихся в семье, выразила большую благодарность за книгу, признавшись, что в не нашла неизвестные ей подробности судьбы прадеда.

По её словам, носившая фамилию отчима бабушка узнала о своём настоящем отце только в семнадцать лет. По новому свидетельству о рождении она уже была Антроповой Людмилой Николаевной. Она училась в Воскресенской средне школе № 1 (на улице Советской), окончила Московский технологический институт пищевой промышленности, вышла замуж. В химкинском микрорайоне Левобережный 23 апреля 1965 года родился внук Ахмета Симаева – Сергей Юрьевич Таланов, а потом, 26 июля 1988 года, и правнучка Наталья.

Фото н память о встрече 30 января 2021 года

Участники встречи и гости возложили цветы к мемориальной доске на здании по улице Советской, где находилась редакция воскресенской районной газеты «За темпы» («Коммунист») и посетили дом на улице Стандартной, где жил Ахмет Симаев.

Эта интересная встреча дала и ещё один ценный для меня результат. Дело в том, что в наших краеведческих архивах сохранилось очень мало фотографий (особенно качественных), а Наталья Сергеевна прислала мне несколько семейных фотоснимков, среди которых два замечательных портрета четы Ахмета и Валентины Симаевых. Впервые они публикуются в нашем альманахе.

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

ВИЗИТНОЙ КАРТОЧКОЙ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ № 14 ЯВЛЯЕТСЯ МУЗЕЙ БОЕВОЙ И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ. ОН ПОСВЯЩЁН ТРУДОВЫМ ЗАСЛУГАМ И РАТНОМУ ПОДВИГУ НАШИХ ЗЕМЛЯКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. В ОСНОВЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НАШЕЙ ШКОЛЫ ЯВЛЯЕТСЯ УТВЕРЖДЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МОРАЛИ: ПРАВДЫ, СПРАВЕДЛИВОСТИ, ДОБРОТЫ И МИЛОСЕРДИЯ. УНАСЛЕДОВАНИЕ МОЛОДЫМ ПОКОЛЕНИЕМ ДУХОВНОГО БОГАТСТВА НАРОДА, ФОРМИРОВАНИЕ ВЫСОКИХ ПАТРИОТИЧЕСКИХ И ГРАЖДАНСКИХ КАЧЕСТВ, ГОТОВНОСТЬ ЗАЩИТИТЬ СВОЁ ОТЕЧЕСТВО.

2 октября 1964 года актив пионерской организации принял решение о создании в школе музея «История Великой отечественной войны»

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО, БУДУЩЕГО В ШКОЛЬНОМ МУЗЕЕ ФОСФОРИТНОГО

Лариса Рыбальченко,
учитель истории МОУ «Средняя общеобразовательная школа «Наши традиции»

Важную роль в этом благородном, трудном и ответственном деле играет наш школьный музей.

Музей в нашей школе открылся 8 мая 1987 года. Сама идея его создания появилась гораздо раньше. 2 октября 1964 года пионеры и комсомольцы школы, участвуя в походах по местам боевой и трудовой славы, постановили: создать музейную экспозицию «История Великой Отечественной войны». Идея получила своё развитие, и вскоре в школе № 14 появился уголок «Боевой славы».

Заветная мечта о создании музея воплотилась в жизнь только с переездом школы в 1983 году в новое здание. Этому предшествовала долгая поисковая работа учащихся и учителей. В результате был собран большой документальный материал, реликвии войны, воспоминания участников, их личные документы и вещи, предметы, фрагменты оружия.

В оформлении стендов участвовали учитель трудов Леонид Ефремович Филатов и старшеклассники.

Авторами тематико-экспозиционного плана стали учитель истории Валентина Ивановна Кравцова и учитель начальной военной подготовки Анатолий Алексеевич Москалев.

Благодаря их стараниям оформление музея выполнено на высоком профессиональном и художественном уровне.

Музейная экспозиция включает в себя материалы по следующим направлениям:

- военно-патриотическое;
- историческое краеведение
- этнографическое.

Учитель истории - Кравцова Валентина Ивановна

Учитель НВП - Москалев Анатолий Алексеевич

Зал боевой и трудовой славы

Зал боевой и трудовой славы – это летопись свидетелей и очевидцев подвига защитников Родины в Великой Отечественной войне.

Стена памяти в зале Боевой Славы отражает разные периоды Великой Отечественной войны – первые дни войны, катастрофа лета и осени 1941 года, перелом под Москвой, оборона Ленинграда, Сталинград, «Огненная дуга», фронт за линией фронта, мы и союзники, освобождение Европы, у стен Рейхстага, победный май.

Страшным, всё уничтожающим на своем пути ураганом прогрохотала над страной война. Выстоял, победил в ней наш народ-богатырь. В общую Победу и наши земляки внесли свою лепту. С гордостью и горечью останавливаемся мы у обелиска воинам-землякам, сложившим головы на полях сражений.

В первые дни войны Воскресенским и Егорьевским военкоматами были призваны и героически воевали на всех фронтах войны жители посёлка Фосфоритный. Почти каждый десятый житель нашего поселка погиб в сражениях на фронтах Великой Отечественной войны. На протяжении многих лет учащиеся и учителя школы собирали материал о ветеранах и тружениках. Итогом этой работы стали альбомы и «Книга Памяти».

Жители Фосфоритного гордятся тем, что среди девяти Героев Советского Союза Воскресенского района – наш земляк Виктор Ефимович Карпов.

Далёкие годы начала прошлого века... Обычное село Ершовка Кирилловского района Саратовской области, в котором живёт простая крестьянская семья Карповых. В ней в 1915 году родился Виктор

Экспозиция школьного музея – Стена памяти

Виктор Ефимович Карпов

Ефимович Карпов. Кроме него у родителей было ещё три дочери и два сына. Жили тяжело. В 1929 году вступили в колхоз.

Окончив три класса начальной школы Виктор уже начал свою трудовую деятельность. Работая в колхозе, старался помочь семье. После шестого класса школы он стал работать в городе Вольске на заводе «Коммунар».

В 1933 году семья переезжает в Московскую область в рабочий посёлок Егорьевского фосфоритного рудника. В тридцатые годы двадцатого века наш поселок становится одним из крупнейших центров по добыче фосфоритной руды. Сюда приезжают люди со всех концов страны, поэтому первая его улица получает название Интернациональная. Виктор Ефимович Карпов устроился работать машинистом мотовоза.

В 1936-м его призывают на срочную военную службу. После демобилизации, в 1938 году, он возвращается домой. Друзья, уважаемая работа – посёлок жил одной дружной семьёй. Довоенное поколение никогда не сидело без дела. Проводили субботники по благоустройству поселка: сажали на улицах деревья и кустарники, вручную копали пруд и устраивали зону отдыха. В парке построили летнюю эстраду, которая стала любимым местом отдыха жителей посёлка.

22 июня 1941 года в поселке должно было состояться открытие первой смены пионерского лагеря.

И вдруг: «...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!». Радио тревожно замолчало, словно не чувствуя огромное количество глаз, устремленных на его черный диск. Люди ждали ещё чего-то, но все слова были уже сказаны: война.

Экспозиция школьного музея – немые свидетели войны

Война, столкнувшая человеческие судьбы миллионов. Для моих земляков, застывших перед замолчавшим радио война разделила жизнь пополам - привычная прежняя и новая неизвестная военная. Как прожить эту новую, подсказать не мог никто. Каждый принимал решение сам.

24 июня Виктор Ефимович уходит на фронт. Когда провожали, шутил: «Или в медалях приду, или смерть приму». Никто тогда не знал, что сбудутся его слова: пройдя трудными дорогами войны, вернётся он Героем в родной посёлок.

Сражался наш земляк на Западном и Ленинградском фронтах. Принимал участие в обороне Москвы и освобождении Ленинградской области.

Весной 1943 года Виктор Ефимович после госпиталя приехал в родной поселок в отпуск. У клуба был тогда в честь фронтовиков организован митинг, и Виктор Ефимович рассказывал, как они бьют ненавистного врага.

А дальше опять на фронт. Всё дальше и дальше продвигались войска, врага беспощадно гнали с родной земли. Были Эстония, затем Румыния и Венгрия.

В мирные дни Дунай – небесно-голубой, а в 1944-м он был бурым от взрывов, копоти и крови. Старшине Карпову был дан приказ обеспечить высадку десанта на другом берегу.

Виктор Ефимович Карпов, командир отделения 62-го отдельного понтонно-мостового батальона, сумел выполнить боевое задание в неимоверно трудных условиях.

Первоочередной задачей было оборудовать паромные переправы. Виктор Ефимович руководил постройкой одного из причалов. Противник вёл сильный артиллерийский и пулеметный обстрел обоих берегов. Несколько саперов из отделения Карпова были ранены, двое убиты. Получил контузию и Виктор Ефимович, но, пролежав полчаса в глубокой воронке от бомбы, он вновь вернулся к причалу и только после того, как работа была закончена, возвратился на левый берег Дуная.

Но отдыхать не пришлось. Всю ночь на 5 декабря 1944 года Карпов, работая машинистом на катере, возглавлял паромную переправу пехоты. До рассвета он сделал 16 рейсов и перебросил на западный берег Дуная шесть 76-миллиметровых орудий и батальон 176-го стрелкового полка с полным вооружением.

Ещё в течение трёх суток подряд старшина Карпов под ожесточённым обстрелом противника переправлял войска на захваченный плацдарм. Два

Поселок Хорлово – место захоронения Карпова В.Е.

Экспозиция музея, посвященная ветеранам, жителям поселка Фосфоритный, участникам Великой Отечественной войны

катера Карпова были разбиты огнём вражеской артиллерии, но старшина пересаживался на исправное судно и продолжал буксировку парома.

Днём 5 декабря, при подходе к правому берегу, на паром Карпова налетели вражеские бомбардировщики. Осколками рядом разорвавшейся бомбы была убита лошадь, ранены два солдата, пробиты два полупонтона. Паром, загруженный орудиями, накренился вправо и стал тонуть. Ещё мгновенье – и пушки оказались бы под водой. Но Виктор Ефимович не растерялся. Несмотря на то, что налёт ещё не кончился, и вокруг свистели и рвались бомбы, он увеличил скорость и довёл паром до причала.

> И вдруг: «...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!». Радио тревожно замолчало, словно не чувствуя огромное количество глаз, устремленных на его черный диск. Люди ждали ещё чего-то, но все слова были уже сказаны: война.

Когда артиллеристы выгрузили пушки и боеприпасы, Карпов починил понтоны и продолжал переправу советских войск. За трое суток непрерывной работы под ожесточенным огнём противника Виктор Ефимович сделал шестьдесят рейсов через Дунай и обеспечил своевременную переброску на плацдарм частей 59-й стрелковой дивизии.

Героями не рождаются, героями становятся. Находясь в смертельной опасности, невероятно усталый, не думал Карпов, что за успешно выполненное боевое задание по форсированию Дуная ему будет присвоено звание Героя Советского Союза. Он знал только, что это одна из последних преград, которую нужно преодолеть на пути к Победе.

За мужество и героизм, проявленные при форсировании Дуная, старшине Виктору Ефимовичу Карпову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза. При боевых наградах возвратился фронтовик домой, сбылись сказанные им ранее слова. Рядом с геройской Золотой Звездой и орденом Ленина его грудь украшали медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией».

Последние годы жизни Виктор Ефимович работал начальником транспортного цеха. Все, кто его знал, подчёркивали трудолюбие, упорство, твёрдость характера. Таким Виктор Ефимович и остался в наших сердцах! Умер земляк-герой в 1961 году и похоронен на кладбище поселка Хорлово.

Он не искал почестей и наград, а просто до конца выполнял свой долг. Память о Герое Советского Союза Викторе Ефимовиче Карпове навсегда сохранится в родном поселке. В школьном музее бережно хранят историю его подвига. Именем Героя названа улица в нашем посёлке.

В городе Воскресенске на Аллее Героев у Вечного огня в честь Виктора Ефимовича Карпова установлена мемориальная плита. Стела с портретом Героя установлена и на Аллее Героев города Егорьевска.

«Всё для фронта! Всё для победы!»

С началом войны на Егорьевский фосфоритный рудник пошли повестки для мобилизации на фронт.

Посёлок очень быстро опустел. Производство по добыче и переработке фосфоритной руды было остановлено. Летом 1941 года по решению Государственного Комитета Обороны в посёлке был создан военный завод по производству противотанковых мин.

Цех номер один – располагался на фосмельнице, где в барабанах, предназначенных для размола муки, стали дробить аммиачную селитру, поступавшую из Воскресенска по железной дороге. Отгрузку селитры помогали производить школьники. После занятий они приходили на станцию Воскресенск и вместе со взрослыми грузили селитру в вагонетки. Даже налёты вражеской авиации не могли помешать работе.

Цех номер два – разместился на конном дворе. Сюда доставляли по железной дороге торф из Шатуры и селитру из первого цеха. Торф и селитру смешивали, получая взрывчатое вещество – динамон.

Смесь в мешках перевозили на лошадях в цех номер три, организованный в здании клуба «Красный Горняк». В фойе клуба установили конвейер. Порошок динамона раскладывали в маленькие бумажные пакеты, закрепляли в них детонаторы, и в таком виде взрывоопасный продукт по конвейеру перемещался в зрительный зал клуба, где стояли чугунные колбы с горячим битумом. Мешочек со всем содержимым опускали в битум, затем просушивали, и противотанковая мина была готова. Уложенные в ящики мины на машине отвозили на железнодорожную станцию, а оттуда отправляли на фронт.

Главным инженером производства был назначен Илья Иванович Кочнев, начальником фабрики № 1 Тимофей Алексеевич Титов. Эти люди работали на военном производстве с 1941 по 1945 годы.

Кто же трудился на заводе? Кто создавал такую серьезную продукцию? Женщины и подростки заменили ушедших на фронт мужей и сыновей, отцов и братьев.

В июле 1941 года Егорьевский военкомат (в то время посёлок рудника административно входил в Егорьевский район) объявил мобилизацию девушек в возрасте 18-23 лет для работы на военном заводе. Общее число мобилизованных составило 300 человек. Серьёзное военное производство было женским, лишь начальниками цехов были мужчины.

Девушки работали в тяжелых условиях: им приходилось стоять по 12 часов в ледяной воде, болели руки и ноги, одежда пропитывалась селитрой и часто загоралась при сушке. Трудились без выходных дней. Смены доходили до 14 часов на одного работающего в сутки.

Экспозиция музея - обелиск «Слава»

Из воспоминаний Марии Фёдоровны Гуц (Юдиной): «Мы работали на фабрике № 1 в очень тяжёлых условиях, по колено стояли в грязной жиже и не чувствовали своих ног, потому что они перемерзали в резиновых сапогах, особенно зимой. Из-за этого ноги болели так, что мы плакали и не могли спать. Но никто из нас не роптал, мы верили в победу и

> Девушки работали в тяжелых условиях: им приходилось стоять по 12 часов в ледяной воде, болели руки и ноги, одежда пропитывалась селитрой и часто загоралась при сушке. Трудились без выходных дней. Смены доходили до 14 часов на одного работающего в сутки.

готовы были выдержать всё». Девушки из фабрики № 1 сначала и не догадывались, какое ещё испытание им предстоит перенести. Работая на фабрике, они не обращали внимание на то обстоятельство, что их одежда вплоть до нижнего белья была пропитана сырьём и всегда была влажной. В один из холодных осенних вечеров, придя с работы, девушки переоделись и, как обычно, повесили свою одежду не верёвочках прямо в комнате. Принесли дрова и затопили печку. И тут вся одежда воспламенилась, начался пожар, сгорело всё внутри комнаты. Комнату отремонтировали, но теперь девушки вынуждены были, придя со смены к себе в барак, полностью переодеваться в сухую домашнюю одежду. На дворе в это время стояли трескучие морозы. Перед выходом на работу они вновь одевали замёрзшую до льда одежду и шли на фабрику. И так каждый день. Питались в столовой, которую организовали в бараке сзади клуба. Иногда с разрешения начальства там смотрели кино, которое привозили из города, устраивали себе танцы.

В январе 1943 года произошёл трагический случай опять из-за неосторожности одной из девушек. Красавица Тамара Усатова (работница фабрики № 1) после смены переоделась очень быстро и, не сняв с себя всей одежды, ушла на танцы. Вернулась поздно, замёрзла на морозе и решила погреться на печке, которая была ещё горячей. Когда Тамара села на печку, одежда на ней воспламенилась. Девушка горела заживо. Дико кричащую, её вытащили на снег, потушили на ней огонь, повезли в поселковую больницу, но по дороге она от сильных ожогов скончалась.

За свой труд девушки получали зарплату от 270 до 765 руб. в месяц и продовольственные карточки: хлеб – 1 кг в руки, остальное – крупа, 0,5 кг конфет, селёдка. В конце месяца работницам фабрики № 1 выдавали по 4 кг хлеба «за вредность».

Готовую продукцию перевозили на станцию «Рудниковская» на «полуторке», водителями которой были Анна Михайловна Рыбанова (Гвоздева) и Екатерина Лаврентьевна Благова (Цветкова). Они тоже работали по 12 часов: с 7 часов утра до 19 часов вечера, старались как можно больше рейсов сделать на станцию. После смены каждая из них оставалась в гараже до тех пор, пока не отремонтирует старую машину. На это уходило иногда несколько часов. Но машину сдавали друг другу в исправном состоянии. На отдых оставалось совсем немного времени.

Здание барака, где проживали работницы военного завода

Экспонаты этнографического раздела

Предметы деревенского быта

Большую роль в транспортировке мин играла узкоколейная железная дорога, которая была построена вокруг посёлка и выходила на железнодорожную станцию «Рудниковская». По ней ходил маленький мотовоз с двумя вагонетками, машинистом которого была девушка Антонина Фёдоровна Кукушкина (Собакина). Она пришла на работу на военное производство в 1941 году после увольнения с фабрики «Молот и Серп», закончила курсы машинистов и начала работать на мотовозе вместе со своим напарником Сергеем Ивановичем Хозяиновым. Ящики с минами загружались в вагонетки и увозились на станцию. Ремонтными работами, чтобы железнодорожный состав всегда был в рабочем состоянии, занимались Максим и Иван Сапожковы.

Тяжёлый физический труд, плохое питание – сбивали, валили с ног. Отработав смену для фронта, девушки, женщины при необходимости часто направлялись на разгрузку сырья, или на погрузку готовой продукции. Жили в бараках. Под одной крышей в комнате находилось до тридцати человек. И так – три года, вплоть до победного 1945-го.

День Победы встречали всеобщим ликованием, многие – со слезами на глазах. Но для каждого он был долгожданной радостью. Из воспоминаний Тамары Михайловны Судаковой: «Пришли от руководства завода, сказали: «Кончилась война, девчата!» Тут и пошло гулянье по случаю Победы над немцем. Народ – кто плясал, кто плакал... Горе-то у всех нас было. Потому и радость была, что окончилась эта проклятущая война».

После окончания войны работницы разъехались по Подмосковью, по стране. В посёлке Фосфоритный из них осталось 15 человек. Все награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Завод работал до 1945 года, а уже с 1946 года в поселке опять начали добывать руду, постепенно восстановив выпуск довоенной продукции.

Этнографический отдел музея

В этнографическом зале представлена домашняя утварь, бытовые предметы народа. Они нашли свое отражение в экспозиции «Русская народная горница».

Со многим, из того что здесь представлено нынешнее поколение знакомо только по картинкам в учебниках истории. А ведь наши бабушки могли запросто управляться с цепами на гумне, умели ткать, прясть, вышивать так, что залюбуешься. Дедушкам не составляло труда плести лапти, делать деревянную утварь.

Вот у кого нужно учиться трудолюбию, терпению, смекалке. Этот зал своеобразное «окошко» в далёкое прошлое.

У каждого человека есть своя родина, и каждый по-своему любит место, где родился и живёт. Любит родные просторы, поля, леса, любит свой язык. Формирование любви к родине начинается с раннего детства, с картинки в букваре, песни матери, с того уголка, где живём. Музей – это то место, где переплетается наше прошлое, настоящее и формируется поколение нашего будущего.

ВОСКРЕСЕНСК СПОРТИВНЫЙ

ЗНАМЕНИТЫЕ ФИГУРИСТЫ ЛЮДМИЛА БЕЛОУСОВА И ОЛЕГ ПРОТОПОПОВ ЗАВОЕВАЛИ 16 ЗОЛОТЫХ МЕДАЛЕЙ НА ОЛИМПИАДАХ, ЧЕМПИОНАТАХ МИРА, ЕВРОПЫ И СССР. НО МНОГИЕ ЛИ ЗНАЮТ, КАКУЮ РОЛЬ В СУДЬБЕ СПОРТСМЕНОВ СЫГРАЛ ВОСКРЕСЕНСК?

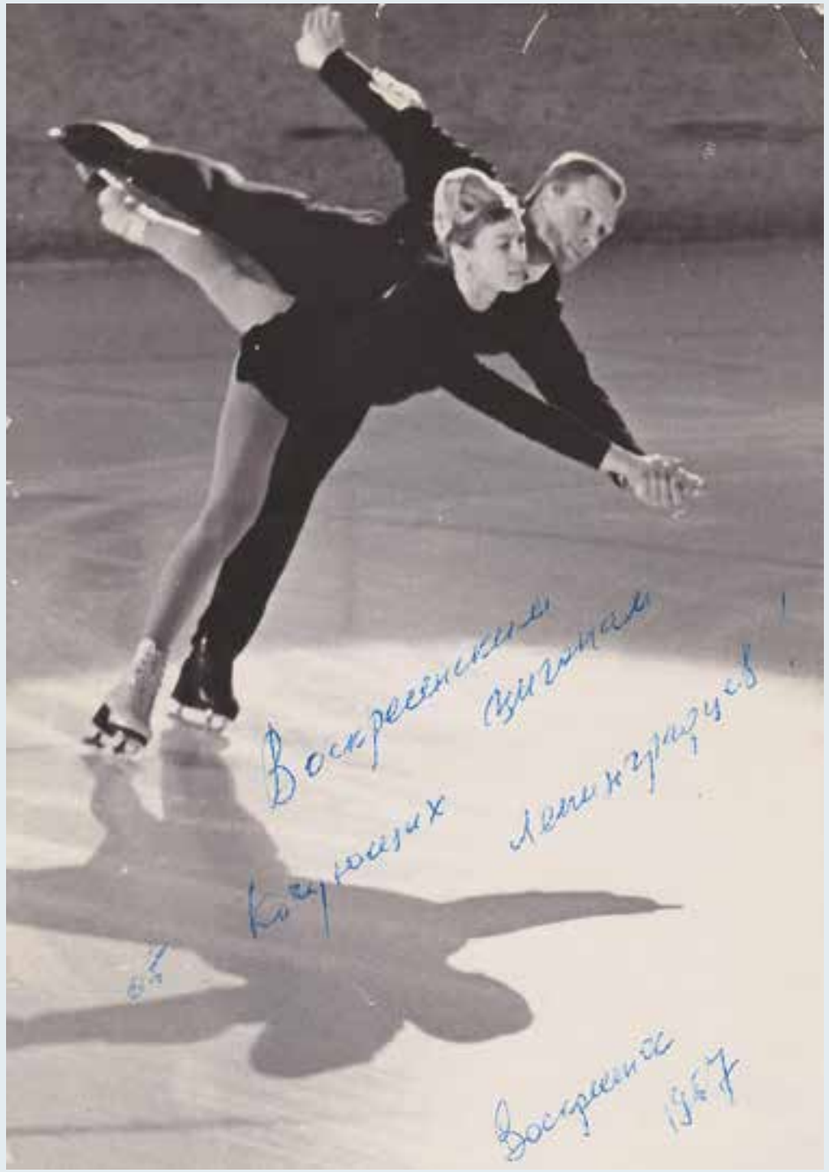

Фото с дарственной надписью: «Воскресенским цыганам от кочующих Ленинградцев. Воскресенск 1967».

ВОСКРЕСЕНСКИЙ ВКЛАД В МИРОВОЕ ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

Сергей Киселев,
заслуженный работник печати Московской области

А ведь именно в нашем городе звёздная пара готовилась к самому триумфальному сезону в своей карьере. Здесь фигуристы несколько лет жили и тренировались. И на долгие годы сдружились с простой местной семьёй...

Сведения и фото, опубликованные в данном материале, можно считать эксклюзивными. Великие спортсмены не откровенничали с журналистской братией, и их частная жизнь не освещалась в СМИ. Нам же удалось получить информацию из первых рук – от воскресенской семьи Строкань.

Чемпионы-отшельники

Людмила и Олег появились в Воскресенске ровно 55 лет назад, в 1966 году, сразу после открытия Дворца спорта «Химик». Олимпийские чемпионы заключили договор о постоянной аренде льда для утренних и вечерних тренировок. Жили фигуристы в гостинице хоккеистов при Дворце спорта.

Но почему именно Воскресенск? Просто здесь звёздный дуэт мог опробовать новые элементы своих композиций, не опасаясь, что их подсмотрят и скопируют недремлющие конкуренты. Одно из главных условий договора было таким: во время тренировок к ледовой арене не допускался ни один посторонний человек!

- По режиму секретности Дворец спорта напоминал в эти дни оборонный объект. Перед каждой тренировкой сотрудники стадиона с милиционером обходили трибуны в поисках «засланных казачков», – рассказывал бывший директор ДС «Химик» Евгений Петрович Пивоваров. – И однажды за портьерой действительно обнаружился незнакомец с кинокамерой.

Не раз наведывался в Воскресенск и главный конкурент Белоусовой и Протопопова –тренер Станислав Жук. Он приезжал якобы договориться об аренде льда, но его визиты всегда совпадали по времени с тренировками Людмилы и Олега, и он обязательно пытался пройти к ледовой площадке, держа в руке видеокамеру (два комплекта редчайшей тогда в СССР японской аппаратуры государство закупило для С. Жука и для пары Белоусова-Протопопов). С огромным трудом удавалось сотрудникам стадиона преграждать путь известному и чрезвычайно пробивному человеку.

Белоусова-Протопопов на льду ДС «Химик».Воскресенск 1967».

Белоусова в дверях мастерской художника-оформителя ДС «Химик»

Людмила Белоусова с котёнком на крыше ДС «Химик»

Но, кроме спортивной конкуренции, имелся у знаменитой пары, возможно, и личный мотив для бегства от столичных сплетников. Фигуристам перевалило в ту пору за 30 лет. По свидетельству очевидцев, Людмила хотела стать матерью. Однако Олег, человек жёсткий, всю их жизнь подчинил покорению спортивного Олимпа. По данному поводу у них якобы происходили бурные выяснения отношений. Поэтому они и поселились в небольшом городке, подальше от «великосветского общества». И здесь неожиданно сдружились с простой местной семьёй. Юлия и Виктор Строкань были чуть моложе фигуристов, но уже имели двух дочек и останавливаться на достигнутом не собирались...

Знаменитые тоже плачут

Для самоконтроля на тренировках Белоусова и Протопопов использовали видеомагнитофон. А снимал их на камеру художник-оформитель Дворца спорта Виктор Строкань. Постепенно деловое сотрудничество переросло в дружбу семьями. А у олимпийской чемпионки Людмилы Белоусовой и аппаратчицы химкомбината Юлии Строкань отношения вообще сложились очень доверительные.

Супружеские пары вместе ездили летом на пикники. Фигуристы сидели на строжайшей диете, поэтому вылазки на природу обходились без шашлыков и ограничивались супчиком из картошки. Для таких поездок у спортсменов имелась сконструированная на заказ «Волга»-пикап, у которой задняя дверца откидывалась и превращалась в столик. Несколько раз гостеприимные воскресенцы приглашали фигуристов к себе домой.

- Мы тогда жили в Неверове в бараке, – рассказывает Юлия Строкань. – На четверых у нас имелась комнатушка в 11 кв. метров. Зимой печка топилась плохо, стены насквозь промерзали, с потолка иней бахромой свисал... Тут и принимали мы олимпийских чемпионов, картошкой жареной угощали, а они нашим дочкам соки приносили.

А однажды Людмила наведалась к Юлии одна, без супруга. Произошло это при весьма необычных обстоятельствах.

Заканчивалось лето 1967 года. Барак, где обитало семейство Строкань, стали сносить. Но жильё взамен предложили маленькое, и Виктор с Юлией устроили «акцию протеста», наотрез отказавшись переезжать (их потом с милицией выселяли).

И вот представьте картину: подкатывает Белоусова на велосипеде к знакомому бараку, а там вместо здания – руины, посреди которых высятся стены единственной уцелевшей комнатушки, где сидят и «бастуют» беременная Юля и две её дочки. Пробралась по брёвнам Людмила к подруге, и тут женщины дали волю слезам!

А поплакать им было от чего. У одной близятся третьи роды, а нормального жилья не дают. У другой имеются и слава, и достаток, но детей своих нет и не будет.

- И мы договорились, что если у нас дочь родится, то назовём её Людой, а если сын – Олегом, – вспоминает Юлия Строкань. – И этому ребёнку Белоусова хотела стать крёстной матерью «по жизни», поскольку крестить детей по-настоящему я, партийная, права не имела. Ну, а мы тогда всё же переселились в коммуналку на ул. Победы, в дом с аркой возле школы № 2.

Спортивные достижения и семейные радости

Год 1968-й выдался удачным для обеих семей. Белоусова и Протопопов второй раз завоевали олимпийское «золото» и в четвёртый раз стали чемпионами мира и Европы. А у Юлии с Виктором в январе родился третий ребёнок – сын, названный Олегом.

Летом знаменитые фигуристы вернулись в Воскресенск. Как и прежде, гоняли они по округе на

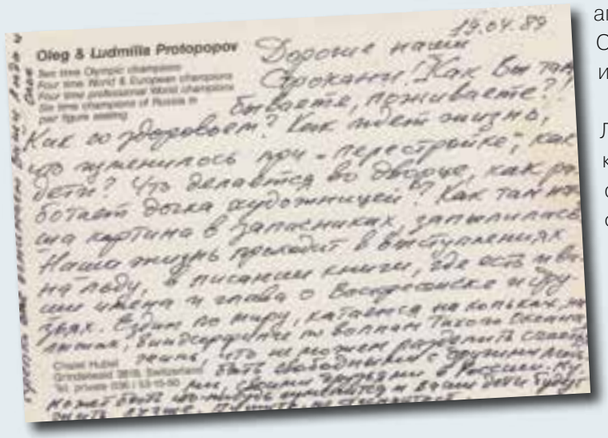

Юлия Строкань с сыном Олегом в «Волге» фигуристов

Виктор и Юлия Строкань

велосипедах, занимались на Москве-реке водными лыжами и виндсерфингом, собирая на берегу толпы зевак. А ещё ездили с супругами Строкань на пикники и обязательно брали с собой маленького Олежку. Людмила сильно привязалась к своему крестнику. После тренировок она приходила поиграть с малышом, пеленала, укачивала его.

- Видимо, такая у неё имелась потребность, – говорит Юлия Строкань. – До этого Люда постоянно с котятами возилась. Летом на плоской крыше Дворца спорта всегда бегало много котят, так она залезала к ним, кормила их молоком, ласкала...

Белоусова и Протопопов перебрались жить из гостиницы хоккеистов в посёлок за «сотым магазином» на улицу Горького, 25, где снимали полдома. Туда приезжали погостить мама Олега из Ленинграда и родители Людмилы из Москвы. Отец у Белоусовой был заядлым рыбаком

Открытка от 19.04.89, в которой фигуристы сообщают семье Строкань, что пишут книгу, «где есть и ваши имена и глава о Воскресенске»...

и много времени проводил на местных водоёмах.

- Ни Олега Алексеевича, ни Людмилы Евгеньевны я практически не помню, – говорит сейчас крестник фигуристов Олег Строкань. – Зато очень хорошо запомнил, как они привозили мне заграничные игрушки и, что особенно ценно по тем временам, жевательную резинку. И я считался чуть ли не самым «крутым» ребёнком во дворе!

Сколько сезонов фигуристы жили в нашем городе, сейчас трудно сказать. Возможно – вплоть до своего ухода из большого спорта в 1972 году. Они перешли в Ленинградский балет на льду. С гастролями бывали и в Воскресенске, где обязательно навещали своих друзей.

В швейцарской глуши

В 1979 году, будучи с балетом на гастролях в Швейцарии, Белоусова и Протопопов попросили политическое убежище. Фигуристы поселились в горной деревне Гриндельвальд с населением около 4000 человек.

Ситуация была скандальной: в СССР спортсменов заклеймили как предателей и перестали упоминать в СМИ. Однако связь воскресенской семьи Строкань с опальными «невозвращенцами» не прервалась. Они регулярно обменивались письмами, которые пересылались с оказией, через каких-то людей в Москве.

Послания из Швейцарии приходили очень тёплые. «Дорогие наши, родные Витя и Юля!», – так начиналось одно из писем. Фигуристы сообщали, что продолжают тренироваться и выступать на соревнованиях и в шоу. В открытке, датированной 19 апреля 1989 года, спортсмены поведали супругам Строкань, что пишут книгу, «где есть и ваши имена, и глава о Воскресенске».

Из писем явствовало, что в Швейцарии жизнь Людмилы и Олега благополучна и налажена. Они катаются на горных лыжах, каждый год 2 месяца отдыхают на Гавайях, где занимаются виндсерфингом и подводной охотой.

В 1990-е переписка между Швейцарией и Воскресенском заглохла. Виктор Строкань умер. Его сын Олег, крестник фигуристов, с детства увлекается музыкой. Но получить соответствующее образование не смог из-за тяжёлой болезни отца. Надо было работать, и Олег стал сварщиком, коим остается по сей день. Однако музыку не бросает. И даже участвовал в качестве бас-гитариста в съёмках двух телепередач с певцом Витасом.

А на память о дружбе с великими спортсменами у семьи Строкань остался фотоальбом с доброй сотней эксклюзивных снимков. Те, что присланы из Швейцарии – цветные и отображают благополучную жизнь фигуристов. От советского периода остались чёрно-белые фото, где Людмила и Олег запечатлены на соревнованиях и в быту. Многие из карточек подписаны: «Строканям и Строканятам от Люды и Олега» или «Воскресенским цыганам от кочующих Ленинградцев» (Виктор Строкань был смугл и походил на цыгана). Фотография, датированная концом 1967-го, имеет такую подпись: «Поздравляем с Новым годом. Желаем много счастья и здоровья, а ещё – сына!».

Все обвинения сняты

Сейчас все обвинения с фигуристов сняты полностью. В качестве гостей они присутствовали на Олимпиаде-2014 в Сочи, где встречались с Президентом РФ Владимиром Путиным. Публикации в официальной «Российской газете» и других центральных изданиях наглядно показали, что в своё время в родной стране Белоусова и Протопопов, к сожалению, не могли в полной мере использовать свой богатый опыт и высокий творческий потенциал и даже подвергались гонениям («Над ними смеялись, их травили, выживали, не пускали на каток» - из журнала «Физкультура и спорт» № 12 за 2007 год).

Но Воскресенск не спешит гордиться тем, что у нас жили и тренировались фигуристы, признанные во всём мире великими. Ничто не напоминает о них в нашем городе – нигде нет ни мемориальной доски, ни стенда с фотографиями. А ведь Белоусова и Протопопов первыми из советских фигуристов стали чемпионами Европы, мира и Олимпийских игр. Их победы положили начало целой эпохе, когда в парном катании безраздельно царили наши спортсмены.

Наиболее же триумфальным для звёздного дуэта оказался 1968 год, когда фигуристы единственный раз в жизни взяли всё возможное «золото» сезона – от первенства страны до Олимпиады. А стартовой площадкой для этого взлёта послужил именно Воскресенск (кстати, чемпионат СССР-1968 проходил у нас, во Дворце спорта «Химик»).

Встреча Нового года с односельчанами в швейцарской деревушке Гриндельвальд

Отдых «дикарями» на Гавайях

Да, Воскресенск действительно может гордиться своим вкладом в мировое фигурное катание. Но почему-то пока не гордится...

PS. В сентябре 2017 года Людмила Белоусова скончалась. В СМИ сообщали, будто урну с прахом жены Олег Протопопов хранит при себе.

Прямая речь

Заслуженный тренер СССР Татьяна Тарасова (воспитала пары Роднина-Зайцев, Бестемьянова-Букин и др.): «Для меня величайшие спортсмены – Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Они первопроходцы. Именно Белоусова и Протопопов изменили мировое фигурное катание, показав всем, что оно может быть не просто катанием, а искусством. А уж по преданности любимому виду спорта им вообще нет и не будет равных». («АиФ» № 16 за 2019 год).

Фото из архива семьи Строкань

На первый взгляд два последних снимка не имеют отношения к Воскресенску. Но это не так. Будучи людьми чрезвычайно закрытыми, великие фигуристы посылали подобные фото только очень немногим самым близким друзьям, в числе которых была и воскресенская семья Строкань. Тут важен сам факт нахождения этих снимков в Воскресенске.

В тему

Как известно, летом 2021 года был подписан договор о создании маршрута Большого Золотого кольца. В данный проект вошли и 9 подмосковных городов, включая Воскресенск. Это делает особенно актуальной тему туристической привлекательности нашего города.

Одним из экскурсионных объектов наверняка станет ДС «Химик» - воскресенский лёд не раз становился счастливой стартовой площадкой для многих знаменитых хоккеистов, в числе которых «суперзвезда» мирового уровня Игорь Ларионов. Думается, дополнительную привлекательность в глазах туристов нашему Дворцу спорта придала бы экспозиция, рассказывающая о тесной связи Воскресенска с великими фигуристами - Людмилой Белоусовой и Олегом Протопоповым.

ВОСКРЕСЕНСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

КАЖДЫЙ ФИЛОСОФСКИ ДУМАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК, НАВЕРНЯКА, НЕОДНОКРАТНО ЗАДАВАЛСЯ ВОПРОСОМ: А ЧТО ЖЕ ПЕРВИЧНО: ТРУД ИЛИ ПОЭЗИЯ? ПОЧЕМУ ДУША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СТРЕМИТСЯ НА СВОБОДУ? ПОЧЕМУ МЫСЛЯМ НЕПРЕМЕННО НУЖЕН ПОЛЁТ, И НЕ ПРОСТОЙ, А ОБЛЕЧЁННЫЙ В ОПРЕДЕЛЁННУЮ ФОРМУ, МЕНЯЮЩУЮСЯ ОТ РАЗА К РАЗУ? НЕ ЭТО ЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ, ПОСТОЯННОЕ, СКРУПУЛЁЗНОЕ, НЕУСТАННОЕ, - И ЕСТЬ САМ ТРУД? И ПОЧЕМУ РАЗУМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОСОЗНАЁТ НЕОБХОДИМОСТЬ РАБОТЫ РАДИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ, ПРИЧЁМ БОЛЕЕ СВЕТЛОГО, ЧЕМ ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ? ЭТО ЛИ НЕ ПОЭЗИЯ?!

Леонид Дудин

ЛЕОНИД ДУДИН. КОСМОС. ПОЭЗИЯ

Ольга Новикова,
действительный член Академии российской словесности, член Союза писателей России

Я задумываюсь над этим, когда держу в руках очередную книгу Леонида Дудина, почётного руководителя нашего литературного объединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова. Знаю его давно и всякий раз не понимаю, как человек, обладающий исключительно математическим складом ума, может писать задушевные поэтические строки? Интерес не угасал, и однажды я спросила, почему так случилось, что он оставил математику. Леонид Анфиногенович ответил: «Мне иногда бывало страшно от собственных знаний. Но я умел остановиться, доходя до критической черты, за которой начиналось Божие. А туда, твёрдо был убеждён, нельзя соваться... Категорически нельзя. «Всё, хватит!» – говорил сам себе и уходил из мира математических полей в Речное поле Харитонова Починка, а дальше через Крутой Бор по течению реки Водопойницы в реликтовый лес. И становилось легче.

Леонид Дудин. 14 лет, д.Харитонов Починок

Тогда я и принял решение уйти в чистую механику, не забыв оставить при себе красоту любви».

Видимо, сам факт его рождения, время и место сильно повлияли на «закладку» большого таланта, а дальнейшее воспитание в семье, окружение, особенности природы сформировали человека, которого и сейчас друзья и коллеги называют «магнитом людских сердец», донором нескончаемой работоспособности и поэтического вдохновения.

Очевидно, что нет сложностей в его творчестве, всё ясно и определённо, и любому явлению и событию есть своё издавна намеченное место, и оно не меняется независимо ни от обстоятельств, ни от времени.

«Снова где-то внутри заёкало, / Затревожилось неспроста... / Что ж вы снитесь, мои далёкие, / Опечаленные места?» или – «Снится вечностью / Дом бревенчатый – / Пятистенок с лицом крутым, / Наверху Петухом увенчанный, / Словно солнышком Золотым».

Если задуматься: «А в чём же суть творчества Леонида Дудина?», то ответ напросится сам: «В отсутствии философии зауми, лишь заметная тонкая материя поэтической атрибутики, которой предостаточно для осмысливания в качестве образцов творческого примера».

«Мои сосны, моя речонка, / Сколько лет прошло, сколько зим, / Помню, – к вам прибегал мальчонкой, / Словно к родственникам своим...»

...Родился Леонид Анфиногенович Дудин в деревне Харитонов Починок, Костромской области, Солигалического района, или на «Совеге», как принято в тех краях называть это место. В самой глухомани, но в очень счастливой стороне, где народ никогда не знал ни помещиков, ни капиталистов, окрест лишь леса да речки, впадающие через Сухону в Северную Двину.

Сейчас, оглядываясь с немалой высоты своих лет на необозримое прошлое, он охотно рассказывает о себе, о школьных годах, пролетевших одним мигом в Солигаличе, и о тех людях, которые искренне помогали ему встать на ноги, встречались однажды и шли рядом по жизни...

ДОМ РОДОВОЙ. Харитонов Починок

В его семье к познанию мира стремились все. Брат Сергей и сестра Серафима, окончив Солигаличское педучилище, стали учителями.

Правда, брат в этой светлой должности не поработал ни одного дня: он геройски погиб, защищая Отечество, при прорыве Рамушевского коридора в 1943 году. Сестра Серафима всю жизнь отдала школам Сусанинского района. Средний брат Александр – труженик, стал слесарем Калининградского механического завода. Родители Анфиноген Михайлович и Мария Николаевна очень хотели, чтобы младший сын Лёня учился...

...«Почитай, Серафима, стихи» – так называется поэтический сборник, за который, кстати, Леонид Дудин удостоился губернаторской литературной премии имени Роберта Рождественского. Правда и то, что его можно по праву считать кладезем той самой интимной лирики, где душевный разговор настолько откровенен, что хочется не только внимать, но и радоваться счастью высокого звукового восприятия. Видимо, песенность и ритмичность, как говорят, от «сохи», то есть от земли, от самих её пластов...

... В Харитонове Починке проходило его детство, здесь он окончил семилетку, затем за тридцать пять километров от дома учился в средней школе города Солигалича, с которой расстался в 1954 году. А в отрочестве и юности ему приходилось работать и сучкорубом на лесоучастке, и помощником механика, и ходить на сплав.

Только хорошим примером близких людей с самого раннего детства воспитывалось в мальчике умение трудиться, которое с годами перерастало в большую потребность.

...Много стихов поэт посвятил своей родине, где остались, может быть, самые радостные и самые трогательные переживания его жизни. Стихи о маме, родне, об односельчанах, о неброской природе несут в себе столько добра, так исповедальны, что складывается впечатление, будто именно эта тема в его поэтическом творчестве разработана наиболее глубоко. Вот и снова о незабвенных краях:

«Позабуду – и сразу! – где север, где юг, / Загляжусь, как над ранней равниной / В неоглядную даль облака поплывут – / Красотою, ни с чем несравнимой». / «Скоро бабы придут, подойдут мужики / О судьбе, о любви поаукать... / Большеглазая клюква, срываясь с руки, / Заспешит о ведёрочки стукать».

«Здесь нет на весёлых калитках / Тяжёлых и скучных замков. / Дома и светлы, и открыты, / Как души моих земляков. / Мне эти дома с малолетства / Понять до конца помогли, / Что нет драгоценней наследства, / Чем чувство родимой земли».

...Кажется, что из феноменальной памяти автора не ускользала ни одна подробность сельской жизни, ни название обиходной утвари, ни особенности местного наречия, привычек и традиций людей, а закладывалась огромная радость от жизни в единении с лесами и озёрами, увалами и зверьём, богато обитающем в далёком захолустье. И, когда Леонид Дудин пишет о своих чувствах, подбирая простые и ёмкие по смыслу слова, которые присуще истинно русскому наречию, то как может читатель не переживать вместе с ним?! Или, как не заволноваться при описании встречи матери с сыном?!

«Но вот покачнулась легонько, Вздохнула чуть слышно: «Сынок...» / Дойник, прозвенев о щебёнку, / Скатился в горячий песок».

...Вместе с подрастающими годами, в юноше росло и непоборимое желание пробовать в жизни всё, найти себя самого и своё место в бушующем водовороте жизни.

Осенью 1955 года его призвали в ряды Советской армии, служил он во Владимире. Здесь командиром у него становится капитан Л.Б. Бабаянц, будущий начальник штаба полигона Байконур, а уже в сентябре следующего года он поступил в Рязанское артиллерийское училище. Судьбе было угодно сложиться так, что он сидел за одной партой с курсантом В.Н.Лобовым, будущим начальником Генерального штаба СССР, а командиром у них был старший лейтенант Н.А. Лопатин, будущий начальник полигона Капустин Яр.

Восильевская семилетняя школа

Окончив училище, служил в ГСВГ городе Потсдаме, занимая должности командира взвода управления и старшего офицера батареи. Здесь его воспитывал капитан М,Т. Ващенко –чемпион Киевского военного округа по боксу, который в 1969 году двумя залпами системы «Град» стёр с лица Амура остров Даманский.

...Поэту ничто не чуждо в нашем мире. Он пишет обо всём, что волнует его сердце: дом и работа, дружба и любовь и тема патриотического начала достойного служения Отечеству, что подразумевает и службу в Вооружённых силах страны, и труд на благо Отечества. Он ярко и открыто освещает свою позицию не только, как Поэта, но и Гражданина. На эту тему им написаны яркие документальные книги «Гвардии генерал Соколов», «Василий Серогодский, Герой Советского Союза, лётчик – истребитель» и большое количество стихов.

«... Я согласен пахать угодья / И покосева ворошить. / Я согласен быть чем угодно – / Только делу бы послужить».

Вообще-то автор книги не пишет в своих произведениях о чём-то узком, изолированном. Он, лаконично выражая свои мысли, не разбрасываясь по мелочам, преподносит их, тем не менее, с большим и глубоким осознанием происходящего. Вся жизнь земная с проблемами человека и природы, с любовью к женщине и бедами, постигшими Родину, – всё одинаково гармонично увязано в его творчестве. Читая строки, снова и снова убеждаешься, что боль одного человека в своей маленькой беде болит не менее сильно, чем боль людей всей страны за прегрешения правителей; и потому, гражданская лирика - основная в его поэтическом творчестве.

«Закрою глаза – и вижу: за живот схватился сержант. Он, сгибаясь, остаток жизни пытался ладонями удержать». – «Ну, а жизнь сержанта, беззащитна, чиста, светла, алой оторопью к закату между пальцев, дымясь, текла».

А в стихотворении «Погоны» автор однозначно определил своё гражданское кредо:

9 класс. Сидят Анна Дедюхина,Поля Дудина, Нина Фомичёва. Стоят Енава Дудина, Леонид Дкдин

«И если придётся мне где-то / В боях справедливых не встать, – / Погоны, прошу, моим детям, / В победный салют передать».

Только к людям сильным и волевым судьба чаще всего благосклонна.

...Через три года офицерской службы, сдав во Франкфурте - на - Одере вступительные экзамены, Леонид Дудин был зачислен слушателем Военной инженерной академии им. Ф.Э. Дзержинского (ныне Военная академия ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого). Учился на первом факультете по специальности «Конструкция и двигатели летательных аппаратов».

Леонид Анфиногенович рассказывает о тех годах: «Тогда в московской академии преподавали науку учёные мирового уровня: Б.П. Демидович, И.И. Гольденблат, С.М. Тарг и многие другие. Они такие знания привнесли в мои мозги по математики и механике, по движению тела с переменной массой и невесомости, что я этих знаний стал по-настоящему бояться».

После окончания академии инженер-капитан Л.А. Дудин был направлен в ОКБ Н.Д. Кузнецова (г.Самара) в качестве представителя Заказчика Главного управления космических средств (ГУКОС), а затем переведён на Моторостроительный завод им. М.В. Фрунзе в цех конечной сборки жидкостных ракетных двигателей (ЖРД).

Этот период жизни заслуживает особого внимания, ведь именно здесь прошла большая часть молодости, появилось много новых друзей, увлечений и, конечно же, не давала покоя её величество крылатая Поэзия.

Первое фото из армии. Г.Владимир И.Крылов, В.Морозов, Л.Дудин, Ю.Новотельнов, Ф. Вахрушев

Гороховецкие Лагеря. У 152мм пушки

Рязанское училище. Слева направо Л.Дудин, В.Лобов, А. Цагорцян, П.Табуев. НП,Сельцы.1958г.

Куйбышев. С дочерью Викой.

Совершенно бесспорно, что вся жизнь Леонида Дудина связана с освоением занебесья, и тема космоса, так или иначе, в разных своих проявлениях, реальностью и мечтой живёт в большинстве произведений поэта.

Листая страницу за страницей, постигая всё новые мысли автора, убеждаешься, что каждое стихотворение - лучшее, что именно оно самое-самое доходчивое, до сердца достающее. А мысли, аккуратно и бережно «упакованные» в стихи, не переставая, льются всё дальше, заставляя наслаждаться красотой языка, неожиданностью рифмы и стихосложения. И опять же этой великой связью Родины, Поэзии, Космоса.

«Если есть у Вселенной кромка, / Роковые её края, – / Я хотел бы там быть обломком / Межпланетного корабля».

Он поднимался снова и снова, не жалея себя, отдавая все свои силы и знания любимому делу на благо Отечества. «Ради нового всё-таки стоит / Подниматься хоть раз над собой...»

А, если говорить конкретно, то он участвовал в таких ярких программ как «В» – Венера; «Союз – Аполлон» (стыковка с американцами); в сборке и испытаниях ЖРД для лунного комплекса Н-1 как на основной площадке в ОКБ им. Н.Д. Кузнецова, на Моторостроительном заводе им. М.В. Фрунзе, так и на полигонах Байконур, «Плесецк».

В 1975 году его переводят в ОКБ Химмаш им. А.М. Исаева, И об этой трудной, но необычайно важной работе Леонид Дудин скором времени напишет серию документальных книг: «Испытатели» - двухтомник, «Главный конструктор», «Сын земли русской», «Поехали!..». Конечно же основная роль в этих повествованиях отводится людям, землякам, каждый день совершающим трудовой и гражданский подвиг во благо своей Родины.

Все эти события не являлись случайностью, скорее, они были закономерны. Ведь, как мы знаем, удача не проходит мимо успешных...

«А что же Поэзия?» - спросите вы. И будете правы – ей всегда находилось в распахнутой миру душе достойное место.

Уйдя в запас, Леонид Дудин стал ещё шире и смелее реализовывать творческие планы, работая главным редактором газет «Наши вести», «Вертикаль», «Округа». В это время он писал обо всём и много: очерки, публицистику, эссе, стихи... В то время вышла в свет книга: «На вершине пирамиды», журналистские работы «Н-1, или лунная драма СССР», «Лёд на реках растает...».

И везде, без исключения, Леонид Дудин ведёт рассказ неторопливо, искренне, точно идёт беседа не с незнакомым читателем, а с лучшим другом, и только лишь одному ему автор может поведать о своих тревогах и радостях, поделиться самыми незабвенными воспоминаниями и планами.

Также искренне и с любовью напишет он немного позже книгу «Белоозёрский. Очерки истории» о дорогой его сердцу истории, которую по крупицам создавали пионеры авиакосмического дела, люди большого труда. А мог ли он писать по-другому, впитав «с молоком матери» интеллигентность, проявляющуюся во всём без исключения? А мог ли он писать по-другому, получив уроки литературы от молоденькой, но очень грамотной учительницы в родной школе Марии Поповой, или, познакомившись с Тамарой Волжиной в литературном кружке во время учёбы в академии им. Петра Великого? Или в ЛИТО при Центральном Доме Советской Армии?

Он просто не мог писать по-другому, познав дружбу с большими поэтами Владимиром Фирсовым, Вячеславом Лукашевичем, Риммой Казаковой, Степаном Щипачёвым, уяснив раз и навсегда, что в поэзии, как и в жизни, самое главное - открытость и честность перед людьми.

В предисловии к первой книге стихов и прозы Леонида Дудина «На вершине пирамиды», Владимир Иванович Фирсов, лауреат Государственной премии России, отметил следующее (привожу текст полностью):

«Обращаясь к любителям российской Словесности, не могу не порадоваться, будучи четверть века преподавателем Литературного института им. М. Горького, что талантливые и совестливые люди всё же есть, но они категорически редки.

К таким редким людям относится и автор книги, которую ты, уважаемый читатель, держишь в своих руках. Эта книга – книга поэта и гражданина, является свидетельством своеобразного его жития.

По стихам Леонида Дудина ты можешь, невзирая на твой возраст и твой жизненный опыт, воссоздать Время, в котором обитает поэт.

Есть такая древняя русская поговорка: «Не где родился, а где сгодился». А родился автор в самой глухомани, в деревне Харитонов Починок, в потаённом местечке под названием Совега, на порубежье

Л.А.Дудин, Н.К.. Сверчкова, В.Н.Лобов

Куйбышев. завод Им.Фрунзе

Испытательный комплекс ЖРД, тихий

Комплекс в работе. Испытание ЖРД

В кругу воскресенских литераторов. 2018

Вологодской и Костромской земель. И потому, читая стихи Леонида Дудина, вспоминается мне строфа из произведения Н.А. Некрасова:

«Вскоре ты узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик»

... Оказавшись, после службы за границей, в Москве «по своей и Божьей воле», молодой офицер поступает в инженерную академию им. Петра Великого и, успешно окончив её, служит и работает в конструкторских бюро, создающих ракетную технику, а также на заводах и полигонах, посвятив себя освоению ближнего и дальнего космоса.

Вся остальная биография, говоря словами С. А. Есенина, в стихах автора настоящей книги».

...Леонид Дудин неустанно покорял новые вершины. По совокупности литературных произведений он был принят в члены Союза писателей России, затем - в Международное сообщество писательских Союзов, получил «за личный вклад в многонациональную отечественную культуру и укрепление российской государственности «Всероссийскую литературную премию имени М.Ю. Лермонтова», одноимённую медаль, а также «Золотую Есенинскую медаль», стал лауреатом конкурса «Поэтическое Подмосковье», награждён дипломом «Золотая строка Московии» и многими другими литературными знаками отличия...

...Став руководителем ЛИТО в Воскресенске, Леонид Дудин легко и охотно делился с начинающими писателями своими знаниями и опытом. Сегодня ЛИТО – единственное в стране, награждённое Международной организацией русскоязычных писателей орденом «Культурное наследие», и, являясь активно работающей творческой организацией, насчитывает в своих рядах более 50 человек, из которых 26 – члены Союза писателей России.

Также ЛИТО сотрудничает с Академией российской словесности и международными писательскими союзами. В частности, в результате общения с писателями Плевена (Болгария), многие труды воскресенских авторов переведены на болгарский язык, а после одной из творческих встреч у Леонида Дудина вышла в свет новая, для многих весьма неожиданная, книга с лирическим названием «Цветы Болгарии. Венок сонетов».

... Видимо, Космос всё-таки уживается с Поэзией, и не так уж плохо. А ломать голову, что первично, что вторично не обязательно, – ведь даже среди самых сложных звёздных расчётов имеет место простое поэтическое слово.

Болгария, Плевен, мэрия – встреча писателей Болгарии, Греции, Румынии, Албании, Македонии и России. 2010

НАШИ СОВРЕМЕННИКИ

«...ОБОЛЬЩАЮТ СТО ДОРОГ, А ВОЗВРАЩАЕТ ЛИШЬ ТРОПИНКА» – СТРОКИ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО ПОЭТА КАШПУРОВА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА.
СПРÓСИТЕ: КАКАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ СТАВРОПОЛЬЕМ И ВОСКРЕСЕНСКОМ, ДОРОГАМИ И ТРОПИНКОЙ? У КОГО-ТО ОНА СЛУЧАЙНАЯ, КОСВЕННАЯ, А У КОГО-ТО ПРЯМАЯ И ЖИЗНЕННО ВАЖНАЯ, КАК У ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ДАННОЙ СТАТЬИ, О КОТОРОМ И БУДЕТ ВЕСТИСЬ ПОВЕСТВОВАНИЕ.

Александр Сергеев с супругой и сыновьями

ДОРОГИ САМОПОЗНАНИЯ

Сергей Лобанов
поэт-публицист (город Ставрополь)

Родился Сергеев Александр Юрьевич 25 декабря 1982 года в семье простых советских рабочих, трудящихся на воскресенском заводе по изготовлению минеральных удобрений. Закончив девять классов средней общеобразовательной школы №7 в 1997 году, поступил в Профессиональное училище №15 и спустя три года выпустился дипломированным специалистом по профессии: «Монтажник технического оборудования; электросварщик ручной сварки».

– Мне всегда нравилось сваривать металл. Собирать в единое целое множество его частей бело-голубой дугой. Давать им новую жизнь, – рассказывает Александр, придавшись воспоминаниям. – Своеобразный акт творения, нечто магическое...с философией...

Именно эта философия, заставляющая искать ответы и меняться, станет для него вектором в направлении саморазвития и реализации в последующие годы.

Совершенно молодой, амбициозный Александр был готов и желал ворваться во взрослую жизнь, не боясь всевозможных трудностей, оставленных ушедшим XX веком и припасённых крепнущим XXI. Он мечтал работать и зарабатывать, хотел, как можно скорее помогать родителям. Но как говорится: «человек предполагает, а бог располагает». Повестка из военкомата внесла свои коррективы в задуманные им планы. Служба в армии стала для него первой серьёзной дорогой, важность которой он осознал после того, как её прошёл. Так зачастую и бывает. Вначале мы сетуем на жизнь, а потом благодарим её за «науку». Александру повезло: он попал служить в самые элитные и прославленные войска Вооружённых Сил России – Воздушно-десантные. Два года в Учебном центре по подготовке младших специалистов ВДВ (г. Омск) не прошли зря: он превратился в мужчину, обрёл новых надёжных друзей, закалил себя, характер, влюбился в небо и парашюты, дослужился до звания «старшина» и с чистой совестью, отдав долг Родине, с военным билетом в руках, в дембельской десантной форме с беретом набекрень, вернулся в родной Воскресенск.

Абсолютно ясно то, что все дороги: короткие и длинные, манящие и пугающие, данные кем-то и случайные (можно долго перечислять), складываются в один жизненный цельный путь. Путь самопознания и поиска.

Началась другая жизнь. Свободная. Самостоятельная. Новая дорога.

Александр устроился на работу по специальности, а в свободное от дел время, занимался уличными танцами «Break dance», которые в то время уже успели набрать огромную популярность среди молодёжи.

– Это золотые годы моей юности, – вспоминает Александр. – Возможно, без этого увлечения я не стал бы таким, каким есть сейчас. Совокупность музыки и танца делает человека лучше, помогает ему, особенно, в стрессовых ситуациях, воспитывает, наполняет идеями, жаждой к новому, даёт крылья. Это прекрасно. И я счастлив, что имел возможность быть причастным к этому.

Спустя несколько лет, Александр со своими друзьями-единомышленниками объединились в танцевальную команду «Kikibaso» и представляли Воскресенск на различных фестивалях и соревнованиях Московской области и Москвы. Неоднократно сами выступали организаторами подобных мероприятий. А после того, как приобрели необходимый опыт, начали преподавать break dance и вносить его в массы.

С 2009 по 2013 годы Александр работал в молодёжном центре Воскресенска «Олимпиец» и занимал должность «специалист по работе с молодёжью» 2-й категории.

– Работать с молодёжью и среди молодёжи – значит нести большую ответственность. За молодыми будущее. Укрепление духовности и нравственности, подраненных лихими 90-ми и беспринципными нулевыми, загаженных сексуальной революцией и

Первый прыжок. Город Омск 2001 г.

влиянием Запада, были в приоритете нашего центра. Восполнить всегда труднее, чем лишиться, – комментирует Александр. – Для меня работа в этом направлении стала колоссальным и ценным опытом.

За время работы в сфере молодёжной политики, Александр неоднократно получал благодарственные письма и почётные грамоты от администрации и главы города Воскресенска, отдела культуры, спорта и молодёжной политики, и др.

Но жизнь диктует свои правила.

Неожиданно для себя, Александр загорелся желанием вернуться в армию. Вот что он рассказывает по этому поводу: «Военная служба, ВДВ, небо, прыжки с парашютом, форма, запах пороха и рычание БМД – всё это стало мне сниться. Каждую ночь. Что-то звало меня туда, манило. Спустя 15 лет после увольнения в запас, я начал ощущать неконтролируемое желание вернуться в тот мир сильных мужчин. Я словно задыхался под натиском городских высоток, гордо упирающихся в тяжёлое подмо-

Совокупность музыки и танца делает человека лучше, помогает ему, особенно, в стрессовых ситуациях, воспитывает, наполняет идеями, жаждой к новому, даёт крылья. Это прекрасно!

Фестиваль Break-Dance. Город Егорьевск

Всероссийский фестиваль по Break-Dance.
Город Воскресенск, Молодежный центр «Олимпиец»

С бабушкой Валентиной Ивановной. Долгожданная встреча внука из армии.

Группа «ШТУРМ» в полном составе

сковное небо. Нужно было что-то делать. И к моему счастью и спасению, моя супруга и мать моих детей, с которой я познакомился здесь – в Воскресенске, но которая родом со Ставрополья, предложила мне перебраться на ПМЖ в Ставрополь, аргументируя тем, что и климат благоприятнее, и море рядом, и десантная часть дислоцируется. Я согласился».

Очередная жизненная дорога Александра протянулась от Воскресенска до Ставрополя. Обольщающая, уводящая от дома, незнакомая и новая. Выбор был сделан. Сойти с пути – значит потерять себя, дойти до конца – познать и переродиться.

Через несколько месяцев, Александр уже стоял в одном строю с десантниками 247-го гвардейского десантно-штурмового Кавказского казачьего полка. Полный сил, уверенный в себе, готовый вершить ратную службу во благо России.

Не прошло и года, как гвардии старшина Сергеев зарекомендовал себя с положительной стороны перед командирами и вышестоящим начальством части. Проявил высокопрофессиональные навыки в организации военной службы, досуговой работы и в проведении мероприятий патриотической направленности. Ему начали доверять.

В 2016 году он создал и возглавил вокально-инструментальный ансамбль «Штурм», творчество которого стало известно далеко за пределами Ставропольского края. Ансамбль исполняет песни собственного сочинения, направленные на укрепление воинского духа солдат и обороноспособности страны, через воспевание героизма и мужества сынов нашей Родины. Ни одно городское мероприятие и акция, связанные с военно-патриотическим воспитанием, не обходятся без участия гвардии старшины Сергеева и его коллектива. Проведение уроков «Мужества», встречи и беседы с обучающимися школ, средних и высших учебных заведений – обычные дела для «штурмовцев».

С участниками концерта «Кадетского корпуса Следственного комитета Российской Федерации имени Александра Невского». Город Ставрополь.

С Героем России гвардии полковником Пегешевым Александром Игоревичем в «День Героев Отечества» в региональном отделении ДОСААФ России Ставропольского края.

За личный вклад в военно-патриотическое воспитание молодёжи Ставропольского края, Александр Сергеев имеет благодарственные письма от администрации города Ставрополя и почётные грамоты от Думы края и губернатора. Награждён министерскими и ведомственными медалями.

В конце 2020 года Александр Сергеев занял первое место на Всероссийском фестивале народного творчества воинов Вооружённых Сил, других силовых структур, ветеранов войны и военной службы, членов их семей «Катюша» в номинации «Лучшая авторская песня» (организатор – Минобороны РФ).

На данный момент, Сергеев Александр, продолжает служить в рядах Вооружённых Сил России. Входит в состав правления регионального отделения межрегиональной общественной организации «Союз десантников» Ставропольского края. Является членом ДОСААФ России. Постоянно сотрудничает со Ставропольским региональным отделением Российского военно-исторического общества, с библиотеками, музеями и школами города и края. Возглавляет юнармейский отряд «ВДВшки» в Муниципальном дошкольном общеобразовательном учреждении №7. Принимает участие в патриотических мероприятиях, проводимых на базе Всероссийского детского центра «Орлёнок» (Краснодарский край) и Ставропольского Президентского кадетского училища (г. Ставрополь). Участвует в организации и проведении краевой военно-спортивной игры «Зарница» и др.

Воспитывает трёх сыновей.

Служебный отпуск регулярно проводит в родном Воскресенске, успевая поучаствовать в тех, или иных городских мероприятиях.

...Невольно возникает вопрос: наш герой Александр, изначально был таким «вездепроходимым» человеком, каким мы его знаем теперь, или всё-таки, это многочисленные дороги, выпавшие на его долю и прошедшие им, дали такой результат? Стоит подумать. Абсолютно ясно то, что все дороги: короткие и длинные, манящие и пугающие, данные кем-то и случайные (можно долго перечислять), складываются в один жизненный цельный путь. Путь самопознания и поиска.

Человек всегда страшится неизвестности, но никогда не отказывается «заглянуть за стену». В этом и есть баланс вер, противоречий, чувств и пр. Дороги всегда были, есть и будут. Важно не забывать в какой стороне твой дом, твоё начало и то, что тропинка, ведущая туда, с годами едва заметна от поросшей на ней травы минувших дней.

КУЛЬТУРНАЯ СТРАНИЧКА

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕМП ЖИЗНИ ОСТАВЛЯЕТ ЧЕЛОВЕКУ СОВСЕМ НЕМНОГО ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ НАСЛАДИТЬСЯ КРАСОТОЙ МИРА. ПОРОЙ ТОЛЬКО НАСТОЯЩИМ ТВОРЦАМ УДАЁТСЯ ОТВЛЕЧЬ ЛЮДЕЙ ОТ СУЕТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ, ОБРАТИТЬ ИХ ВНИМАНИЕ НА ИСТИННЫЕ ЦЕННОСТИ И ЗАСТАВИТЬ ЗАДУМАТЬСЯ О ВЕЧНОМ.
А ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЛЮБОЙ СТРАНЫ – КУЛЬТУРА. В ЭТОЙ СФЕРЕ НЕТ ЛЮДЕЙ РАВНОДУШНЫХ И БЕСТАЛАННЫХ. КАЖДЫЙ НЕСЁТ В МИР РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА, А ДОМА КУЛЬТУРЫ ЯВЛЯЮТСЯ НАСТОЯЩИМ ЦЕНТРОМ ПРИТЯЖЕНИЯ ДЛЯ ВСЕХ, КТО ХОЧЕТ ИЗ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПОПАСТЬ В МИР ПРЕКРАСНОГО И ВДОХНОВЕНИЯ.

Елена, Игорь и Владимир Черкасовы. 1989

ЖИВАЯ НИТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Людмила Чебышева,
краевед, член Союза писателей России

Творческая жизнь в Доме культуры кипит каждый день. Двери «храма творчества», как называют его многие неравнодушные люди, широко открыты для каждого.

Ещё древних философов восхищала человеческая способность творить. Одни считали её даром Божьим. Другим такая особенность казалась бесовщиной. Не было лишь равнодушных.

Есть такое определение: «Человек должен построить дом, посадить дерево и воспитать сына».

Но не стоит понимать это только буквально. В этих словах заключается более глубокий смысл.

Дом – это не просто жилище. Это место, где живут любовь и радость, доброта и милосердие, понимание и помощь, забота и нежность. Дом – это то, что нам мило и дорого, это то, где нам хорошо. Ещё своим домом можно назвать самого себя – дом или храм для души своей. То есть, в первую очередь, каждый человек должен стать сам домом для души. Чтобы душа его расцвела и запела, и эта песня души изливалась в мир, делая его лучше.

Конечно, каждый из нас должен постараться посадить дерево. Но есть ещё и другое значение «посадить дерево». Это дать возможность новому поколению вырасти и стать новым деревом жизни, – Древом Жизни. Наши родители – корни, мы (семья – супруги) – ствол, наши дети – ветви, внуки – веточки, правнуки – листья. Каждая ветка и веточка, каждый листик должны вырастить своё Древо. Так и вырастает родовая роща – род.

Всё в нашей жизни начинается с семьи. Это источник жизни! Здесь мы рождаемся, делаем свои первые шаги, перенимаем опыт родителей, бабушек, дедушек...

И когда продолжателями дела своих родителей становятся дети, то понимаешь, насколько велика сила любви, сила традиций. А сила любви и традиций, умноженная на силу творчества творит чудеса,

Владимир и Елена Черкасовы

рождая прекрасные династии. Чувство гордости переполняет сердце, когда это случается. И, я думаю, слукавит тот, кто с этим не согласится. Можно быть спокойным - здесь нет случайности, нет ошибки, а есть полная уверенность в своих силах и правильности выбранного пути.

Мой очерк посвящён династиям творческих людей, которые через всю жизнь несут любовь к делу, которому служат, доброту сердец, свет души.

Само слово «династия» родом из Греции. На языке древних афинян оно означало «владычество», – когда несколько монархов из одного и того же рода (семьи), сменяли друг друга на престоле по праву наследования, а также члены их семей.

В наше время оно используется в значении «ряд поколений», череда людей, происходящих из одного рода, которые продолжают дела своих ро-

дителей, идут по их стопам. Для таких людей это не просто выбор специальности на всю жизнь, а внутренняя потребность, передаваемая из поколения в поколение.

Сколько есть в мире профессий – столько и династий.

Династии педагогов – особая тема. Педагог – это человек, от порядочности, чести, убеждённости которого зависит во многом судьба вверенных ему людей и в первую очередь ребятишек. Идти в такую профессию можно только с осознанием ответственности, которая ложится на человека, сделавшего этот выбор.

В одном из самых известных центров культурной жизни нашего города, в ДК «Химик» имени Н.И. Докторова, трудятся педагоги с большой буквы, трудятся целыми династиями. Их коллективы – наша гордость, гордость России.

Эта история о таланте музыкантов, большом труде, любви к народным инструментам и музыке – о династии Черкасовых, чей общий стаж игры на инструментах и педагогический давно перешагнул за столетний юбилей.

Можно с уверенностью сказать, что на свете нет ни одного человека, которого бы ни разу в жизни не затронула музыка. Она всегда была и будет источником вдохновения и восхищения, удивительным творением искусства.

Вот так и Владимир Львович, однажды восхищённый и вдохновлённый игрой на баяне, выбрал творческий путь, крепко связав свою жизнь с этим инструментом, который своё название получил благодаря древнерусскому сказителю по имени Баян, упоминаемому в летописях (в «Повести временных лет»).

Владимир Львович Черкасов, глава семейства, талантливый музыкант, прекрасно играет на баяне, аккордеоне, руководит Народным коллективом – оркестром народных инструментов «Метелица» и Хором ветеранов Дворца культуры «Химик».

Надо заметить, что русский народный оркестр отмечен особой неповторимостью и своеобразием. Искусство игры на народных инструментах – будь то сольное, ансамблевое или оркестровое, – приобщает слушателя к шедеврам композиторского творчества и сокровищам музыкального фольклора.

Хор ветеранов на сцене ДК Химик

Оркестр народных инструментов и солисты хора ветеранов

Столь любимое всеми нами слово музыка пришло к нам из древней Греции. Музы в греческой мифологии, они же дочери Зевса, покровительствовали искусствам и наукам. Но при этом, как ни странно, среди них не было той, которая отвечала бы именно за искусство звука.

Ещё в молодые годы Владимир осознавал, если выбор выпал на эту нелёгкую, но интересную профессию, то важно будет всегда выкладываться по полной, а иначе нет смысла даже пробовать.

Владимир Львович родился в Иркутске. Его мама уроженка тех мест. Отец родом из города Тамбова, военный, служил в Забайкальском военном округе, имел хороший слух, самостоятельно освоил баян, любил играть в кругу друзей и родных. Наблюдая, с какой симпатией отец относится к инструменту, и как увлечённо играет, Володя с детства стал проявлять интерес к музыке, баяну. Учась в четвёртом классе общеобразовательной школы, он поступил в музыкальную школу и уже тогда принял решение стать музыкантом. Окончив школу, поступил в Иркутское училище искусств по классу баяна. После первого курса ушёл служить в армию. А тут семья переезжает жить в Воскресенск, и юноша, отслужив, приезжает к родителям в незнакомый город. Поступил учиться в I Московское областное музыкальное училище в городе Коломне, где не только приобрёл специальность, но и нашёл свою любовь – Елену. Вскоре молодые люди поженились.

Владимир становится дипломированным специалистом, преподает в различных музыкальных школах, аккомпанирует ансамблям и хорам, а в 1979 году приходит во Дворец культуры «Химик», где работает аккомпаниатором, потом руководителем ансамбля народных инструментов и хора ветеранов.

Высокие организаторские способности, ответственность и профессиональные качества руководителя, позволили оркестру защитить Почётное звание «Народный». Многие из участников коллектива, придя в оркестр подростками, избрали для себя профессию музыканта, окончив средние и высшие специальные образовательные учреждения.

Владимир Львович постоянно ищет новые формы работы с коллективом. Оркестр, помимо сольных выступлений и концертов, постоянно сотрудничает с вокальными и танцевальными коллективами

Дворца культуры, частый гость на всех праздниках нашего города и района, участник областных смотров народного творчества.

В 2021 году Народному коллективу «Оркестру народных инструментов «Метелица», лауреату областных и международных конкурсов исполняется 30 лет.

Спутница жизни, супруга Владимира, – Елена Викторовна – не только долгие годы является участницей оркестра, но и первой помощницей. Все новые идеи и начинания мужа, она активно поддерживает, внося весомую лепту для воплощения их в жизнь. Елена Викторовна – преподаватель детской школы искусств «Лира» по классу домры, балалайки, гитары, имеет высшую квалификационную категорию. С детства проявляла большой интерес к народным инструментам, музыке. Однажды услышав звучание домры, Елена просто влюбилась в неё.

Придя на концерт, мы, слушая музыку, наблюдаем, с какой лёгкостью музыкант играет на инструменте. Но за этой лёгкостью стоит огромный труд. Человека, решившего посвятить свою жизнь музыке, ожидают долгие годы упорного и беспрерывного труда. Даже если он «горит» музыкой, интересные и полезные занятия с преподавателями будут чередоваться со скучнейшими упражнениями на технику, которым по всем правилам стоит уделять не менее полутора часов в день.

Владимир Черкасов

Игорь Черкасов

Юные годы Елены были наполнены музыкой. Интерес и любовь к музыке, народным инструментам Елена унаследовала от отца, который прекрасно владел тромбоном, баритоном, баяном и играл в духовом оркестре, оркестре баянистов, аккордеонистов. Окончив девять классов, девушка поступает в первое Московское областное музыкальное училище города Коломны. По окончанию училища, начала работать в ДМШ №1 города Воскресенска, параллельно с 1978 г. Елена Викторовна была активным участником ансамбля русских народных инструментов при ДК «Химик» под управлением Игоря Васильевича Зубакова. Ансамбль почти тринадцать лет радовал зрителей музыкой.

Елена Викторовна не только опытный педагог, она ещё руководитель ансамбля русских народных инструментов «Радуга» и активно занимается организацией культурно-массовой работы, а также внешкольной концертной деятельностью коллектива преподавателей.

Более двух десятков лет она является заведующей отделением народных инструментов школы, координирует всю методическую и внеклассную работу преподавателей. Являясь хорошим исполнителем, она часто выступает с сольными программами, с ансамблями и оркестром народных инструментов на предприятиях, в школах и Дворцах культуры Воскресенска. На основе собственного опыта она написала методическую работу «Ансамблевое музицирование», получившую положительную рецензию профессоров Российской Академии музыки им. Гнесиных.

Учащиеся её класса и ансамбль домристов постоянно становятся лауреатами конкурсов различных уровней, а три выпускника, окончив профильные учреждения искусств, работают в музыкальных школах городского округа. Воскресенск.

По стопам своих родителей, Елены Викторовны и Владимира Львовича, выбрав творческий путь, пошёл сын – Игорь Владимирович.

Когда мальчик взял впервые в руки гитару, побренчал по струнам, он ощутил невероятную благость, такой прилив счастья и радости, что понял – вот оно, то, что ему нужно, на чём он хочет научиться играть.

С семи лет Игорь занимался во Дворце культуры «Химик», окончил детскую школу искусств «Лира» по классу гитары и по классу трубы. С каждым годом интерес к гитаре у юноши не только не ослабевал, а, наоборот, усиливался. Он оканчивает первое Московское областное музыкальное училище города Коломны, класс известного музыканта-гитариста и композитора Александра Виницкого. Желание расширить кругозор, повысить своё профессиональное мастерство, привело его в Российскую Академию музыки им. Гнесиных в класс профессора Александра Камиловича Фраучи, которую он успешно окончил.

Сегодня Игорь Владимирович – профессиональный гитарист, педагог, наставник. Работает преподавателем по классу гитары в ДШИ «Лира», совмещая с преподавательской деятельностью в музыкальном училище города Коломны. Имеет высшую квалификационную категорию, которую постоянно подтверждает успехами творческого труда. Его ученики постоянно становятся лауреатами и дипломантами зональных, региональных и межрегиональных конкурсов, выступают на отчетных концертах школы. А выпускники работают звукорежиссёрами, играют в различных ансамблях, преподают в музыкальных школах столицы и Подмосковья.

Елена Черкасова

Детскую школу искусств по классу баяна и по классу гитары окончил и его сын Денис. Впереди служба в армии. Как знать, возможно, в дальнейшем он тоже выберет творческий путь.

Для многих людей Дворец культуры «Химик» стал вторым домом, в котором на сегодняшний день трудится шесть творческих династий. Кто-то здесь нашёл своё призвание, придя ещё в юном возрасте, остался трудиться на долгие годы, у кого-то не только дети, а уже внуки с удовольствием занимаются в различных коллективах дворца, а кто-то встретил здесь свою любовь, и трудится вместе со своей второй половиной.

Живая нить поколений... Об этом можно написать ни одну книгу, рассказать ещё ни об одной династии, которая трудится в этом замечательном «храме творчества» – ДК «Химик» имени Н.И. Докторова.

ПРИРОДА ЗНАКОМАЯ И НЕЗНАКОМАЯ

ВСЁ НАЧАЛОСЬ С ТОГО, ЧТО Я КУПИЛ К СВОЕМУ ФОТОАППАРАТУ ДЛИННОФОКУСНЫЙ ОБЪЕКТИВ. ПОЛУЧИЛОСЬ, ФОТОРУЖЬЁ, КАК У ШАРИКА ИЗ ИЗВЕСТНОГО МУЛЬТФИЛЬМА «ТРОЕ ИЗ ПРОСТОКВАШИНО».

Варакушка

В НАШЕМ ПАРКЕ КРАСНОКНИЖНЫЕ ПТИЦЫ?

Юрий Фокин
Член Союза писателей России, фотограф, краевед

Появилась возможность снимать удалённые объекты. Испытывая новое «оружие», гуляя по парку воскресенской усадьбы Кривякино, я попробовал фотографировать птиц, сидящих высоко на ветках. Выходило неплохо, только сразу возникли вопросы: а что это за птицы, и сколько их разновидностей может жить в нашем парке? Я открыл охоту. Поначалу, кроме воробья, синицы да вороны я никого не знал, и называл незнакомых птиц по цвету окраса, например «серо-коричневая», «черноголовая» или «краснобрюхая». Для их идентификации пришлось вооружиться «Иллюстрированной энциклопедией птиц». Теперь я мог определять их почти всех. Это занятие всё больше увлекало меня и открывало много интересного. Оказалось, малиновка из известной песни – маленькая птичка с оранжевой грудкой, её ещё называют зарянкой. Щегол имеет яркое пёстрое оперение, как одежда щёголя, отсюда и название. А чиж называется так потому, что стайка этих малых беспокойных птах при налёте, например, на серёжки берёзы, издаёт звук чиж-ж-ж, чиж-ж-ж.

Снимая птиц, волей-неволей наблюдаешь за их повадками. Так я узнал, что поползень может «ползать» по стволу дерева в поисках корма вверх и вниз головой, а пищуха, – только вверх по спирали вокруг ствола, потом она перелетает на новое дерево и начинает заново карабкаться снизу вверх. Зяблик – самая «близкоподпускающая» к себе птичка, а чем птица крупнее, тем больше расстояние, на которое она позволит к ней приблизиться.

Юрий Фокин на встрече со школьниками

Свиристель

Соловей

Средний пёстрый дятел.
Краснокнижный

Дрозд рябинник

Ушастая Сова

Поползень

Зяблик

Я фотографировал птиц и зимой и летом, и везде, где их встречал. Собралась коллекция фотографий более чем в сто двадцать их разновидностей.

В местной газете стал вести рубрику «Живая природа», где под своей фотографией какой-нибудь птицы немного рассказывал о ней.

Сделал фотокнигу «Птицы нашего края», один экземпляр которой подарил члену болгарской литературной делегации, приезжавшей к нашему литературному объединению с дружеским визитом, в память о прогулке по нашему парку.

Однажды показал фотографии пернатых, обитающих в парке, методисту Культурного Центра «Усадьба Кривякино» Марине Великорецкой. На основе этих фото мы решили создать интерактивную программу для детей и взрослых «Соседи по парку». В процессе поиска информации для программы, мы с большим удивлением обнаружили, что Средний пёстрый дятел, Белоспинный дятел и Седоголовый дятел, – являются краснокнижными! То есть, находятся под охраной и защитой государства, как редкий вид.

Благодаря творческому таланту Марины, интересная, познавательная программа «Соседи по парку» пользуется большой популярностью, и продолжает идти в Культурном Центре «Усадьба Кривякино». Судя по отзывам, в восторге были не только дети, но и взрослые, которым в силу своих повседневных забот, некогда смотреть по сторонам на каких-то там птичек. А прослушав вместе со своими детьми, раскрыв рот, рассказ о пичугах, качая головой, удивлённо выдыхали: «А мы и не зна-а-ли...!»

Если бы не мой новый объектив, так и не знали бы ни мы, ни наши дети столько интересного и важного о нашем парке и его жителях. Не знали бы и о редких птицах! Ещё возникает такой вопрос. А не повышается ли статус нашего парка, раз в нём постоянно живут птицы, находящиеся под охраной государства?

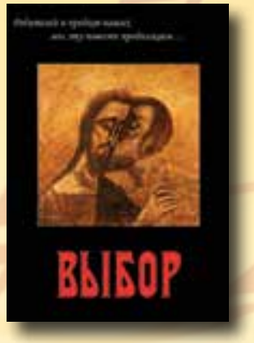
По моим подсчётам, живя постоянно или прилетая временно, в парке обитает более сорока разновидностей пернатых. А вот с появлением различных детских атракционов и динамиков, из которых летом раздаётся громкая музыка, на территории парка, к сожалению, перестали гнездоваться ушастые совы, видимо не по нраву им шумное соседство.

Зная, что в Кривякино живут пернатые из Красной книги, не должны ли мы как-то внимательнее относиться к парку и к его обитателям, с большей любовью и заботой? И не считать ли нам наш парк, вообще, уникальным?

PS. В 2020 году парк открыл свои двери после полномасштабной реконструкции и модернизации в рамках национального проекта «Жилье и городская среда». Были проведены большие работы по благоустройству территории и реставрации трех каскадных прудов. Все работы выполнялись с учетом сохранения местной флоры и фауны. И мы надеемся, что пернатым, обитающим в нашем парке, будет здесь уютно и комфортно. А чтобы посетители могли хорошенько разглядеть «краснокнижных» обитателей, не боясь их вспугнуть, на территории парка установлены бронзовые скульптурки этих редких птиц.

Документальный фильм о владельцах усадьбы Ачкасово Балиных (г.о. Воскресенск Московской области). Конец XIX начало XX века. О Елене Балиной, изображенной на знаменитом портрете Валентина Серова.

Воскресенскому литературному объединению «Радуга» имени Ивана Ивановича Лажечникова посвящается...

Фильм о священниках церквей Воскресенского округа Московской епархии, подвергшихся политическим репрессиям XX века и причисленных к лику святых для общецерковного почитания Собора новомучеников и исповедников Российских.

Об истории комсомольской организации на территории Воскресенского края.

Биографический документальный фильм об известном писателе XIX века Иване Ивановиче Лажечникове, авторе знаменитого исторического романа «Ледяной дом».

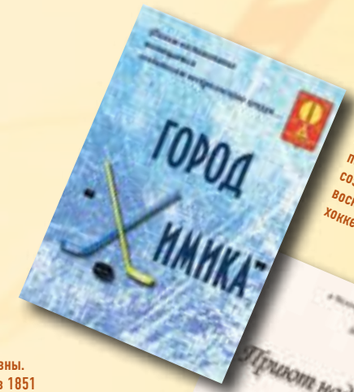
В фильме рассказывается о первом профессиональном враче на Воскресенской земле – Борисе Львовиче Кагане (1870-1912). О его жизни и деятельности, о милосердии, профессионализме и большой общественной работе. В фильме затронута тема становления медицины в России в конце XIX начале XX века.

Фильм об истории любви, неверотной преданности и верности Ивана Мелиссино и Прасковьи Долгоруковой (XVIII век), похороненных под спудом церкви Успения Богородицы села Константиново Воскресенского округа.

Фильм об Александре Осиповне Смирновой-Россет (1809 – 1882), одной из любимых фрейлин императрицы Марии Федоровны. Близкий друг Николая Васильевича Гоголя, который в 1851 году гостил у Смирновой в загородной усадьбе Спасское, расположенной на территории Воскресенского края.

Фильм-воспоминание посвящается создателям воскресенского хоккея...

В фильме рассказывается о детском доме № 1 спецназначения для детей, родители которых офицеры Красной Армии и Флота СССР, погибли в Великой Отечественной войне. Детский дом был организован в 1944 году в старинной усадьбе Спасское, расположенной на территории Воскресенского района.

ЦИКЛ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ФИЛЬМОВ «ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ВОСКРЕСЕНСКОГО КРАЯ», СОЗДАННЫЙ ТВОРЧЕСКОЙ ГРУППОЙ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ «ХИМИК» ИМ. Н.И.ДОКТОРОВА ШИРОКО ПРЕДСТАВЛЕН НА САЙТЕ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ HTTP://DKDOK.RU В РАЗДЕЛЕ «ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ВОСКРЕСЕНСКИЙ КРАЕВЕД»

2021 г.

ISBN 978-5-6047641-0-7

